

ISSN 1605-7880

Том 83. Номер 3

Май–Июнь 2024

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

НАУКА

— 1727 —

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 83 № 3 2024 Май—Июнь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-66705 от 28.07.2016 г.

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2024
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2024
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2024

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language

Volume 83 No. 3 2024 May–June

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate PI No. FS 77-66705, July 27, 2016

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zharebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2024
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2024
 - © Editorial Board of “Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language” (editing and composing), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2024, Том 83, Номер 3

«Заварить сборное месиво из обломков всех групп»: Российская ассоциация пролетарских писателей в Федерации объединений советских писателей	
<i>Д. С. Московская</i>	7
Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток)	
<i>В. В. Шигуров</i>	19
«Красное золото» Эптона Синклера и Петра Павленко: история несостоявшегося советско-американского романа	
<i>О. Ю. Панова</i>	33
Еще раз о происхождении юрацкого языка	
<i>А. Ю. Урманчиева</i>	45
Ретеллинг: новый жанр или недостаточно осмысленное «старое»?	
<i>М. Р. Ненарокова</i>	51
Ближний и дальний информационный потенциал «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990/2002	
<i>С. А. Крылов</i>	63
Мир вне шахмат в «Шахматах любви» (1475): фразеологические профили участников поэмы-игры	
<i>В. Б. Семёнов</i>	75
Лексическое выражение предчувствия средствами монгольских языков	
<i>Е. В. Сундueva</i>	85
Из истории советско-французских литературных связей 1930-х годов: неизвестное письмо французских писателей А. М. Горькому о В. Серже (по материалам Архива А. М. Горького)	
<i>М. А. Ариас-Вихиль</i>	92
Джордж Кеннан как один из прототипов англичанина в романе «Воскресение» Л. Н. Толстого	
<i>Г. В. Алексеева</i>	101
Элементы романтической поэтики в творчестве Рюдберга: преемственность и новаторство. Мотив странствия в поэзии Виктора Рюдберга	
<i>В. В. Сурков</i>	107

Из истории филологической науки

«Мы мало знаем раннего Брюсова...»: творчество поэта-символиста в научном наследии Н. К. Гудзия	
<i>М. А. Фролов</i>	116

Рецензии

Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / отв. ред. Р. И. Воронцов. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2023. 206 с.	
<i>А. Р. Пестова</i>	126

Хроника конференции

Международная конференция, посвященная 120-летию профессора
Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981)

А. А. Еселева 131

* * * * *

Академик РАН Юрий Дереникович Апресян (1930–2024)

И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин 136

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2024, Volume 83, Issue 3

“To Brew a Prefabricated Medley of the Wreckage of All Groups”: The Russian Association of Proletarian Writers in the Federation of Associations of Soviet Writers <i>D. S. Moskovskaya</i>	7
Degrees and Limits of Adverbial Transposition of Nouns in the Russian Language (Based on Formations with the Semantics of the Season and the Day) <i>V. V. Shigurov</i>	19
“Red Gold” by Upton Sinclair and Piotr Pavlenko: Unwritten Soviet-American Novel <i>O. Yu. Panova</i>	33
Once Again About the Origin of the Jurak Language <i>A. Yu. Urmanchieva</i>	45
Retelling: a New Genre or an Insufficiently Investigated “Old” Notion? <i>M. R. Nenarokova</i>	51
The Information Potential of the “Linguistic Encyclopedic Dictionary” 1990–2002 <i>S. A. Krylov</i>	63
The World Outside of Chess in “Scachs d’Amor” (1475): Phraseological Profiles of the Participants in the Game Poem <i>V. B. Semenov</i>	75
Lexical Expression of Presentiment in Mongolic Languages <i>E. V. Sundueva</i>	85
From the History of Soviet-French Literary Relations in the 1930s: An Unknown Letter from French Writers to A. M. Gorky about V. Serge (Based on Materials from the A. M. Gorky Archive) <i>M. A. Arias-Vikhil</i>	92
George Kennan as a Prototype of the Englishman in the Novel <i>Resurrection</i> by Leo Tolstoy <i>G. V. Alekseeva</i>	101
Elements of Romantic Poetics in Rydberg’s Work: Continuity and Innovation. The Motif of Journey in Viktor Rydberg’s Poetry <i>V. V. Surkov</i>	107

From the History of Philological Sciences

“We Know Little About the Early Bryusov...”: The Work of the Poet-Symbolist as Reflected in the Scholarly Heritage of N. K. Gudziy <i>M. A. Frolov</i>	116
--	-----

Reviews

A Large Academic Dictionary of the Russian Language in the Mirror of Scientific and Methodological Literature and Criticism: Reference Materials (1938–1970). Ed. by R. I. Vorontsov. St. Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. 206 p. <i>A. R. Pestova</i>	126
---	-----

Chronicles

120 Years of Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky (1903–1981). International Memorial Conference
A. A. Eseleva131

* * * * *

Academician of the Russian Academy of Sciences Yury Derenikovich Apresyan (1930–2024)
I. M. Boguslavskiy, L. L. Iomdin, L. P. Krysin136

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030014

**«Заварить сборное месиво из обломков всех групп»:
Российская ассоциация пролетарских писателей
в Федерации объединений советских писателей**

© 2024 г. Д. С. Московская

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
заведующая Отделом рукописей
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
darya-mos@yandex.ru

Резюме. Федерация объединений советских писателей (ФОСП) впервые рассмотрена с позиций социологии литературного процесса. Традиционный историко-литературный вопрос, кем и за чем была создана ФОСП, здесь заменен более значимой с точки зрения литературного процесса проблематикой: почему ФОСП возникла в условиях конкуренции на рынке литературного производства, кому в условиях рыночной экономики ФОСП была более всего нужна, и, наконец, существовала ли перспектива дальнейшего функционирования ФОСП после 1932 г. Показано, что ФОСП и ее институты, в первую очередь издательство «Федерация», были законным детищем эпохи нэпа и послужили стратегическим целям Ассоциации пролетарских писателей по завоеванию гегемонии на рынке литературного производства, по вовлечению в творческий процесс большого числа непрофессиональных малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев, созданию массового потребителя пролетарской литературной продукции и подавлению символической ценности высокохудожественной литературы и писательского профессионализма. Так как «генетический код» ФОСП, как и пролетарской Ассоциации, принадлежал к эпохе нэпа, у Федерации не было перспектив прижиться в экономико-политических условиях 1930-х годов.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Ключевые слова: ФОСП, РАПП, нэп, массовый писатель, литературное производство, поле литературы.

Для цитирования: *Московская Д.С.* «Заварить сборное месиво из обломков всех групп»: Российская ассоциация пролетарских писателей в Федерации объединений советских писателей // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.* 2024. Т. 83. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S1605788024030014

“To Brew a Prefabricated Medley of the Wreckage of All Groups”: The Russian Association of Proletarian Writers in the Federation of Associations of Soviet Writers

© 2024 Daria S. Moskovskaya

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher, Head of the Manuscripts Department
of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
darya-mos@yandex.ru

Abstract. The Federation of Soviet Writers' Associations (FOSP) is examined for the first time from the perspective of the sociology of the literary process. The traditional historical and literary question of who created the FOSP and why is replaced here by a more significant problem from the point of view of the literary process: why did the FOSP emerge in the conditions of competition on the market of literary production, who needed the FOSP most in the conditions of the market economy, and, finally, whether there was any prospect of the FOSP continuing to function after 1932. It is shown that the FOSP and its institutions, first and foremost the Federation publishing house, were the legitimate product of the NEP era and served the strategic goals of the Proletarian Union of Soviet Writers. Since the “genetic code” of the FOSP, like that of the Proletarian Association, belonged to the NEP era, the Federation had no chance of taking root in the economic and political conditions of the 1930s.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Key words: FOSP, RAPP, NEP, mass reader, literature production, literature field.

For citation: Moskovskaya, D.S. “Zavarit’ sbornoe mesivo iz oblomkov vsekh grupp”: Rossijskaya asociaciya proletarskih pisatelej v Federacii objedinenij sovetskih pisatelej [“To Brew a Prefabricated Medley of the Wreckage of All Groups”: The Russian Association of Proletarian Writers in the Federation of Associations of Soviet Writers]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 7–18. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030014

Федерация объединений советских писателей (ФОСП) до сих пор мало интересовала историков советской литературы. Несколько страниц ей уделил Э. Браун [1, с. 48–53]. С. Шешуков ненадолго задержался на этом объединении в монографии «Неистовые ревнители» [2, с. 99–103, 188–218] в разделах, посвященных борьбе Д. Фурманова с родовщиной и полемике журнала «На литературном посту» с А.К. Воронским по организационно-идеологическим вопросам федерирования¹. И только дважды ФОСП были посвящены монографические статьи: Аманды Меткаф “The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties” [3, с. 609–616] и принадлежащая перу

Андрея Рогачевского «В преддверии Союза писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы» [4, с. 265–278], опубликованная в коллективной монографии «Соцреалистический канон».

О создании Федерации объединений советских писателей было объявлено в июле 1925 г. Торжественно открытая в ноябре 1927-го, юбилейного для Советской власти года, она просуществовала до роспуска всех писательских союзов апрельской резолюцией ЦК ВКП (б) 1932 г., не оставив по себе сколько-нибудь впечатляющего послевкусия. В отличие от других литературных институций, возникших после окончания Гражданской войны в первые годы нэпа, ФОСП не обладала важнейшим институциональным признаком, если вслед за последователями феноменологической социологии рассматривать институционализацию как творческий процесс [5, с. 89–131]. И это существенно выделяет ее на фоне других, возникших

¹ Так в стенограммах пролетарских институций обозначалось объединение писательских союзов с сохранением определенной самостоятельности в рамках Федерации. Здесь и далее этот термин будет использоваться в указанном значении.

в 1920-е годы, до начала реконструктивного периода, писательских объединений, рожденных идейно-эстетическим порывом нескольких единомышленников и сохранивших свое имя в истории литературы, таких как «Серапионовы братья» (1921), Леф (1923), ЛЦК (Литературный центр конструктивистов, 1924), «Перевал» (1924), «Обэриу» (1927) и целый ряд пролетарских организаций — Пролеткульт и его наследники. Связанные с 1918 г. с Наркомпросом Пролеткульта до своего окончательного разгона в 1932 г. так и не стали «одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата» [6, с. 38]. Богдановскую «скверну», «пролеткультуру кружковщины» (Л. Авербах) наследовали поэты-единомышленники «Кузницы», исповедовавшие идею писательской «специализации, мастерства». За что и поплатились. 7 декабря 1922 г. созданная «Кузницей» Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) была развалена объединенными силами группы «Октябрь» (С. Родов, С. Малашкин и А. Дорогойченко), «Молодая Гвардия» (А. Веселый, А. Безыменский, А. Жаров, Г. Шубин, Н. Кузнецов), «Рабочая Весна» (А. Соколов, А. Исбах, И. Доронин) и «дикими», вне групп, к ним примкнувшими Ю. Либединским, Г. Лелевичем и А. Тарасовым-Родионовым. Сама «Кузница» была вытеснена на периферию литературного процесса и неловко пыталась уцелеть в недрах обновленной в 1926 г. ВАПП. Идеологически-классовый принцип последней, поддержанной, с одной стороны, Отделом печати ЦК партии и ЦК комсомола, с другой, не исключал, однако, подлинно творческого, творящего начала. Среди подписантов публичного заявления о выходе из «Кузницы» были одаренные молодые поэты и писатели, искавшие себе союзников среди себе подобных непрофессионалов. Вскоре они покинули стеснявшую их напостовским ригоризмом ВАПП, чтобы найти себя в альтернативном рабоче-крестьянском писательском союзе «Перевал», созданном Воронским, который, так же как и руководство ВАПП, выполнял в этом деле партийное задание.

На этом пестром и бурлящем литературном фронте, где действовала полная раннего революционного энтузиазма писательская молодежь, разбившаяся на «братские» (Серапионы), «человеческие» (Перевал), «товарищеские, мастерские» (Леф), «рациональные» (ЛЦК), «комсомольские, романтические» («Молодая Гвардия», «Рабочая Весна»), «классовые» («Октябрь») союзы, — история ФОСП обыденна и скучна. Ее институциональная природа инструментальна и искусственна [7, с. 539], принудительное пребывание в

прокрустовом ложе Федерации разномасштабных писательских групп было лишено какого-либо созидательного, энтузиастического начала: каждая группировка, даже самая «пиквикская» [8, с. 218], такая как ВСП, пыталась получить от ФОСП некую выгоду. Самым интригующим для немногих исследователей истории ФОСП было понять, какими инструментами, кем и руководствуясь какими мотивами Федерация была создана.

По этому кругу вопросов мнения разделились.

Э. Браун пишет, что постановление ЦК «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. лишило ВАПП возможности бороться за гегемонию на литературном фронте и ВАПП была вынуждена начать заново, шаг за шагом завоевывая расположение попутчиков и одновременно зарабатывая себе право на лидерство, что невозможно было бы сделать, сохрани она самоизоляцию [1, с. 48]. С этой целью в начале 1926 г. лидеры ВАПП обратились в Отдел печати ЦК с предложением создать Федерацию объединений советских писателей, где пролетарские писатели работали бы бок о бок с попутчиками. По мнению Э. Брауна, пролетарская литература была объектом особого расположения партии, политическая линия ВАПП на культурном фронте пользовалась ее полной поддержкой и обещание партии, что будущее будет принадлежать пролетарской культуре, казалось полностью осуществимым.

С. Шешуков предложил свою версию событий. Так же связав появление ФОСП с Резолюцией ЦК 1925 г., он утверждал, что «непосредственная инициатива в объединении советских писателей принадлежала Отделу печати ЦК РКП(б). Осуществить эту инициативу было поручено ВАПП» [2, с. 189]. Федерация советских писателей образовалась «в результате глубоко разумной политики партии» и имела все шансы стать «ускорителем в идейно-творческом единении всех честных писательских сил», чему помешали «рапповцы, продолжавшие свою сектантскую линию» [2, с. 101, 189]. С. Шешуков утверждал, что Резолюция ЦК полагала принципиально новую линию в литературном процессе: «Образование федерации явилось первым и вполне реальным шагом на пути полного объединения всех советских писателей — на пути создания Союза советских писателей СССР» [2, с. 101].

Сходной точки зрения придерживалась и А. Меткаф, считавшая Резолюцию 1925 г. «первым реальным примером партийной заботы о создании основных условий для роста новой культуры в первые годы нового режима» [3, с. 609], и ФОСП, инициированная ВАПП с целью объединения

лучших сил советской литературы, стала конкретным плодом Резолюции.

А. Рогачевский, как и С. Шешуков, полагает, что инициатива создания Федерации исходила от Отдела печати ЦК, а основы для ее формирования были разработаны в резолюции ЦК от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», предусматривавшей возможность организационного сплочения всех небуржуазных по своим взглядам деятелей литературы [4, с. 267]. Как и его предшественники, А. Рогачевский подчеркнул исключительную роль ВАПП в жизни ФОСП: «Чем бы, однако, ни занималась Федерация, тон в ней задавали ВАППовцы» [4, с. 273]. Закономерно схож с мнением Шешукова и следующий из этого наблюдения вывод: «Управление литературой, подразумевающее полное и беспрекословное подчинение всех без исключения писателей чьей-то единой воле (подразумевается воля ЦК. — Д.М.), в подобной атмосфере оказывалось невозможным» [4, с. 273]. ФОСП, как удачно определил А. Рогачевский, была «мертворожденным» писательским союзом, от «возни» с которым партия отказалась, «предпочитая, чтобы литераторы оставались с Советской властью, так сказать, один на один» [4, с. 274].

Исследования Э. Брауна, А. Меткаф и А. Рогачевского ценны тщательной работой с текущей периодикой времени, анализом саморепрезентации ВАПП собственной роли в образовании ФОСП, определением благих ожиданий федерирующихся от плодов объединения, разочарований во внутренней политике ФОСП под диктатурой ВАПП / РАПП и воспроизведением полемики попутчиков с «пролетарями» (см. библиографию периодики к истории ФОСП: [9, с. 231–232]). Как лаконично отмечает А. Рогачевский в заключительных строках обширной библиографии к статье, «архив ФОСП, уцелевший не полностью, находится на хранении в Институте мировой литературы Российской Академии наук» [4, с. 279].

Действительно, архивные первоисточники способны внести определенные коррективы в представления о контексте и движущих силах литературного процесса и, что, возможно, самое существенное, об истинных мотивах его акторов, но только в том случае, если исследователь не подчиняет первоисточник своим научным предпочтениям, как то имело место в книге С. Шешукова. Опираясь на архивы РАПП Отдела рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, он расслоил пролетарское движение на «ангелов и демонов», отнеся

к первым представителей подлинно партийной линии Д. Фурманова и А. Фадеева, ко вторым — Л. Авербаха и иже с ним, представив таким образом «пролетарский эпизод» советской литературы 1920-х годов как опыт неудачной реализации генеральной линии партии на объединение советских писателей в единую, преданную идеям социализма организацию. Обращение к архивам, как справедливо пишет М. Маликова, обеспечивает в исследовании истории культуры переход на социо-антропологический уровень, представляющий «этос составлявших ее отдельных лиц» [10, с. 6], складывающий новые сюжеты, обнаруживающий новые мотивы в этой истории. Верно и то, что «в архиве учреждения культуры официальные документы обычно значительно преобладают над личными» [10, с. 6], и то, что «для филолога интереснее заниматься филологическими темами, а не партийно-политическими обстоятельствами» [11, с. 3] или «бюрократической» документацией. Но именно деловой документооборот, стенограммы пленумов и конференций, заседаний бюро, секретариатов, резолюции, постановления и т.д. литературных организаций позволяют терпеливому исследователю сосредоточиться на функциях литературных институтов — производстве, коммуникации, потреблении, создании символического капитала [12]–[15]. В этой исследовательской перспективе «самые “чистые” манифестации — даже наиболее критичных интеллектуалов» — окажутся обязанными «мотивам и причинам “нечистым” и, во всяком случае, часто сокрытым от этих профессионалов ясности» [14]. Таким образом, последовательно социологический институциональный подход к литературному процессу методологически напоминает о необходимости присмотреться к институциям и акторам литературной истории, приняв тот отрезвляющий факт, что в их противостоянии или согласии прячется прежде всего социально-психологическая «нужда», а не «добродетель».

В условиях полифоничной культуры «межсезонья»² силы, диктовавшие правила литературного производства, принципиально не меняли структуры социального пространства, определенного неравным распределением различных видов капитала. Перелом 1925 г., вызванный Резолюцией

² Для литературной ситуации эпохи нэпа Н.В. Корниенко предложила определение «оттепель», имея в виду временное «ослабление поводов» в руководстве культурой. В свою очередь, Б.Я. Фрезинский назвал оттепелью «либеральный» период с мая 1932-го по почти весь 1933 г., когда Литгазета «печатает стихи Мандельштама <...> Пастернака <...>, почувствованный некролог М. Волошину <...>» [17, с. 242].

ЦК о литературной политике, обусловил появление на рынке вместо управляемой «финансовым механизмом» бульварщины ценностей идеологических, обеспечивающих социальную гегемонию, а с ней и вполне осязаемый материальный эквивалент. В условиях раннего нэпа «заказ на вдохновение» сначала породил «коммунистическую пинкертоновщину» с клишированными формами западной приключенческой и научно-фантастической беллетристики. После 1926 г. он явил себя в массовом производстве очерковой литературы и производственных романов — последствиях риторических стратегий и идеологических практик РАПП по «массовизации» литературного производства [16].

Теоретический каркас институционального подхода представляется наиболее подходящим для рассмотрения истории ФОСП, неразделимой с историей борьбы ВАПП / РАПП за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой.

Предпосылки и неизбежность создания Федерации объединений советских писателей коренятся в экономической ситуации раннего нэпа, существо которого состояло в острой конкуренции на рынке литературного производства. К середине нэпа, в 1925 г., в РСФСР насчитывалось уже 970 частных и государственных издательств, взявших курс на публикацию прежде всего иностранной литературы, на которую приходилось 38%, или 233 издания, русская классика — 13%, а также попутчиков, которым было предоставлено 226, или 36,5% изданий. В частных издательствах иностранная литература занимала 75–80%, современная мелкобуржуазная — 25%. Крестьянская и пролетарская литература довольствовалась всего 76 изданиями, или 12% от общей массы книг³: экономическая конкуренция не оставляла шансов малоинтересному и непрофессиональному пролетарскому, крестьянскому, армейскому писателю быть изданными и прочитанными, и созданная в октябре 1920 г. на I Всероссийском съезде пролетарских писателей ВАПП в издательском отношении оказалась изгоем: «Куда бы ни обращалось ВАПП, нам отвечали — ваша организация нам не нужна, давайте нам писателей, давайте литературу»⁴.

В условиях, когда классовые сражения ушли с полей гражданской войны, ВАПП имела право на целый ряд справедливых претензий к ЦК. Во-первых, после публикации 1 декабря 1920 г.

в «Правде» письма ЦК РКП (б) «О пролеткультах» с критикой пролеткультистских ошибок победивший класс потерял право на самостоятельное проведение культурной политики и гегемонию на фронте культурной революции. Во-вторых, партия с культурно-просветительским прицелом одобрила творческую свободу и отказ от эстетического догматизма. В ответ в обеих столицах стали один за другим появляться новые литературно-художественные журналы: «Петербург», «Дом искусства», «Записки мечтателей», «Летопись Дома литераторов», «Книжный угол», «Вестник литературы», «Художественное слово», «Жизнь», «Литературные записки» и проч., где публиковались откровенно аполитичные и подчас антибольшевистски и антипролетарски настроенные писатели А. Ахматова, В. Ходасевич, М. Зощенко, Мих. Слонимский, М. Шагинян и др., пользовавшиеся тем не менее поддержкой и одобрением центральной партийной прессы («Правда», 1922).

Декреты «О платности произведений неперидической печати» и «О введении платности газет», обнародованные в декабре 1921 г., законодательно закрепили товарно-денежные отношения при сбыте печатной продукции. Как следует из Протоколов заседаний коллегии агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б), 15 декабря 1921 г. периодика была переведена на хозяйственные начала⁵. Одновременно потерял монополию на книжное производство и распространение книг Госиздат, а с 1922 г. он и вовсе стал самостоятельным юридическим лицом, вступив в конкурентную борьбу на книжном рынке с кооперативными издательствами. И только та часть ГИЗа, которая из Главка Наркомпроса успела к 1922 г. вырасти до уровня Главного управления по делам печати, осталась на госснабжении.

3 февраля 1921 г. указом Н.К. Крупской заведующим редакционно-издательским подотделом Главполитпросвета был назначен А.К. Воронский, вскоре введенный в состав Коллегии Агитпропотдела Госиздата, того самого отдела, который еще в годы гражданской войны вел пропаганду и агитацию в лагере противника, занимался стилистической правкой и написанием агитлитературы. В мае 1922 г. решением Оргбюро ЦК Воронский получил назначение заместителя Н.Л. Мещерякова — руководителя Политотдела ГИЗа, бывшего одновременно председателем редколлегии ГИЗа [18, с. 86]. Как пишет М.В. Зеленов, в этот момент трудно было определить, кто формально выше — руководитель Политотдела ГИЗа

³ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 48. Л. 26, 29, 35.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 33.

⁵ ГАРФ. А-2313. Оп. 1. Д. 30. Л. 35.

или руководитель Главлита; политотдел ГИЗа или Главлит. Важно другое: в руках Воронского сосредоточились значительные материальные, идеологические и властные ресурсы [19].

Усиление Воронского меньше всего способствовало поддержке массового пролетарского писателя. Как свидетельствовал Родов, «у ВАППа было абсолютное отсутствие средств⁶. В 22 г. <...> ни один литературно-художественный журнал Москвы, а вы знаете, что отсюда начинается борьба, не оставался без непосредственного руководства Воронского или без его контролирующего влияния. Контролирующие организации были в руках Воронского, и он направлял эти журналы и издательства»⁷. Вот почему появление в 1923 г. журнала пролетарской марксистской критики (первоначально — «ежемесячный литературно-критический журнал») «На посту» стало переломным моментом в истории советской литературы. Тем не менее финансово-организационный вопрос, волновавший участников январского Всесоюзного совещания 1925 г., оставался нерешенной частью более значительной проблемы политического веса ВАПП, коррелирующей с задачей перевода культурной революции на рельсы идеологической классовой борьбы с попутчиками и привлечением внимания ЦК к отвергнутому Лениным проекту пролетарской культуры.

Борьба за небескорыстное право на эксклюзивное обслуживание интересов власти в культурно-идеологической сфере станет определяющим в отношениях ВАПП с ЦК и Наркомпросом. Через полгода после начала выхода печатного органа МАПП журнала «На посту» во главе с Б. Волиным, Г. Лелевичем, С. Родовым, 10 февраля 1924 г. создается временное правление ВАПП, включавшее представителя отдела печати ЦК Вл. Нарбута и взявшее курс на непримиримую борьбу с интеллигентами-попутчиками — против Воронского, Всероссийского союза писателей (ВСП) и «Кузницы» — с их формально-содержательной свободой, классовой всеядностью, либерализмом и гуманизмом. Начинается создание могучей корпорации ВАПП с эффективными механизмами концентрации финансовых, идеологических и политических ресурсов.

Новое правление ВАПП видит себя «комъячейкой в литературе» и разрывает с конкурентами-попутчиками.

В результате к 1925 г. советская литература была по-прежнему раздираема борьбой между

двумя главными игроками на культурной арене Республики — одним, представленным Воронским и группой писателей-попутчиков, крепких своим талантом и творческим потенциалом и связью с высшими властными партийно-государственными структурами, и другим, обладающим широкой кружковой пролеткультовской базой и до сих пор не вызывавшим доверия ЦК в своем стремлении к самостоятельности в культурно-идеологической деятельности. Для подлинной победы ВАПП была необходима ясно артикулированная поддержка политического центра страны, ЦК партии, но позиция ЦК оставалась главным вопросом времени. Ее двойственность обнаружилась сразу после Всесоюзного совещания Ассоциации в январе 1925 г. в мягкой аттестации, которую Сталин дал Воронскому на встрече с делегацией ВАПП 2 февраля 1925 г., ошеломившей руководство ВАПП: Воронский, дескать, не водит попутчиков, а всего лишь «водим ими»⁸. Двойственность была и в Резолюции от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», и, наконец, в замысле Федерации объединений советских писателей.

Различные организационно-идеологические выводы, сделанные вапповцами из июньской резолюции ЦК, и острая реакция ЦК на непримиримую позицию напостовцев стали причиной раскола в Правлении ВАПП, избранном 1-й Всесоюзной конференцией в январе 1925 г. Вначале резолюция была оценена как победа пролетарской литературы и поражение воронщины. Однако, как комментировал ситуацию Авербах, «мы поняли, что в некоторых существенных пунктах резолюции ЦК бьет по нашим ошибкам»⁹.

После подавления в феврале-марте 1926 г. на 5-й конференции МАПП и Чрезвычайной всесоюзной конференции ВАПП крайне левого напостовского крыла, обвиненного в участии в «новой оппозиции», обновленное бюро коммунистической фракции ВАПП по-прежнему искало поддержки не в Наркомпросе, а в Отделе печати ЦК. Партийная верхушка ВАПП предлагала себя в качестве исполнительного коллегиального органа Отдела печати в качестве специальной комиссии, определив для себя фронт работ по идеологическому цензурированию литературной продукции, предполагая охватить ею не только художественную, издаваемую государственными, в том числе партийно-советскими, и частными издательствами литературу, но также

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.

⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–3.

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

эмигрантскую, не ограничиваясь книгоизданием, но включив также газетную и журнальную периодику от Москвы до Тифлиса. ВАПП хотел поставить на контроль текущие библиографические обзоры, литературные хроники и даже литературоведческие штудии, предвосхищая литературные практики ассоциации и разметив будущую структуру ФОСП с его писательским Клубом им. А.М. Горького, Кабинетами по изучению труда и быта писателя, изучению читателя, библиографическим кабинетом, Ассоциацией переводчиков, Театральной мастерской, Детской секцией и многочисленными комиссиями — жилищной, издательской, правовой, по общим вопросам, по работе с писателями, по Литфонду и проч., создаваемых по случаю — в руководящих органах которых представители ВАПП/РАПП сформировали подавляющее большинство. Пренебрегши литературно-художественным производством, ВАПП обеспечила себе стратегически бесприигрышную позицию *над* ним и девальвацию символического капитала попутчиков с их политическими связями, творческим багажом и, главное, востребованностью на книжном рынке.

Известное суждение о том, что изгибы и повороты литературной борьбы 1920-х годов повторяли влиятельную в борьбе с оппозициями «генеральную линию» партии, можно уточнить соображениями институционального самосохранения: изгибы и повороты были следствием острой конкуренции на рынке литературного производства. Зигзагоподобные «маркетинговые» ходы ВАПП — от альянсов с Лефом и ЛЦК против Воронского до попыток изоляции пролетлитературы и отказа от федерирования, сменившихся активностью по созданию ФОСП, — были связаны с ясным пониманием того, что в условиях рыночной экономики главным признаком гегемонии на литературном фронте является «читаемость произведения» [20, с. 7]. О ней не могло быть речи в 1920–1926 гг., потому что, как справедливо писал Э. Браун, «попутчики по своему образованию, общей культуре и художественным достижениям намного превосходили борющихся пролетариев (пасынков культуры)» [1, с. 49]. ВАПП не выдерживала экономической конкуренции, об этом свидетельствовала развернувшаяся на Всероссийской конференции пролетарских писателей в январе 1925 г. дискуссия, посвященная издательским планам и возможностям «пролетаров». На ней выступивший с развернутой репликой представитель Отдела печати ЦК Вл. Нарбут наметил актуальную стратегию, затем реализованную ВАПП в ФОСП: «Нужно ли вам, как пролетарским писателям, свое издательство?

Вот вопрос спорный — можно и нужно ли? <...> Прежде всего нужно овладеть всеми существующими издательствами в области художественной литературы»¹⁰.

Нарбут имел в виду внедрение в редакции «своих людей», таких, например, как Ф. Раскольников, Д. Бедный, Д. Фурманов, Ф. Жига и проч.: количественный перевес пролетарских критиков в редакциях издательств мог обеспечить продвижение на книжном рынке пролетлитературы. Конкуренция на книжном рынке и связанная с ней гонорарная политика издательств, ориентированных на читательские запросы, ставили пролетписателей перед почти невыполнимыми требованиями к рыночному качеству литературной продукции.

Таким образом, проект объединения писательских союзов, кому бы он в конечном счете ни принадлежал, был использован ВАПП, прежде всего, для самосохранения и реализации себя как институции, что означало создание действенных рабочих механизмов для защиты и подавления сильного конкурента [8, с. 217–221]; [21] и обеспечения пространства для дальнейшего роста. Они были созданы с использованием набора обдуманых риторических ходов, скрывающих подлинные интенции рвущейся к гегемонии организации.

На словах было решено, во-первых, «отодвинуть на задний план задачу борьбы с воронщиной, с правым капитулянтским уклоном, считая, что всякие нападки на ВАПП как на организацию будут неизбежно ликвидироваться в партийном порядке». Во-вторых, приступить к организации Федерации объединений советских писателей «как формы срабатывания ВАППа с попутчиками и отрыв их от буржуазных писателей»¹¹.

Могла ли Федерация в условиях нэпа стать организационной формой для переваривания конфликтов и выработки приемов мирного сосуществования двух главных претендентов на культурную гегемонию — тех, кто по рождению и воспитанию обладал «образованием, общей культурой и художественными достижениями», и тех, кого Э. Браун удачно назвал *пасынками культуры*? «Не старая культура должна завоевывать массу, а рабочий класс должен овладеть старой культурой» [22, с. 1]. Можно ли было в этой прифронтовой ситуации создать удобно обустроенную резервацию для лояльной власти разносословных писателей? Возможно ли это было вообще в ситуации,

¹⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

когда эквивалентом успеха в литературном поле была и все еще оставалась финансовая отдача книжной продукции?

При поддержке лояльного ВАПП Отдела Печати ЦК, решающего собственные ведомственные задачи, ФОСП был использован ВАПП как прикрытия для хитроумного решения двух своих давних стратегических задач: во-первых, для расправы со старым руководством ВАППа — Левиным—Родовым—Вардиным и утверждения во власти группы «октябристов» Авербаха—Киршона—Либединского; во-вторых, для окончательной победы над «Воронским Карфагеном». Важнейшим же практическим следствием появления ФОСП для ВАПП могла стать издательская программа, которая перераспределила бы публикаторские возможности федерированных писательских союзов и вырвала бы очевидное преимущество из рук монополистов-мастеров слова, развернув рынок литературной продукции к массовому рабоче-крестьянскому писателю и читателю.

Финансирование ФОСП отвечало ее федеративному строению. Основной капитал ФОСП в момент создания составил 300 000 рублей, выданных Наркомфином «в качестве авансовой ссуды без указания срока и условий кредитования впредь до оформления этого вопроса в Наркомфинплане»¹². Финансово-бюджетная комиссия ФОСП распределяла полученные средства между учредителями, организациями-дебиторами и своими подразделениями (органами), среди которых было вновь созданное издательство «Федерация». Очевидно, что такая форма финансирования допускала автономное экономическое существование каждого из членов и каждая организация могла претендовать на независимость и даже стремиться к гегемонии, и в случае успеха одна из них могла превратить ФОСП в иерархическую структуру, единовластно руководимую победившим членом, реализующим собственную политику.

Получить руководящую роль в ФОСП предоставило ВАПП Постановление ЦК от 23 августа 1926 г. «О работе советских органов, ведающих вопросами печати», предписавшее Отделу печати ЦК проводить партийные директивы через комфракции издательств и писательских союзов. 4 марта 1927 г. была создана коммунистическая фракция ФОСП во главе с секретарем ВАПП А.А. Фадеевым. Заседания комфракции ФОСП, где руководил ВАПП, стали площадкой,

где отныне оформлялись идейно-политические задачи Федерации. Наступал момент торжества ВАПП, полноты фактического осуществления его целей. Публикация романа «Краткосрочники» Куклина, поддержка его Замятиным и отказ Ленинградского отделения ФОСП осудить группу «Перевал» потребовали в конце июля 1929 г. проверки Правлением ФОСП своего Ленинградского отделения. ЛО ФОСП было создано во второй половине марта 1927 г. по инициативе Правления ФОСП. Появление Ленотдела ФОСП мотивировалось тем, что «огромный рост литературного движения и наличие целого ряда литературных организаций требуют существования руководящего литературно-политического органа, каким является Федерация писателей. Существование ФОСП в Ленинграде является тем более необходимым, что Ленинград представляет собой один из крупнейших центров литературной жизни СССР»¹³.

Проверкой, организованной правлением ФОСП в Ленинграде в конце июля 1929 г., было установлено, что в ЛО процветает местничество и кастовая замкнутость, групповщина, преодолеть которые может массовый приток пролетарской молодежи, ленинградского объединения красноармейцев и краснофлотцев и связь с московской ФОСП, что усугубляется тем, что в ЛО ВСП вообще нет комфракции и партийная работа там не ведется¹⁴. Решением комиссии в ЛО была создана комфракция как «единая постоянно действующая партийная организация, осуществляющая по директивам обкома ВКП (б) политическое руководство ЛО ФОСП», и «Бюро фракции, которое должно руководить деятельностью исполнительных органов ФОСП»¹⁵.

Пробой принципиально новых отношений — а именно фактическое руководство ФОСП коммунистической вапповской фракцией — стал известный сюжет с публикацией в «белогвардейском издательстве» контрреволюционного романа Б. Пильняка «Красное дерево», позволивший ВАПП нанести еще один мощный удар по конкурентам. Теперь удар метил в ВСП, где собралось больше всего востребованных рынком талантливых попутчиков. Дело Пильняка—Замятина позволило Авербаху потребовать проведения совещания в Отделе печати ЦК и чистки рядов ВСП: «Разрушать ВСП не имеет смысла. Нужно изменить его, дискредитируя нынешнее руководство,

¹³ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–3.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 69. Л. 37.

привлекая к этому левых попутчиков и сплачивая их вокруг себя»¹⁶. Решением комфракции ФОСП старое руководство ВСП 5 сентября 1929 г. было расформировано, а сама организация переименована, став ВССП, Всероссийским союзом советских писателей.

Дело Пильняка—Замятина способствовало наступлению в истории ФОСП нового этапа, суть которого, как подчеркнул Совет ФОСП 28 июня 1930 г., в том, чтобы, наконец, «все литературные организации сплотились вокруг РАПП, чтобы помогать завоеванию гегемонии пролетарской литературой»¹⁷. С этого момента федеративный, а значит и конкурентный период в истории ФОСП, отвечавший политико-идеологической и экономической природе нэпа, закончился. Появление новой, рапповской, с точки зрения политико-идеологического руководства, ФОСП указывает на существенное изменение в жизни литературных объединений в годы первой пятилетки. Оно связано с окончательным закреплением другого типа финансово-юридических отношений между писателем и заказчиком, который ярко иллюстрирует судьба издательства ФОСП «Федерация».

Впервые вопрос о специальном издательстве при ФОСП возник на заседании Правления уже 6 января 1927 г. «Если есть общая платформа, то есть и общее лицо, будет и основная группа», — считал Воронский, имея в виду свободное объединение в изданиях ФОСП попутчиков и вапповцев¹⁸. Однако ВАПП не допускала возможности издания «общих альманахов, в которых одновременно участвовали бы члены ВАПП и члены ВСП»¹⁹. Когда же 14 января 1927 г. Отделу печати было заявлено о желании ФОСП иметь свое собственное издательство и процесс его создания стартовал, ВАПП увидела здесь перспективу для выполнения наставлений Вл. Нарбута о создании численного перевеса «пролетаров» в издательствах и редакциях. Единственным способом достичь нужного перевеса были политико-идеологические аргументы, выдвинутые от имени ФОСП. Еще недавно, в 1926 г., ВАПП жаловалась в Отдел печати ЦК, что «в литературной критике процветает все что угодно, кроме четкой ортодоксально-марксистской идеологической линии. В то время такие факты, как одинаковое финансирование Совнаркомом ВАПП и “Круга”, подрывают у нас убежденность в важности нашей

работы. ВАППу, имеющему организации во всех губерниях и на всех крупных предприятиях союза, дается столько же денег, сколько и “Кругу”, издательству тех групп писателей, которые и без того, по большей части, могут найти издателей. <...> еще худшее происходит в национальных республиках, там местные органы совершенно отказываются финансировать ВАППовские организации, издавая литературу, которую не всегда можно назвать попутнической»²⁰. В 1928 г. возможность победы над попутчиками в издательской сфере стала почти реальностью. От имени комфракции ФОСП потребовала передачи себе всех материальных активов «Круга» и поглощения его марки и ресурсов издательством «Федерация». 11 апреля 1928 г. Исполбюро ФОСП получило заявление от артели «Круг», где были сформулированы условия, на которых артель готова войти в ФОСП. Во-первых, она требовала для себя автономии, самостоятельности и дееспособности на рынке книжной продукции, обеспечения себя издательским планом и правом выпускать продукцию под двумя марками; во-вторых, желала представительства в редсовете издательства «Федерация» и в руководящих органах ФОСП; в-третьих, хотела получить право выхода из ФОСП со всем своим капиталом. Но сопротивление было напрасно: «Круг» был поглощен «Федерацией». Борьба с «Красной новью» шла труднее. Лишь в 1931 г. ФОСП принял решение сделать журнал собственным печатным органом. Новый состав редколлегии возглавил А.А. Фадеев.

«Федерация» начала функционировать уже в октябре 1927 г. Согласно Уставу, она являлась «общественным издательством республиканского значения, действующим на началах хозяйственного расчета <...> прибыль распределяется решением ФОСП и по ее усмотрению»²¹. Однако в середине 1929 г. на первый план вышли требования политико-идеологические, а к началу 1932 г. работа издательства изменилась в корне. От редакции и редсовета потребовали повысить политическую ответственность, что было отмечено в протоколе заседания Правления издательства от 13/1-1932 г.: «Вся продукция этого года идет под сугубым контролем как в редакционном, так и в политическом отношении, и план издательства носит не только производственный, а и литературно политический характер, отвечающий задачам социалистического строительства»²².

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

¹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

¹⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

²⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.

²¹ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

²² ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 69. Л. 3

Закономерно, что уровень многих произведений, созданных по социальному заказу, оказался настолько низким, что в январе 1932 г. издательство было вынуждено списать по счету законсервированных и отклоненных рукописей в убыток 39187 руб. 46 коп. [23].

Но не этот итог существенен для истории литературы, а то, что создание «Федерации» позволило РАПП завершить начатую ее предшественницей, ВАПП, стратегическую задачу вовлечения в творческий процесс большого числа непрофессиональных малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев, *создания массового потребителя пролетарской литературной продукции* и подавления символической ценности высокохудожественной литературы и писательского профессионализма. Осуществить эту трансформацию ценностей стало возможно, когда на культурной арене явилась рабоче-крестьянская масса, требовавшая себе «права на культуру». ВАПП заявила о себе во весь голос, когда «культурность» и «образованность», представлявшие всегда весомую социальную ценность, стали стратегиями продвижения по лестнице социальных статусов. Неудивительно, что ВАПП оказалась в этом поле абсолютным монополистом, получив исключительные права на работу с массами Резолюцией ЦК 1925 г. Она, как писал журнал «На литературном посту», «заставила широкие слои партии (и не только партии) пристальнее взглянуть на те организации, которые пролетлитературное движение оформляют, направляют в коммунистическое русло. Такой организацией, ставящей задачу охвата массового литературного движения, начиная от *зародышевых*, но в то же время небывалых по охвату форм (рабкоры, стенгазеты и др.) и кончая идеологически осознанной литературно-художественной продукцией (выявившие себя писатели-мастера), — является ВАПП» [24, с. 44].

Понятие «массовой литературы» Резолюция по-ленински трактовала как литературу, рассчитанную на «действительно массового читателя, рабочего и крестьянского», как художественную форму, «понятную миллионам», как «новую литературу — пролетарскую и крестьянскую, в первую очередь» [25]. Создание массовой литературы, согласно Резолюции, было программой «массового культурного роста» как единственного пути к «коммунистическому обществу», проходящему *зародышевые* формы — рабселькоровские кружки. Таким образом, концепция массовой рабоче-крестьянской литературы стала охранной грамотой ВАПП, получившей из рук ЦК идеологическое

оружие в борьбе с монополизацией книжного рынка попутчиками и аргумент в общении с Наркомпросом для финансовой поддержки своей политической линии в ФОСП.

Итак, ФОСП как инструментальная институция родилась преждевременно, недоношенной, зачатой в недрах укрепляющего свои позиции Отдела печати ЦК, курируемого Сталиным, в то время равнодушным к литературным боям²³, и была использована ВАПП для защиты и расширения своих институциональных границ. Сама ФОСП с самого своего возникновения была обречена на гибель, так как была детищем нэпа, когда возможности литературных группировок определялись рынком и конкуренция сильных игроков подтачивала перспективы директивного управления литературой. Кроме того, история ФОСП неразделима с историей конкурентной борьбы ВАПП / РАПП за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой. Определенный успех, которого добилась на этом пути ВАПП / РАПП, действительно сумевшая деинституционализировать вошедшие в ФОСП организации, перемолов их в «сборное месиво из обломков всех групп», не был нужен ЦК. «Другой» институт с прямым, без посредников, управлением, с новым типом отношений литератора и работодателя, был создан в 1934 г. в виде гомогенного массового писательского союза — Союза советских писателей СССР, удачно названного Б. Фрезинским *наркоматом литературы*, направляемым непосредственно Политбюро. Вместе с ним была уничтожена и надолго забыта ФОСП, как и приватизировавшая его РАПП, «генетический код» которых принадлежал к предыдущей эпохе. Однако созданные РАПП и отработанные в ФОСП литературные практики и организационные решения успешно хабилизировались и послужили Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим» [8, с. 213] — долговечной матрицей для институционального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown E.J. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. N.Y.: Columbia univ. press, 1953. 311 p.

²³ «Роль И.В. Сталина в вопросах руководства литературным процессом <...> до начала 1930-х годов представляется <...> минимальной. В этот период генеральный секретарь партии не принимал активного участия в борьбе за идеологическое формирование позиции ЦК по ключевым вопросам развития и состояния советской литературы» [26, с. 4–5].

2. Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: МПГУ, 2013. 336 с.
3. Metcalf A. The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 65. No. 4. Pp. 609–616.
4. Рогачевский А. В преддверии союза писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 265–278.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Коваленко Д.А., Ознобишин Д.В. К вопросу о революционном творчестве рабочих масс после свержения самодержавия в России // *Вопросы истории*. 1958. № 1. С. 22–44.
7. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: АСТ, 2021. 416 с.
9. Советское литературоведение и критика. Библиографический указатель. М., 1966. 586 с.
10. Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 492 с.
11. Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.
12. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.
13. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М.: РГГУ: Ин-т европ. культур, 1998. 76 с.
14. Бурдые П. Поле литературы. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3042> (дата обращения: 18.07.2023 г.)
15. Степанов Б.Е. Борис Дубин и российский проект социологии культуры // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 163–173.
16. Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю., Романова О.В. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 10–33. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33>
17. Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак 2000, 2008. 668 с.
18. Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 357 с.
19. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород: Волго-Вят. акад. гос. службы, 2000. 538 с.
20. Авербах Л. Культурная революция и современная литература // *На литературном посту*. 1928. № 13–14. С. 1–11.
21. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Институциональная экономика. URL: https://www.studmed.ru/kuzminov-yai-yudkevich-mm-institucionalnaya-ekonomika_bafac2a.html (дата обращения 16.09.2023 г.)
22. На путях культурной революции // *На литературном посту*. 1926. № 1. С. 1–3.
23. Московская Д.С., Гальцова Е.Д. «Издательские страсти» ФОСП (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН // *Studia Litterarum*, 2020. Т. 5. № 4. С. 394–419. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-419>
24. Корабельников Г. Что такое МАПП? // *На литературном посту*. 1926. № 3. С. 44–46.
25. Резолюция ЦК ВКП (б) «О политике партии в художественной литературе». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.html> (дата обращения: 18.07.2023 г.)
26. «Счастье литературы». Государство и писатели / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 318 с.

REFERENCES

1. Brown, E.J. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. N.Y.: Columbia univ. Press Publ., 1953. 311 p. (In English)
2. Sheshukov, S.I. *Neistovye revniteli: iz istorii literaturnoj borby 20-h godov* [Fierce Zealots: From the History of the Literary Struggle of the 1920s]. Moscow: MPGU Publ., 2013. 336 p. (In Russ.)
3. Metcalf, A. The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 65, No. 4, pp. 609–616. (In English)
4. Rogachevskiy, A. *V predddverii sojuza pisatelej SSSR: FOSP i institucionalnye ramki objedinenija sovetskikh pisatelej v 1920-e gody* [On the Threshold of the Union of Writers of the USSR: FOSP and the Institutional Framework of the Association of Soviet Writers in the 1920s]. *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei pod obshchei redaktsiei X. Giuntera i E. Dobrenko* [Canon of Socialist Realism. Collection of Articles under the General Editorship of H. Günther and E. Dobrenko]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 265–278. (In Russ.)
5. Berger, P., Lukman, T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
6. Kovalenko, D.A., Oznobishin, D.V. *K voprosu o revoliucionnom tvorchestve rabochih mass posle sverzheniya samoderzhavija v Rossii* [On the Question of the

- Revolutionary Creativity of the Working Masses after the Overthrow of Autocracy in Russia]. *Voprosy istorii* [Topics in the Study of History]. 1958, No. 1, pp. 22–44. (In Russ.)
7. Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings], Transl. from German. Moscow: Progress Publ., 1990. 804 p. (In Russ.)
 8. Veblen, T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: AST Publ., 2021. 416 p. (In Russ.)
 9. *Sovetskoe literaturovedenie i kritika. Bibliograficheskij ukazatel* [Soviet Literary Studies and Criticism. Bibliographical Index.] Moscow, 1966. 586 p. (In Russ.)
 10. *Konec institucij kultury dvadcatykh godov v Leningrade: po arhivnym materialam* [The End of the Cultural Institutions of the Twenties in Leningrad: on the Basis of Archival Material]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 492 p. (In Russ.)
 11. Kornienko, N.V. “Njepovskaja ottepel”: stanovlenie instituta sovetskoj literaturnoj kritiki [“Nepov’s Thaw”: The Formation of the Institution of Soviet Literary Criticism]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2010. 498 p. (In Russ.)
 12. Gudkov, L., Dubin, B. *Literatura kak socialnyj institut: Statji po sociologii literatury* [Literature as a Social Institution: Articles on the Sociology of Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 350 p. (In Russ.)
 13. Gudkov, L., Dubin, B., Strada, V. *Literatura i obshchestvo: Vvedenie v sociologiju literatury* [Literature and Society: An Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RGGU Publ., In-t evrop. kultur, 1998. 76 p. (In Russ.)
 14. Bourdieu, P. *Pole literatury* [The Field of Literature]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3042> (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)
 15. Stepanov, B.E. *Boris Dubin i rossijskij proekt sociologii kultury* [Boris Dubin and the Russian Project of Sociology of Culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Science and Modernity]. 2015, No. 6, pp. 163–173. (In Russ.)
 16. Moskovskaya, D.S., Bakshaeva, N.Ju., Romanova, O.V. *Massovost i “massovizatsiia” v rannesovetskom literaturnom protsesse* [Mass Character and “Massovization” in the Early Soviet Literary Process]. *Studia Litterarum*. 2022, No. 4, Vol. 7, pp. 10–33. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33> (In Russ.)
 17. Frezinskiy, B.Ja. *Pisateli i sovetskie vozhd: izbrannye sjuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet Leaders: Selected Stories 1919–1960.]. Moscow: Jellis Lak 2000 Publ., 2008. 668 p. (In Russ.)
 18. Dinershtein, E.A. *A.K. Voronskiy: V poiskah zhivoy vody* [A.K. Voronsky: In Search of Living Water]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 357 p. (In Russ.)
 19. Zelenov, M.V. *Apparat CK RKP(b) – VKP(b), cenzura i istoricheskaja nauka v 1920-e gody* [The Apparatus of the Central Committee of the RCP(b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks, Censorship and Historical Science in the 1920s]. N. Novgorod: Volg-Vjat. akad. gos. Sluzhby Publ., 2000. 538 p. (In Russ.)
 20. Averbach, L. *Kulturnaja revoliucija i sovremennaja literature* [The Cultural Revolution and Modern Literature]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1928, No. 13–14, pp. 1–11. (In Russ.)
 21. Kuzminov, Ja.I., Judkevich, M.M. *Institucionalnaja jekonomika* [Institutional Economics]. URL: https://www.studmed.ru/kuzminov-yai-yudkevich-mm-institucionalnaya-ekonomika_6afac2a.html (date of access: 16.09.2023). (In Russ.)
 22. *Na putjah kulturnoj revoliucii* [On the Paths of Cultural Revolution]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1926, No. 1, pp. 1–3. (In Russ.)
 23. Moskovskaya, D.S., Galtsova, E.D. “Izdatelskie strasti” FOSP (po materialam Otdela rukopisej IMLI RAN) [FOSP’S “Publishing Passion”: on the Materials Held in the Department of Manuscripts of IWL RAS]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 4, pp. 394–419. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-41> (In Russ.)
 24. Korabelnikov, G. *Chto takoe MAPP?* [What is MAPP?]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1926, No. 3, pp. 44–46. (In Russ.)
 25. *Rezoliucija CK VKP (b) “O politike partii v hudozhestvennoj literature”* [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks “On the Party’s Policy in Fiction”]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.html> (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)
 26. “Schastje literatury”. *Gosudarstvo i pisateli* [“The Happiness of Literature”. The State and Writers], Compl. by D.L. Babichenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. 318 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023
Revised on December 7, 2023
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030024

Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток)

© 2024 г. В. В. Шигуров

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русского языка
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Россия, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68
shigurov@mail.ru

Резюме. В статье представлен комплексный семантико-грамматический анализ ступеней (степеней) и предела адвербиальной транспозиции существительных типа *весна, лето, утро, день* в русском языке. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием в современной лингвистике к проблемам взаимодействия грамматического и лексического в структуре языковых единиц, подвергающихся разным транспозиционным процессам, в том числе адвербиализации. Объект исследования — языковой механизм адвербиализации существительных, продуцирующий наречия и переходные, синкретичные образования, в разной степени отошедшие от исходного класса слов и приблизившиеся к наречиям; предмет рассмотрения — стадии (ступени, степени) функциональной адвербиализации субстантивных словоформ, отраженные в типовых контекстах из Национального корпуса русского языка. Новизна подхода связана с применением методики оппозиционного анализа (и шкалы адвербиальной транспозиции), направленной на выявление степеней адвербиализации существительных. В результате исследования выявлены семантико-грамматические признаки ядерных и периферийных существительных, периферийных наречий и промежуточных, гибридных структур; установлены критерии дифференциации функциональных омонимов — беспредложных форм творительного падежа существительных и сформировавшихся на их основе наречий.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Ключевые слова: русский язык, адвербиальная транспозиция, существительное, наречие, степень, предел.

Для цитирования: Шигуров В.В. Степени и предел адвербиальной транспозиции существительных в русском языке (на материале образований с семантикой времени года и суток) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 19–32. DOI: 10.31857/S1605788024030024

Degrees and Limits of Adverbial Transposition of Nouns in the Russian Language (Based on Formations with the Semantics of the Season and the Day)

© 2024 Viktor V. Shigurov

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Ogarev National Research Mordovia State University,
68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia
shigurov@mail.ru

Abstract. The article presents a comprehensive semantic-grammatical analysis of the stages (degrees) and limit of adverbial transposition of nouns such as spring, summer, morning, day in the Russian language. The relevance of the study is due to the increased attention in modern linguistics to the problems of interaction between the grammatical and lexical in the structure of linguistic units that undergo various transposition processes, including adverbialization. The object of the study is the linguistic mechanism of adverbialization of nouns, producing adverbs and transitional, syncretic formations that have moved away to varying degrees from the original class of words and have come closer to adverbs; The subject of consideration is the stages (stages, degrees) of functional adverbialization of substantive word forms, reflected in typical contexts from the National Corpus of the Russian Language. The novelty of the approach is associated with the use of the technique of oppositional analysis (and the adverbial transposition scale), aimed at identifying the degrees of adverbialization of nouns. As a result of the study, semantic and grammatical features of core and peripheral nouns, peripheral adverbs and intermediate, hybrid structures were identified; criteria have been established for the differentiation of functional homonyms — non-prepositional forms of the instrumental case of nouns and adverbs formed on their basis.

Acknowledgements. This study was funded by the RNF, project No. 24-28-00674 “The study of adverbialization as a type of stepped transposition of substantive word forms in the system of parts of speech of the Russian language”.

Key words: Russian language, adverbial transposition, noun, adverb, degree, limit.

For citation: Shigurov, V.V. *Stepeni i predel adverbialnoj transpozicii sushchestvitelnyh v russkom yazyke (na materiale obrazovaniy s semantikoj vremeni goda i sutok)* [Degrees and Limits of Adverbial Transposition of Nouns in the Russian Language (Based on Formations with the Semantics of the Season and the Day)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 19–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030024

1. Введение = Introduction

Проблема разноаспектного взаимодействия языковых единиц в системе частей речи и междечастеречных разрядов (вводно-модальные слова и конструкции; предикативы) остается недостаточно исследованной в современной литературе, невзирая на то, что рассматривалась она неоднократно и на материале разных языков. До сих пор недостаточно изучены и трактуются далеко неоднозначно разные аспекты взаимодействия грамматического и лексического в структуре языковых единиц, вовлеченных в процессы адъективации, прономинализации, предикативации, модалации, интеръективации и др. Требуют дальнейшего исследования принципы работы и закономерности функционирования языкового механизма транспозиции, продуцирующего, с одной стороны, собственно грамматические и лексико-грамматические омонимы, а с другой — синкретичные образования, в структуре которых в разной

пропорции и комбинаторике совмещаются свойства нескольких классов слов. Образование таких переходных (периферийных и гибридных) форм диктуется потребностью человека в лаконичном, но емком представлении информации [1, с. 82]. Многие факты сложного и многогранного взаимодействия слов и словоформ знаменательных и служебных частей речи, междометий в рамках транспозиции (в иной терминологии — трансляции, деривации, конверсии, трансформации, перехода и др.) отмечены в работах отечественных и зарубежных лингвистов (см., напр.: [2]–[14]). Типы адвербиальной транспозиции языковых единиц, связанные с изоляцией субстантивных словоформ и их лексикализацией, рассматривались на материале башкирского, удмуртского, таджикского, татарского и др. языков (диссертационные работы А.А. Байгариной, А.А. Шибанова, М.Т. Джабборов, Э.А. Сайдашевой и др.), а также в сопоставительном аспекте сквозь

призму процессов конверсии и грамматикализации — на материале типологически разных языков, в частности, немецкого и английского (А.А. Авагян [15]), русского и французского (С.М. Кравцов [16]). Сопоставительный анализ образования наречий за счет адвербиализации существительных с предлогами и деепричастий в тюркских языках произведен в кандидатской диссертации Л.Х. Киштиковой.

Вместе с тем в целом проблема межчастеречной транспозиции языковых единиц не может считаться решенной. Это относится, в частности, и к адвербиализации субстантивных словоформ, ее осмыслению в диахроническом и синхроническом аспектах. Не до конца ясны ступени (стадии) транспозиции существительных в разных падежных формах, и прежде всего в творительном падеже, наречий со значениями времени, места, образа и способа действия, сравнений; связи функциональной и функционально-семантической адвербиализации разных групп субстантивных словоформ с зонами периферийных и ядерных наречий; комбинаторика и пропорция дифференциальных признаков исходных существительных и производных ядерных наречий в структуре языковых единиц, представляющих зоны периферии и ядра взаимодействующих при адвербиализации частей речи, а также гибридов, т.е. словоформ, функционирующих в переходной зоне между периферийными существительными и периферийными наречиями; критерии разграничения функциональных и функционально-семантических омонимов и др.

Актуальность синхронного исследования адвербиальной транспозиции существительных в динамическом и статическом аспектах обусловлена продуктивностью адвербиальной семантики языковых единиц в современном русском языке, усилением внимания к качественным параметрам характеристики как всего высказывания, так и отдельных его фрагментов. Сказанным определяется необходимость комплексного исследования устройства и закономерностей функционирования языкового механизма адвербиализации существительных в разных формах падежей и чисел, порождающего на разных стадиях их сближения с наречиями ядерные, периферийные и гибридные образования. Важно в системе представить причины, предпосылки, признаки, этапы (стадии) и предел адвербиализации субстантивных словоформ. Особого рассмотрения заслуживают изменения в адвербиализующихся образованиях в области их лексического и частеречного значения; категорий рода, числа и падежа;

парадигматики; морфемной структуры; функциональных и синтагматических характеристик. Особую актуальность приобретает также исследование фактов сопряженности адвербиальной транспозиции существительных с другими видами их категориального преобразования, в частности с предикативацией, модалацией, препозиционализацией и интеръективацией.

Целью настоящей работы является комплексное синхронное исследование механизма адвербиализации как особого вида градуальной транспозиции слов и словоформ в класс наречий. Поставленная цель предполагает решение ряда задач, связанных с определением ступеней, признаков и предела адвербиализации разных субстантивных словоформ.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

В качестве материала исследования взяты предложения с темпоральными существительными типа *зима, весна, лето, утро, день*, подвергающимися ступенчатой транспозиции в наречия. Многие из них извлечены из Национального корпуса русского языка и отмечены аббревиатурой [НКРЯ]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

Данной целеустановкой и решаемыми задачами определяются методы исследования материала: структурно-семантический, оппозиционный (с графическим представлением результатов на шкале переходности), компонентный, дистрибутивный и трансформационный анализ, лингвистический эксперимент.

Мысль о том, что существительные в разной степени подвергаются адвербиализации, не нова: однако ученые, затрагивающие эту проблему, по-разному подчас трактуют одни и те же факты. До сих пор недостаточно проясненными являются критерии распределения синкретичных образований по ступеням (стадиям) адвербиализации. Анализ литературы показывает, что, например, одиночные словоформы с темпоральным значением типа *утром (уехать), зимой (кататься на лыжах)* оцениваются неоднозначно. По мнению одних исследователей, это наречия, сформировавшиеся на базе существительных [17, с. 193–194] и др., по мнению других, перед нами субстантивные словоформы в обстоятельственной функции [9, с. 284], с точки зрения третьих, это гибриды, особого рода синкреты, функционирующие в переходной зоне между классами существительных и наречий [2, с. 41]. В.В. Виноградов, опираясь на исторические разыскания А.А. Потебни, пришел к выводу, что

существительные в форме творительного падежа без предлога в функции одиночного обстоятельства в разной степени продвинулись к наречиям: так, словоформы с семантикой сравнения прошли полпути по направлению к адвербиальному классу, а с временным значением еще ближе подошли к наречиям; ср.: *мчатся пулей, стрелой и приехать весной* (см.: [5, с. 315–316]). В других языках, по мнению ученых, можно также наблюдать разную степень адвербиализации форм творительного падежа существительных (см. исследования в этой области на материале польского языка [18, с. 317–320], украинского языка [19, с. 197–198; 201–205], словацкого и немецкого языков [20, с. 264–266]).

Применение методики оппозиционного анализа и шкалы переходности позволяет комплексно охарактеризовать существительные с темпоральным значением типа *весна, утро*, представляющие разные стадии функциональной транспозиции в наречия; выявить дифференциальные признаки адвербиализации словоформ на каждой из выделенных стадий.

В основе настоящего исследования лежит методика разноаспектного анализа типов ступенчатой транспозиции языковых единиц в области семантико-грамматических классов слов и семантико-синтаксических разрядов вводно-модальных единиц и предикативов с привлечением количественных приемов обработки материала, которая изложена и апробирована в ряде работ автора данной статьи (см., напр.: [21]–[23]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате исследования установлено, что не только на диахроническом, но и на синхронном срезе языка можно обнаружить разные стадии адвербиализации языковых единиц, причем как для целых групп существительных, так и для отдельных словоформ, демонстрирующих в типовых контекстах ту или иную степень отхода от существительных и приближения к наречиям. Количество этих стадий может быть разным. Одни существительные делают, условно говоря, лишь первый шаг в сторону наречия, заключающийся в их употреблении во вторичной, собственно адвербиальной (обстоятельственной) функции (напр.: *Они шли лесом, полем...*; *Артисты приехали поездом*), вторые доходят до стадии гибридных, субстантивно-адвербиальных образований (*Всадники промчались стрелой; Он умел шепотом успокаивать зверя* [24, с. 8–16]), третьи представляют в современном языке собственно грамматические,

периферийные наречия, функционирующие в качестве особых, адвербиальных типов употребления, но в семантической зоне исходных лексем (*Все говорили шепотом*), четвертые полностью выходят за пределы исходных лексем и употребляются как ядерные наречия в виде лексико-грамматических омонимов по отношению к исходным формам творительного падежа (*Даром потрачено время*) или вообще утрачивают некогда производящие существительные (*До вокзала добирались пешком*). О том, что есть существительные, сохранившие в современном русском языке «полный цикл», т.е. все этапы адвербиализации, говорить пока не представляется возможным. У каждого слова (группы слов) свой, индивидуальный путь в наречия, требующий специального изучения. Вместе с тем исследование конкретных словоформ показывает, что чаще всего у них сохраняются 2–4 этапа адвербиальной транспозиции (включая исходный пункт), с нередким пропуском зон гибридности и ядра наречий. В итоге мы имеем собственно грамматические (функциональные) омонимы, не нарушающие смыслового тождества исходных лексем типа: *Смех сменялся детским шепотом; Окружающие восторгались его спортивным шагом* (существительное) – *Дети разговаривали шепотом; Путники долго плелись шагом по разбитой дороге* (периферийные, функциональные наречия). По-видимому, именно зона периферийных (функциональных) наречий служит для таких адвербиализованных форм творительного падежа пределом адвербиализации. Как показывают наблюдения, редко формы творительного падежа доходят в своем семантико-грамматическом развитии до зоны (стадии) ядерных наречий, полностью утративших семантическую связь (иногда с акцентологическим сдвигом) с исходными существительными (*Кругом никого не было*) или не имеющих уже некогда производящих существительных (*Ходьба пешком полезна*; при отсутствии в современном языке слова **пешок*). Применение методики индексации позволяет установить по формуле соответствия комбинаторику и пропорцию признаков взаимодействующих существительных и наречий в структуре словоформ, представляющих в типовых контекстах те или иные стадии адвербиализации (см., напр.: [25, с. 78–89]; [26, с. 479–489]), что составляет, однако, предмет специального рассмотрения.

Изучение адвербиализации существительных *утро, день, вечер, ночь; зима, весна, лето, осень*¹

¹ Заметим, что распределение исследуемых адвербиализующихся словоформ по звеньям шкалы переходности у нас

подтверждает гипотезу о том, что данный процесс осуществляется постепенно, поэтапно, закрепляясь в соответствующих контекстах. Стадии адвербиализации субстантивных единиц, и прежде всего вышеуказанных, можно представить графически, опираясь на шкалу переходности, предложенную В.В. Бабайцевой: А / С(ущ) (1) — Аб / С(ущ) н(ареч) (2) — аб / с(ущ) н(ареч) (3) — аБ / с(ущ) Н(ареч) (4) — Б / Н(ареч) (5)². Ср.:

- (1) *Осень сменяется зимой;*
- (2) *Поздней осенью хорошо в лесу;*
- (3) *Мимо стрелой пронесся заяц-беляк;*
- (4) *Весной появляются подснежники;*
- (5) *Придется добираться до станции пешком.*

Каждая из стадий адвербиализации, соотносительная с теми или иными звеньями шкалы переходности, требует развернутого пояснения.

3.1. Зона ядерных существительных на шкале адвербиализации

В звене А / С(ущ) располагаются типовые контексты употребления ядерных существительных, представляющих полный набор признаков исходной части речи, — семантику предмета в широком смысле слова (в данном случае речь идет о временных отрезках (*зима, весна, лето, осень; ночь, утро, день, вечер*)³); граммати-

несколько иное, чем в работах В.В. Бабайцевой [2, с. 40–42], И.В. Высоцкой [27, с. 172–176] и в кандидатской диссертации О.Н. Калякиной [28, с. 71]. В частности, в отличие от указанных авторов, мы одиночно употребляемые образования вроде *утром, весной* считаем не гибридами, полусуществительными-полунаречиями, а функциональными наречиями, сохраняющими семантическую связь с мотивирующими их субстантивными лексемами. В случаях типа *Осень сменяется зимой* (звено А, ядро, представленное абстрактно-конкретным существительным); *Наслаждаемся ранним весенним утром* (звено Аб, периферия в виде абстрактного существительного) и *Зимой катались на лыжах; Утром решили поехать на озеро* (звено аБ, периферия наречия), на наш взгляд, два типа употребления словоформ *зимой* и *утром* — собственно субстантивный и адвербиальный, или, иначе, два грамматических омонима (существительное и наречие), не нарушающие смыслового тождества исходной лексемы (*зима, утро*).

² Зона ядра отсубстантивных наречий здесь не рассматривается, так как ее не представляют функциональные наречия типа *зимой, весной, утром, ночью*. В зоне гибридности также нет словоформ вроде *зимой*, но для ее характеристики мы приводим гибриды на базе других существительных (типа *стрелой, пулей*).

³ По мнению Е.В. Урысон, ядро, центр существительных представляют названия материальных предметов, «вещей», воспринимаемых прежде всего зрением: *человек, рука, дерево, вода, хлеб* и т.п. (см.: [10, с. 32]). Многие из них не подвержены адвербиализации (*вода, хлеб* и т.п.). Ср., впрочем, субстантивно-наречные образования типа *волком, птицей*, представляющие зону гибридности на шкале адвербиализации: *смотреть волком, промчаться стрелой (птицей)*.

ческие категории классификационного (род) и словоизменительного (число и падеж) типов; парадигмы категорий числа⁴ и падежа; первичные синтаксические функции подлежащего и дополнения; типичное синтаксическое окружение существительного — адъективные слова (слева) и зависимый родительный падеж (справа) и т.п. Обнаруживают исследуемые словоформы и признаки соответствующих лексико-грамматических разрядов (нарицательное, неодушевленное, абстрактное / конкретное; ср. *зима, весна* — по семантике абстрактные существительные, по грамматическим характеристикам — конкретные (что подтверждается возможностью изменяться по категории числа; ср.: *зима / зимы; весна / весны*; сочетаться с собственно количественными числительными: *три зимы; две весны*) и т.п.). Например:

(6) *Ночь прошла в безжалостном самобичевании, утро увидело братьев обновлёнными и перерождёнными* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ];

(7) *Засухи, ливни, суховеи, большие пожары, слишком суровая зима, слишком жаркое лето...* [Ю. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)] [НКРЯ].

Движение в сторону наречия обнаруживают те из рассматриваемых существительных, которые употребляются в фиксированных формах творительного падежа единственного и — реже — множественного числа в функции дополнения (*утром, днем, летом, вечером, вечерами* и т.п.). Форма творительного падежа таких существительных имеет объектное значение: будучи обязательной и предсказуемой, она диктуется главным словом словосочетания. Данный тип присловной подчинительной связи встречается, например, в предложениях с глаголами типа *восхищаться, наслаждаться, сменяться*, находящимися в связи сильного управления с зависимым существительным, форма творительного падежа которого предсказана глаголами, их лексической или грамматической (пассив) семантикой. Творительный падеж существительного, выступающий в объектном значении, может быть как в одиночном употреблении (8), так и в сочетании с зависимыми

⁴ К зоне ядра существительных, строго говоря, можно причислить только те из рассматриваемых существительных, которые относятся к абстрактно-конкретным словам: по семантике они отвлеченные, а по грамматическим свойствам, т.е. по способности изменяться по категории числа, сочетаться с собственно количественными числительными, к конкретным; ср.: *зима / зимы; две, три зимы; ночь / ночи; две ночи*; при невозможности образования форм множ. числа у периферийных, абстрактных существительных типа *лето, утро*.

адъективными словами и/или родительным падежом имени (9).

Приведем типовые контексты их употребления:

- (8) (а) *Ночь сменяется утром;*
 (б) *Все наслаждались вечером.*
 (9) (а) *Мы восхищались солнечным утром;*
 (б) *Все остались довольны приятным летним вечером.*

Ядерные существительные в форме творительного падежа типа *весной, утром* образуют несколько семантических типов, рассматриваемых Г.А. Золотовой в рамках обусловленных синтаксем [29, с. 235, 239, 247].

Во-первых, это творительный предикативный при вспомогательных глаголах-связках с полувывлеченной семантикой (*казаться, называться, считаться* и т.п.):

- (10) (а) *Это время здесь считается ранней весной;*
 (б) *Это время года называется зимой;*
 (в) *Этот период кажется наступающей осенью.*

Во-вторых, это творительный объекта со значением каузатора обонятельного или зрительного восприятия типа *пахнуть, нести*:

- (11) *Как приятно пахнет весной!*

В-третьих, это творительный падеж со значением объекта, каузирующего эмоциональное отношение к предмету или явлению, при глаголах типа *наслаждаться, любоваться, восхищаться*:

- (12) (а) *Мы наслаждались теплым летом;*
 (б) *Мы любовались солнечным утром;*
 (в) *Мы восхищались морозной русской зимой.*

Глаголы типа *восхищаться, любоваться* совмещают в своей смысловой структуре семы зрительного восприятия и эмоциональной реакции на объект: они обозначают 'смотреть с удовольствием, восхищением на что-либо' [30, с. 402].

К сказанному следует, видимо, добавить и творительный падеж со значением объекта (время года и т.п.), сменяющего другой какой-либо объект, при глаголах вроде *сменяться*:

- (13) *Зима сменяется весной, а весна — летом.*

Разумеется, управлять формой творительного падежа имени в объектном значении типа *утром* могут не только глаголы, но и слова другой частеречной принадлежности, в частности, краткие прилагательные типа *доволен*. Ср. пример А.М. Пешковского [9, с. 154]:

- (14) *Я доволен своим утром.*

3.2. Зона периферийных существительных

К звену *Аб / С(ущ) н(ареч)* относится зона периферийных существительных. Для них характерны фиксированные формы творительного падежа единственного или множественного числа в сочетании с адъективными словами в функции обстоятельства времени: *этим утром, поздней осенью* и т.п. Это первый шаг на пути существительных к наречиям, сдерживаемый зависимыми адъективными распространителями. Синтаксическая связь с главным словом словосочетания у периферийных существительных не управление, как в звене *А / С(ущ)*, а падежное примыкание. Такая присловная связь имеет непредсказующий и необязательный, но коммуникативно обусловленный характер. Напр.:

- (15) *В поход решили отправиться ранним утром.*

Очевидно, что наличие прилагательного *ранним* не дает словоформе *утром* двигаться дальше по направлению к наречиям, «высвечивая» своей флексией, как зеркалом, сему предметности и грамматические формы среднего рода, единственного числа и творительного падежа в словоформах типа *утром, летом*. Поэтому сближение с наречиями в таких случаях является чисто синтаксическим (функция обстоятельства). Сдерживающим фактором для адвербиализации творительного падежа имени, кроме согласуемых слов, обладают в известной степени и его присубстантивные распространители в формах косвенных падежей типа *утром следующего дня*.

Как видим, первый этап адвербиализации словоформ типа *утром* в зоне периферии существительных отмечен особой синтаксической и лексической дистрибуцией, а именно: обязательным употреблением с согласуемыми и/или управляемыми словами (*поздней зимой / зимой прошлого года*) и использованием в качестве обстоятельства времени при глаголах (или других главных словах в словосочетании), которые не управляют формой творительного падежа имени; ср.: *приехать, работать, находиться где-то* и т.п. *ранним утром* и *любоваться ранним утром* (ядерное существительное, обозначающее объект глагольного действия *любоваться*).

Синтагматика периферийных существительных в составе оборотов вроде *этим летом* показана Г.А. Золотовой в «Синтаксическом словаре русского языка» [29, с. 231–232]. Будучи свободными синтаксемами, формы творительного падежа единственного и множественного числа с темпоральным значением (с зависимыми адъективными распространителями и предложно-падежными

формами имен) могут быть употреблены: в заголовках (16); в качестве предикцирующего компонента темпоральной модели (17); в виде темпорального распространителя глагольного и именного предложения (18); ср.:

- (16) (а) *Солнечным днем* («Правда», июль, 1982);
 (б) *Летним вечером в Коломенском* («Известия», август, 1985);
 (в) *Летом 1912 года* (Брюсов);
 (17) *То было ранней весной...* (А.К. Толстой);
 (18) (а) *Соловьев прорва этим летом* (А. Вознесенский);
 (б) *Дождливыми вечерами бабушка устраивала в кухне интересные собрания...* (Горький).

Данные типы употребления творительного беспредложного в значении времени в рассматриваемом «Синтаксическом словаре русского языка» [29, с. 231–232] иллюстрируются не только периферийными существительными с зависимыми адъективными и присубстантивными распространителями, но и одиночными адвербиализованными словоформами, входящими в зону так называемых функциональных наречий (ступень **аБ** на шкале адвербиализации); ср.:

- (19) *Ночью* (Брюсов);
 (20) *Дело происходило уже осенью, в Ницце* (Чехов);
 (21) (а) *Готовь сани летом, а зимой — телегу* (посл.);
 (б) *Хвали утро днем, а день — вечером* (посл.).

Как отмечает М.В. Панов, «аффикс *-ом* есть не только у форм тв. пад., но и у наречий. И ничто не мешает отдельным значениям с флексией *-ом* адвербиализоваться, “отбыть” в наречия. Если они “не отбывают”, то что-то держит их в пределах существительного» [31, с. 83]. Согласно М.В. Панову, в словах типа *весной, зимой, утром, вечером*, основы которых передают лексические значения, связанные с временем года или суток, флексии «заражаются» этим временным значением, обуславливая их функцию обстоятельства времени (см.: [31, с. 84, 86]). Однако это временное значение у флексии, согласно автору, может трансформироваться в другое значение, например, в значение сравнения (22), или полностью быть устраниено (23); ср.:

- (22) *Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят* (≈ ‘как будто весной’);
 (23) *На маскараде она нарядилась весной* (≈ ‘лицо, нарядившееся весной’).

Трудно не согласиться с тем, что временное значение у словоформ типа *весной, зимой* удерживает их в рамках исходных субстантивных лексем, но функция обстоятельства времени и одиночное употребление создают условия для функциональной транспозиции творительного

падежа в наречия. В итоге в каждом конкретном случае мы имеем субстанциальный (24) и адвербиальный (25) типы употребления одной и той же лексемы, или, иными словами, сосуществование в пределах одной лексемы двух частей речи — исходной (существительное) и производной (наречие); ср. контексты их употребления:

- (24) *Зима сменяется весной*;
 (25) *Весной природа просыпается от зимней спячки*.

3.3. Зона гибридных, субстантивно-адвербиальных структур

Звено гибридности **аб / с(уш) н(ареч)** на шкале адвербиализации беспредложных форм творительного падежа существительных, на наш взгляд, не представлено образованиями с временным значением типа *утром, вечером, зимой, летом*. По-видимому, из зоны периферии существительных они сразу перемещаются в зону периферийных наречий, минуя стадию гибридных структур, характеризующихся примерным равновесием свойств исходного и конечного звеньев адвербиальной транспозиции (ср., впрочем, и иную точку зрения в [2, с. 41], где одиночные словоформы типа *летом* отнесены к промежуточным, гибридным образованиям). А.В. Исаченко, как известно, считал, что при наличии адъективного распространителя существительные типа *летом, весной* в творительном падеже со значением времени характеризуются адвербиальным употреблением: *этим летом, прошлой весной*, а при изолированном использовании, т.е. без зависимых слов, «*утром, вечером, ночью* и т.п. утрачивают связь с парадигмой и функционируют в языке как самостоятельные слова-наречия» [20, с. 100]. С учетом многоступенчатости процесса адвербиализации можно сказать, что существительные в творительном падеже со значением времени, употребляющиеся в составе оборотов с зависимыми адъективными словами, представляют собой периферийные существительные вроде (*прошлым*) *летом, (ранним) утром*. В данном типе контекста они демонстрируют, условно говоря, первый шаг в сторону обособленности наречий. В контекстах же изолированного употребления словоформы *летом, утром* выступают в качестве периферийных, или, иначе говоря, функциональных наречий, которые не порывают смысловой связи с исходными субстантивными лексемами (*лето, утро*), эксплицируя грамматические омонимы (*Летом дети купались в озере; Запланированная встреча утром не состоялась*) по отношению к исходным формам существительных (*Мы наслаждались теплым летом; Ночь незаметно сменилась утром*). Термин

«функциональные наречия», как представляется, очень точно характеризует данный тип отсубстантивных наречий, он используется в докторской диссертации А.К. Коневецкого, посвященной исследованию истории наречий в русском языке (см.: [32, с. 17–18]; [35]). По мнению А.К. Коневецкого, «падежные формы... существительных, употребляясь в обстоятельственных функциях, становились вначале функциональными наречиями, а затем некоторые из них и полностью адвербиализовались» [32, с. 35]. Формы творительного падежа единственного и множественного числа с обстоятельственным значением времени, согласно автору, окончательно адвербиализуются редко. Чаще всего они употребляются в качестве функциональных наречий, которые не порывают связи с парадигмой существительного и могут иметь при себе определения; ср.: *утром отправиться в дорогу и ранним утром отправиться в дорогу* (см.: [32, с. 17]). Этот тезис, однако, требует, видимо, некоторого уточнения.

Одиночно употребляемые словоформы вроде *утром* в значении обстоятельства времени действительно лучше всего трактовать как функциональные наречия, но не потому, что они сохраняют связь с парадигматикой исходных субстантивных лексем и могут быть распространены адъективными словами, а исключительно потому, что сохраняют смысловую связь с исходными существительными, т.е. не выходят за пределы семантической зоны исходных лексем. На наш взгляд, такие функциональные наречия не имеют категорий рода, числа, падежа, а в связи с этим и соответствующих падежно-числовых парадигм исходных существительных. Не употребляются при них и адъективные распространители, назначение которых в том, чтобы оттенять категориальные свойства существительных. Они выступают лишь при ядерных и периферийных существительных: первые из них имеют сильно управляемые, т.е. предсказуемые и обязательные формы творительного падежа (*Ночь сменяется прекрасным утром*), а вторые — примыкающие формы творительного падежа с согласуемыми прилагательными, местоимениями-прилагательными и т.п. (*Поездка ранним утром не сулила ничего хорошего*).

Круг отсубстантивных функциональных наречий, обозначающих отрезки времени (времена года, части суток и нек. др.), лексически ограничен: они могут обозначать как определенную, так и неопределенную длительность времени. Примечателен пример А.К. Коневецкого с наречием *днем*, который в древности обозначал ‘в течение

дня’ и ‘в какой-то момент дня’ (см.: [32, с. 17]). По его наблюдениям, функциональные наречия на базе творительного падежа множественного числа появились значительно позднее в истории развития наречий: *вечерами, ночами, временами, веснами, зимами* и т.п. Они указывали, что действие повторяется по отдельным отрезкам времени или происходит время от времени.

Что касается гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, занимающих срединное положение между исходным и конечным пунктами шкалы адвербиализации существительных в творительном падеже, то их среди форм творительного падежа с временным значением типа *зимой, весной, летом, осенью; утром, днем, вечером, ночью*, по-видимому, нет. Словоформы типа *утром, летом*, очевидно, минуют зону гибридности и переходят из зоны периферийных существительных сразу в разряд функциональных наречий, лишаясь при этом частеречного значения предметности, значений субстантивных лексико-грамматических разрядов, категорий рода, числа, падежа, парадигматических свойств, первичных функций подлежащего и дополнения, а также синтагматических характеристик существительных (сочетаемости с адъективными распространителями слева и косвенными падежами справа; ср.: *холодной зимой в Арктике; ранним утром у озера*), но сохраняют, и это важно подчеркнуть, лексические значения исходных субстантивных лексем.

К гибридам же, на наш взгляд, следует отнести одиночные словоформы с обстоятельственным значением сравнения типа (*нестись*) *стрелой, (промчаться) пулей*, характеризующиеся метафорическим употреблением. Им свойствен переходный тип морфемы *-ой (ей)*, синтезирующий признаки флексии и суффикса. По мнению А.А. Потемни и В.В. Виноградова, как уже отмечалось, именно образования со значением сравнения находятся на полпути в наречия. Зона гибридности является для них пределом адвербиализации. Дальнейшее их продвижение к наречиям сдерживается ярким субстантивным компонентом в смысловой структуре, актуализируемым сравнением с предметом; ср. синонимичность оборотов со скрытым (метафорическим) сравнением в форме творительного сравнения (*нестись стрелой*) и явным, эксплицитным сравнением в сравнительном обороте с союзом *как* (*нестись, как стрела*).

От творительного падежа с метафорическим значением, предполагающим двуплановость, сравнение одного предмета с другим, следует отличать так называемый творительный

метаморфозы, включающий в свою смысловую структуру сему превращения предмета, его пере-рождения, что связано, по словам В.В. Виноградова [5, с. 411–412], с особым, образным видением мира; ср. у А. Ахматовой: *Еще недавно ласточкой свободной // Свешала ты свой утренний полет; Серой белкой прыгну на ольху, // Ласточкой пугливой пробегу, // Лебедью тебя я стану звать...* (А. Ахматова). Такого рода превращения осмысляются как реальность и представляют особый способ восприятия действительности. При метаморфозе, по наблюдениям А.А. Потебни, происходит «частное слияние субстанций» [33, с. 484], основной субъект исчезает и остается лишь его «оборотень» [34, с. 356]. Н.Д. Арутюнова замечает, что в случае установления связи творительного метаморфозы с глагольным действием в контекстах типа *бежать рысью, идти гуськом* создаются условия для изменения его смысла и адвербиализации. В подобных случаях говорится уже не о метаморфозе, а об адвербиальной метафоре (см.: [34, с. 357]). К группе гибридных структур, на наш взгляд, необходимо добавить и одиночные адвербиализующиеся образования в синкретичной объектно-обстоятельственной функции, типа *шепотом (успокаивать зверя)* — чем? и как? каким способом?

3.4. Зона периферийных отсубстантивных наречий

Звено **аБ / с(ущ) Н(ареч)** демонстрируют наречия периферийного типа *зимой, утром, вечером*, выступающие в одиночной позиции обстоятельства времени:

- (26) (а) *Я не смог утром позвонить;*
(б) *От поездки вечером решили отказаться.*

Наречия такого типа характеризуются определенным набором признаков. С исходными существительными их сближает, кроме, пожалуй, звукового сходства, только лексическое значение. Остальные субстантивные свойства при адвербиализации утрачиваются. Категориальное значение предмета у транспонирующихся в наречия словоформ перерождается в значение признака признака. Утрачиваются грамматические категории рода, числа и падежа, парадигма, способность изменяться по падежам и числам (ср. существительное: *весна / весны*). Происходит обособление, изоляция форм творительного падежа и единственного числа от соответствующих парадигм категорий падежа и числа исходного существительного. Наречия типа *ночью, зимой, летом, дома, вчера*, как заметил В.А. Богородицкий, обособились от флексийной системы соответствующих

имен и как бы «окостенели» в неизменном виде (см.: [17, с. 193–194]).

Попытка искусственного «оживления» субстантивности в адвербиализованных формах путем подстановки при них каких-либо прилагательных (*теплым, жарким* и т.п.), местоимений (*этим, тем* и др.), на наш взгляд, контрпродуктивна, поскольку неизбежно приводит к изменению категориального статуса анализируемых словоформ: периферийные наречия будут заменены в этом случае на периферийные существительные: *Утром мы решили отправиться в поход* --> *Этим утром мы решили отправиться в поход*. Подобные операции здесь недопустимы, так как в приведенных примерах представлены разные стадии адвербиализации. Субстанциальная природа периферийных существительных в функции обстоятельства времени оттеняется во многом благодаря их связи с адъективами, которые синтаксически (через связь согласование) актуализируют категории и формы рода, числа и падежа в периферийных существительных. Таким образом, в зоне периферии наречий исключена сочетаемость словоформ типа *утром, зимой, летом* с адъективными распространителями, в том числе и с референциальным статусом, равно как и с зависимыми падежными формами существительных. Вряд ли стоит считать также доказательством якобы субстантивной природы периферийного наречия *вечером (позвонить)* факт его соотносительности с другим отсубстантивным наречием, возникшим в результате адвербиализации формы множественного числа исходного существительного *вечерами (встречаться): Вечерами (нередко собирались у наших друзей)*. Аналогично обстоит дело с параллельной субстантивацией, например, форм мужского и женского рода прилагательных типа *больной / больная; дежурный / дежурная* и т.п. В процесс адвербиализации могут вовлекаться иногда лексемы в нескольких формах падежей и чисел. Ср., например, неоднократно упоминавшиеся в литературе наречия на базе одного существительного *граница* в разных предложно-падежных формах: (*уехать*) *за границу*; (*жить*) *за границей* и т.п. Л.В. Щерба предлагал писать эти наречия, как известно, в слитном варианте, обращая внимание на их семантический отрыв от исходной лексемы *граница*: *заграницей, заграницу*; ср. иной смысл существительного в словосочетании: *за южную границу* (см.: [35, с. 72–73]).

Связь периферийных отсубстантивных наречий вроде *зимой, летом, вечером* с главным словом словосочетания присловная, примыкание (*Отдых*

летом был замечательный; Ему не нравилась работа *вечером*), а в пре- и постпозиции — предложенческая, детерминантная (*Летом* поехали рыбачить на Волгу; Решили встретиться *вечером*). Для наречий рассматриваемого типа, выступающих в позиции темпорального детерминанта, характерно сентенциальное употребление: они относятся ко всему высказыванию в целом (о сентенциальной и несентенциальной функциях наречий см., например, в исследованиях А.В. Циммерлинга [36, с. 218] и Г.И. Кустовой [37]).

В результате адвербиализации словоформы *утром*, *вечером* и т.п. стали сочетаться с адвербиальными распространителями, уточняющими временные параметры действий. Ср. употребление исходных существительных с адъективными словами и возникших на их базе наречий с другими наречиями: (*уехать*) *ранним утром*; *поздним вечером* --> (*приехать*) *рано утром*; *поздно вечером*; (*вспомнить об этом*) *уже вечером*; (*говорили об этом*) *еще утром*. Изменения коснулись также морфемной структуры адвербиализованного существительного: его основа увеличилась в объеме, так как бывшая флексия *-ом*, *-ой*, *-ью* преобразовалась в суффикс⁵. Произошла и смена на уровне лексико-грамматических разрядов. В отличие от исходных форм существительных *летом*, *осенью*, *утром*, представляющих лексико-грамматические разряды нарицательных, неодушевленных, абстрактных или синкретичных (*ночью*, *вечером*) — абстрактных (по семантике) и конкретных (по грамматическим свойствам) слов, возникшие на их базе наречия вошли в подкласс обстоятельственных наречий со значением времени. Однако адвербиализация этого типа имеет функциональный (грамматический) характер: результатом ее является образование грамматических (не лексических!) омонимов типа *зимой* (существительное) (27) — *зимой* (наречие) (28):

(27) *Мы любовались прекрасной русской зимой*;

(28) *Хорошо зимой кататься на лыжах*.

Семантического расщепления субстантивных лексем, приводящего к переходу многозначности в лексическую омонимию, при функциональной адвербиализации творительного падежа

не происходит. Для сравнения можно привести функционально-семантический тип транспозиции субстантивной словоформы *даром* в наречие, сопряженный с ее лексикализацией и образованием лексико-грамматического омонима *даром* со значением ‘зря, напрасно’ (см. также: [39, с. 108]).

Конечно, далеко не всегда легко определить, что перед нами — два лексических значения одной и той же субстантивной словоформы или это уже два самостоятельных слова — лексических омонима (существительное и наречие). Отсюда разные интерпретации, казалось бы, одних и тех же фактов. Как справедливо заметил Д.Н. Шмелев, «в языке в каждый период его существования могут быть промежуточные, переходные случаи, однозначная характеристика которых оказывается затруднительной» [40, с. 87]. Ср. примеры автора: *ежик* (уменьшительное к *еж*) и *ежик* (вид прически). Отсюда естественны и колебания в семантической и грамматической квалификации адвербиализующегося творительного падежа существительного *ежином* в случаях типа *прическа ежином*; *волосы, торчащие ежином* и т.п.

Исследование процесса становления таких функциональных наречий в древнерусский и старорусский период развития языка свидетельствует о том, что при собственно грамматической адвербиализации падежные формы существительных выпадали из системы именного склонения, не утрачивая, однако, связи с обстоятельственной семантикой падежа исходного существительного. Как отмечает А.Д. Камышкова, «такие наречия сохраняли в качестве компонента лексического значения бывшее грамматическое значение падежа (обстоятельное)» [41, с. 12].

Любопытны наблюдения А.М. Пешковского над причинами изоляции той или иной формы падежа существительного от системы склонения при адвербиализации: «“Изоляция” эта протекала, понятно, крайне медленно. Она вызывалась либо тем, что остальные падежи понемногу переставали употребляться, отмирали, либо тем, что они начинали употребляться не в том значении всего слова, в котором употреблялся данный падеж, либо тем, что сам данный падеж начинал употребляться не в своем падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежи, либо тем, что он получил какое-нибудь звуковое отличие от остальных падежей сверх тех отличий, которые полагались ему как отдельному падежу, либо тем, что все остальные падежи получали это отличие, либо тем, что предлог сливался с падежом в одно целое понятие и тем вырывал его из системы, либо, наконец, соединением (и это

⁵ См. замечание В.Н. Немченко: «В современном русском языке в качестве суффиксальных словообразующих морфем могут выступать не только исконные суффиксы, но и морфемы флексийного происхождения, употребляющиеся в составе грамматически неизменяемых (несклоняемых) слов, которым в омонимичных грамматических формах соотносительных слов соответствуют флексийные морфемы (например: *весн-ой*, *лет-ом*, *аванс-ом*, *ночь-ю*, *осень-ю*, *быстр-о*, *весел-о*, *хорош-о*)» [38, с. 122].

чаще всего) всех или некоторых из этих факторов. Изолированный падеж, теряя свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу, начинал обозначать признак признака и делался наречием» [9, с. 153].

В дальнейшем круг языковых единиц, способных иметь при себе примыкающие отсубстантивные наречия, расширился. Они приобрели способность синтаксически связываться с существительными, как с абстрактными со значением отвлеченного действия (29), так и с конкретными (30); возможны стали и факты их примыкания к прилагательным (31); например:

- (29) *Перспектива поездки утром понравилась не всем;*
 (30) *Озеро утром — это прекрасное зрелище;*
 (31) *Ветер, довольно-таки холодный утром, никого не напугал.*

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования установлено, что существительные, обозначающие в русском языке время года и суток типа *зимой, весной, летом, осенью; утром, днем, вечером*, эксплицируют в типовых контекстах несколько стадий адвербиализации. Они могут представлять как зоны ядра [А / С(ущ)] и периферии существительных [Аб / С(ущ) н(ареч)], так и зону периферии наречий [аБ / с(ущ) Н(ареч)], являющуюся для них пределом в движении к ядерным наречиям [Б / Н(ареч)], которые утратили соотносительные формы исходных существительных либо семантически разошлись с ними, давая основание говорить о превращении полисемии в омонимию. Зона гибридности [аб / с(ущ) н(ареч)] на шкале переходности формами творительного беспредложного вроде *зимой, летом, утром* не представлена. Результатом функциональной адвербиализации творительного падежа существительных является образование сугубо грамматических омонимов типа *утром* (существительное) — *утром* (наречие), функционирующих в пределах исходных субстантивных лексем.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Баудер А.Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
6. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
7. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). М., 2018. С. 380–390.
8. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл <-- Текст». М.; Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
10. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
11. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Vol. 3. No. 1, pp. 13–26.
12. Elsen Hilke. Grundzüge der Morphologie des Deutschen. Berlin; Boston, 2011. 326 p.
13. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
14. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
15. Авагян А.А. Феномен грамматикализации знаменательных частей речи (на материале английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 20 с.
16. Кравцов С.М. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с.
17. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 356 с.
18. Тихомирова Т.С. Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка) // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 313–350.
19. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті. Київ: Наукова думка, 1988. 256 с.
20. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1. Изд-е 2-е. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. 302 с.

21. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М.: Academia, 2009. 464 с.
22. Шигуров В.В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка. М.: Наука, 2016. 702 с.
23. Шигуров В.В. «Судя по» в контексте модалации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.
24. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Гибрид «стрелой» в метафорическом употреблении: исчисление степеней адвербиализации // Современный ученый. 2022. № 4. С. 8–16.
25. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Субстантивная словоформа «даром»: ступенчатый тип функциональной транспозиции в наречие // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 78–89.
26. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Функционально-семантический тип адвербиализации субстантивной словоформы «даром» // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 479–489.
27. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
28. Калякина О.Н. Процесс адвербиализации в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 173 с.
29. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
30. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. 466 с.
31. Панов М.В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 82–90.
32. Коневецкий А.К. История наречий в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1977. 44 с.
33. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
34. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
35. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
36. Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 652 с.
37. Кустова Г.И. Предикативы ощущения и предикативы интерпретации: семантические и синтаксические процессы // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 110–123.
38. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.
39. Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М.: Флинта, 2016. 216 с.
40. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
41. Камышкова А.Д. Динамика употребительности наречий как отражение становления наречия (на материале житийных и летописных текстов XII–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 23 с.

REFERENCES

1. Vorotnikov, Ju.L. *Slovo i vremja* [Word and Time]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 168 p. (In Russ.)
2. Babajtseva, V.V. *Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow: Drofa Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)
3. Bally, Ch. *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka* [General Linguistics and the French Language Issues]. Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury Publ., 1955. 416 p. (In Russ.)
4. Bauder, A.Ja. *Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremennom russkom jazyke* [Parts of Speech – Structural and Semantic Classes of Words in Modern Russian Language]. Tallinn: Valgus Publ., 1982. 184 p. (In Russ.)
5. Vinogradov, V.V. *Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: Grammar Word Theory]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1986. 640 p. (In Russ.)
6. Kurilovich, E. *Derivacija leksicheskaja i derivacija sintaksicheskaja* [Lexical Derivation and Syntax Derivation]. Kurilovich, E. *Oчерки po lingvistike* [Linguistics Essays]. Moscow, 1962, pp. 57–71. (In Russ.)
7. Kustova, G.I. *Mentalnye predikaty v metatekstovykh konstrukcijah 2-go litsa* [Mental Predicates in 2nd Person Metatextual Constructions]. *Kompjuternaja lingvistika i intellektualnye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferencii “Dialog-2018”*. [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the International Conference “Dialogue-2018”]. Vol. 17 (24). Moscow, 2018, pp. 380–390. (In Russ.)
8. Melchuk, I. *Russkij jazyk v modeli “Smysl – Tekst”* [The Russian Language in the Meaning – Text Theory]. Moscow, Vienna: Shkola “Yazyki russkoj

- kultury" Publ., Wiener slawistischer Almanach, 1995. 682 p. (In Russ.)
9. Peshkovskiy, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1938. 452 p. (In Russ.)
 10. Uryson, E.V. *Sintaksicheskaya derivaciya i "naivnaya" kartina mira* [Syntax Derivation and Naive World View]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1996, No. 4, pp. 25–38. (In Russ.)
 11. Marchand, H. Expansion, transposition and derivation. *La Linguistique*. 1967, Vol. 3, No. 1, pp. 13–26.
 12. Elsen, H. *Grundzüge der Morphologie des Deutschen*. Berlin; Boston, 2011. 326 S. (In German)
 13. Eihinger, Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 S. (In German)
 14. Stekauer, P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang Publ., 1996. 155 p.
 15. Avagjan, A.A. *Fenomen grammatikalizacii znamenatelnyh chastej rechi (na materiale anglijskogo i nemeckogo jazykov)* [The Phenomenon of Grammaticalization of Significant Parts of Speech (Based on the Material of English and German Languages)]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 2021. 20 p. (In Russ.)
 16. Kravtsov, S.M. *Konversija v slovoobrazovanii: uzus i okkazionalnost* [Conversion in Word Formation: Usage and Occasionality]. A.Ju. Golubeva; S.M. Kravtsov. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU Publ., 2016. 170 p. (In Russ.)
 17. Bogoroditskiy, V.A. *Obschij kurs russkoj grammatiki: (Iz universitetskij chtenij)* [General Course of Russian Grammar: (From University Readings)]. Moscow; Leningrad: Socjkgiz Publ., 1935. 356 p. (In Russ.)
 18. Tikhomirova, T.S. *Process adverbializacii tvoritel'nogo padezha (na materiale pol'skogo jazyka)* [The Process of Adverbialization of the Instrumental Case (Based on the Material of the Polish Language)]. *Tvoritel'nyj padezh v slavjanskij jazykah* [Instrumental Case in Slavic Languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1958, pp. 313–350 (In Russ.)
 19. Vihovanets, I.R. *Chastini movi v semantiko-grammatichnomu aspekti* [Parts of Speech in the Semantic and Grammatical Aspect]. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1988. 256 p. (In Ukrainian)
 20. Isachenko, A.V. *Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii so slovackim. Morfologija* [The Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak]. Part 1. The 2nd Ed. Bratislava: Izd-vo Slovackoj akademii nauk Publ., 1965. 302 p. (In Russ.)
 21. Shigurov, V.V. *Interjektivaciya kak tip stupenchatoj transpozicii yazykovykh edinic v sisteme chastej rechi: (Materialy k transpozicionnoj grammatike russkogo jazyka)* [Interjectivization as a Type of Language Units Stepwise Transposition in the Parts of Speech System. Materials for the Transpositional Grammar of the Russian Language]. Moscow: Academia Publ., 2009. 464 p. (In Russ.)
 22. Shigurov, V.V. *Predikativaciya kak tip stupenchatoj transpozicii yazykovykh edinic v sisteme chastej rechi: Teoriya transpozicionnoj grammatiki russkogo jazyka* [Predicativization as a Type of Language Units Stepwise Transposition in the Parts of Speech System. A Theory of the Transpositional Grammar of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 2016. 702 p. (In Russ.)
 23. Shigurov, V.V. "Cudja po" v kontekste modaljicii i prepozicionalizacii: k ischisleniju indeksov transpozicii ["Judging by" in the Context of Modalization and Prepositionalization: Towards the Calculation of Transposition Indices]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i jazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 6, pp. 42–55. (In Russ.)
 24. Shigurov, V.V., Shigurova, T.A. *Gibrid "streloy" v metaficheskom upotreblenii: ischislenie stepeney adverbializatsii* [Hybrid "arrow" in Metaphorical Use: Calculating Degrees of Adverbialization]. *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist]. 2022, No. 4, pp. 8–16. (In Russ.)
 25. Shigurov, V.V., Shigurova, T.A. *Substantivnaya slovoforma "darom": stupenchatyy tip funktsionalnoj transpozitsii v narechie* [Substantive Word Form "For Nothing": A Stepwise Type of Functional Transposition into an Adverb]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2023, No. 2 (33), pp. 78–89. (In Russ.)
 26. Shigurov, V.V., Shigurova, T.A. *Funktsionalno-semanticheskij tip adverbializatsii substantivnoy slovoformy "darom"* [Functional-Semantic Type of Adverbialization of the Substantive Word Form "For Free"]. *Neofilologiya* [Neophilology]. 2023, Vol. 9, No. 3, pp. 479–489. (In Russ.)
 27. Vysotskaya, I.V. *Sinkretizm v sisteme chastej rechi sovremennogo russkogo jazyka* [Syncretism in the System of Parts of Speech of the Modern Russian Language]. Moscow: MPGU Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)
 28. Kalyakina, O.N. *Process adverbializacii v sovremennom russkom jazyke* [The Process of Adverbialization in Modern Russian Language]: *Dis. ... kand. filol. nauk* [Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 2007. 173 p. (In Russ.)
 29. Zolotova, G.A. *Sintaksicheskij slovar: Repertuar elementarnykh edinic russkogo sintaksisa* [Syntax Dictionary: Repertoire of the Russian Syntax Elementary Units]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 440 p. (In Russ.)
 30. Vasiljev, L.M. *Sistemnyj semanticheskij slovar russkogo jazyka. Predikatnaja leksika* [Systematic Semantic Dictionary of the Russian Language. Predicate Vocabulary]. Ufa: Gilem Publ., 2005. 466 p. (In Russ.)

31. Panov, M.V. *O pozicionnom cheredovanii grammaticheskikh znachenij* [On Positional Alternation of Grammatical Meanings]. *Tipologija i grammatika* [Typology and Grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1990. pp. 82–90. (In Russ.)
32. Konevetskiy, A.K. *Istorija narechij v russkom jazyke* [History of Adverbs in Russian]: *Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Philological Sciences]. Saratov, 1977. 44 p. (In Russ.)
33. Potebnya, A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Vol. I–II. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p. (In Russ.)
34. Arutjunova, N.D. *Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd, ispr.* [Language and the Human World. 2nd Ed., Rev.]. Moscow: Jazyki russkoj kultury Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)
35. Sherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 p. (In Russ.)
36. Zimmerling, A.V. *Ot integralnogo k aspektivnomu* [From Integral to Aspective]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2021. 652 p. (In Russ.)
37. Kustova, G.I. *Predikativy oshhushhenija i predikativy interpretacii: semanticheskie i sintaksicheskie processy* [Predicates of Sensation and Predicates of Interpretation: Semantic and Syntactic Processes]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. 2022, No. 1, pp. 110–123. (In Russ.)
38. Nemchenko, V.N. *Sovremennyy russkij jazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1984. 255 p. (In Russ.)
39. Norman, B.Ju. *Zhizn slovoformy* [Life of a Word Form]. Moscow: Flinta Publ., 2016. 216 p. (In Russ.)
40. Shmelev, D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo jazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 280 p. (In Russ.)
41. Kamysheva, A.D. *Dinamika upotrebitelnosti narechij kak otrazhenie stanovlenija narechija (na materiale zhitijnyh i letopisnyh tekstov XII–XVI vv.)* [Dynamics of the Use of Adverbs as a Reflection of the Formation of the Adverb (Based on Hagiographic and Chronicle Texts of the 12th–16th Centuries)]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Nizhnij Novgorod, 2013. 23 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 10 января 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on January 10, 2024

Revised on March 3, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030034

«Красное золото» Эптона Синклера и Петра Павленко: история несостоявшегося советско-американского романа

© 2024 г. О. Ю. Панова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>
olgapanova65@mail.ru

Резюме. 16 апреля 1938 г. американский писатель Эптон Синклер отправил в редакцию советского журнала «Интернациональная литература» письмо, в котором делился замыслом нового романа «Красное золото» и просил найти ему соавтора. В письме Э. Синклер привел подробный синопсис романа: в основе сюжета должна лежать история молодого американского инженера, который в середине 1920-х отправляется в Сибирь, чтобы с помощью американских технологий наладить золотодобычу на приисках Лены, и знакомится там с русской девушкой-большевичкой. Под влиянием возникшего чувства и идейных споров с подругой начинается «перековка» американского «спеца», который постепенно теряет веру в капитализм как наиболее эффективную общественно-экономическую систему. Советская сторона находит для Э. Синклера соавтора — крупного советского прозаика П.А. Павленко. Между будущими соавторами началась переписка, в которой обсуждались ход работы и детали будущего романа. Проект курировала Иностранная комиссия Союза советских писателей, сотрудники которой отчитывались перед партийными и государственными органами (ЦК партии, Наркомат иностранных дел). Письма П.А. Павленко прочитывались и редактировались в разных инстанциях, от Союза писателей до отдела печати ЦК. Тем самым Э. Синклер, по сути, вел переговоры и споры не просто с будущим соавтором, а с советской литературно-идеологической машиной. В силу разных идейных установок и творческих расхождений, которые все резче обозначались в ходе переписки, Синклер вскоре принял решение отказаться от создания романа. В статье рассматриваются контекст и истоки замысла романа, на основе сохранившихся в фондах РГАЛИ материалов, реконструируется история неудавшегося творческого проекта.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Э. Синклер, П.А. Павленко, соавторство, эпистолярный, архивные материалы.

Для цитирования: Панова О.Ю. «Красное золото» Эптона Синклера и Петра Павленко: история несостоявшегося советско-американского романа // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 33–44. DOI: 10.31857/S1605788024030034

“Red Gold” by Upton Sinclair and Piotr Pavlenko: Unwritten Soviet-American Novel

© 2024 Olga Yu. Panova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 build. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>
olgapanova65@mail.ru

Abstract. On April 16, 1938 Upton Sinclair sent a letter to the editors of the Soviet magazine *International Literature*, in which he shared the idea of a new novel *Red Gold* and asked to find him a co-author among Soviet writers. In his letter U. Sinclair gave a detailed synopsis of the novel: the plot was to be based on the story of a young American engineer who in the mid-1920s goes to Siberia to provide Soviet gold mining with the American technology. There on the banks of the river Lena he meets a Russian Bolshevik girl and they fall in love. As an American “bourgeois specialist” he used to believe that capitalism is the most effective social and economic system; his belief, however, was shaken in the course of ideological disputes with his girlfriend, and the Great Depression of the 1930s increased his doubts. Soviet partners proposed Piotr Pavlenko as co-author, and the writers began to exchange letters, discussing their future work and various details of the planned novel. The project was supervised by the Foreign Commission of the Soviet Writers’ Union; its functionaries reported to party and government organs (the Central Committee of the Communist Party, the People’s Commissariat of Foreign Affairs). Letters signed by Pavlenko were read, edited and approved at several levels of Soviet bureaucracy, from the Writers’ Union to the Press Department of the Central Party Committee. Thus, Upton Sinclair, in fact, negotiated and argued not just with his co-author, but with a hierarchical administrative body with a strict chain of command. Due to the obvious discrepancy between his own and Soviet attitudes, Sinclair soon decided to abandon the idea of a “collective novel”. The study is based on the materials from the funds of the Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

Acknowledgements. The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant No. 23-18-00393 “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

Key words: Soviet-American literary connections, U. Sinclair, P.A. Pavlenko, co-authorship, correspondence, archived materials.

For citation: Panova, O.Yu. “Krasnoe zoloto” Eptona Sinklera i Petra Pavlenko: Istorii nesostoiavshegosia sovetsko-amerikanskogo romana [“Red Gold” by Upton Sinclair and Piotr Pavlenko: Unwritten Soviet-American Novel]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 33–44. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030034

16 апреля 1938 г. американский писатель Эптон Синклер отправил в редакцию журнала «Интернациональная литература» письмо, вызвавшее и в «ИЛ», и в Союзе советских писателей большое волнение. Синклер делился замыслом нового романа и просил найти ему соавтора, без которого, как он уверял, создать этот роман не получится.

Эптон Синклер стал известен в России задолго до Октября 1917 г. — первые публикации относятся к 1906 г., когда вышли сразу несколько переводов его романа «Джунгли» (под названием

«Дебри», «Чаша»)¹, а первое (четырёхтомное) собрание сочинений появилось в 1912–1913 гг. (СПб., издательство «Прометей»). Первые российские контакты Синклера также относятся еще к дореволюционному времени. В отечественных архивах хранится, например, его переписка

¹ В фонде «Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций газет и отдельных лиц, 1864–1917» есть рецензия (без указания имени автора) на разоблачительный роман «Джунгли» (ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Ед. хр. 4646).

с князем Кропоткиным (1912–1917)². При советской власти добродушно-снисходительная оценка Ленина — «социалист чувства, без теоретического образования»³ — служила индульгенцией для американского писателя, которого, несмотря на его «заблуждения» и «идейную незрелость», высоко ценили в 1920-е как симпатизанта СССР и критика плутократии. С ним переписывались Горький, Луначарский и Сталин. На протяжении двух советских довоенных десятилетий Синклер был в первой тройке современных западных писателей по популярности, количеству изданий и объему тиражей: каждый год выходило от 5-ти до 20 книжных наименований в разных издательствах, частных и государственных, не считая публикаций в периодике. В 1924–1926 гг. и 1930–1932 гг. было выпущено два 12-томных собрания его сочинений. Еще большее значение имели многочисленные отдельные издания, в том числе в «дешевых сериях» для рабочего читателя. Масив советской критики 1920–1930-х о Синклере впечатляет. Оценки разнились — от восторженных похвал до поношений (за пацифизм, близорукость, идеализм, ренегатство и особенно за его участие в губернаторских выборах в Калифорнии 1934 г.). За два десятилетия прошло несколько кампаний по возвеличиванию и шельмованию Синклера, но всегда в СССР он считался масштабной и очень значимой фигурой.

Синклер в свою очередь также испытывал интерес к Советскому Союзу, что неудивительно: его левые убеждения сформировались рано (он вступил в Социалистическую партию Америки в 1902 г.)⁴ и были глубокими и устойчивыми. Первый свой творческий проект, связанный с СССР, Синклер предпринял в 1930-м, когда в США находились Сергей Эйзенштейн, Григорий Александров и Эдуард Тиссе. Синклер, решивший избавить великого советского режиссера от тирании Голливуда, выступил в роли продюсера задуманной Эйзенштейном картины о Мексике, вменив себе в обязанность финансирование проекта, менеджмент и организацию проката. Это был трагический и разрушительный для Синклера опыт. Неудачная киноэпопея, продлившаяся три года, материально и морально опустошила писателя, подорвав его здоровье и веру в людей (особенно американских коммунистов) (см.: [1]).

² ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 147, 2274.

³ Статья В.И. Ленина «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (1915).

⁴ Синклер был в Социалистической партии в 1902–1934 гг. (с перерывом на 1917–1920), с 1934 г. — в Демократической партии, от которой и баллотировался в губернаторы Калифорнии.

Примечательно, однако, что в обширной переписке, которую Синклер вел в 1931–1932 гг. в связи с этим проектом, писатель неоднократно жалуется, что мексиканская картина разрушила все его планы, в том числе и задуманную поездку в СССР. Синклер собирался написать роман о советской индустриализации и рассчитывал на месте ознакомиться с реалиями советской жизни, собрать материал. В Советский Союз Синклер так никогда и не приехал (хотя там в 1931-м побывал его сын Дэвид, выполнявший в том числе и поручения отца, касавшиеся общения с Совкино), роман об индустриализации так и остался ненаписанным. Тем не менее нереализованный замысел, видимо, продолжал волновать воображение писателя. И вот через семь лет он снова вернулся к идее романа на советскую тему:

Уже давно я обдумываю идею романа, действие которого будет проходить частью в США, частью в СССР. Осуществить этот замысел мне мешает то обстоятельство, что я ни разу не был в Советском Союзе и не знаю русского языка. Развитие фабулы требует материала, который чрезвычайно трудно почерпнуть из литературы на английском языке, и вот мне пришла в голову мысль: быть может, кто-нибудь из советских писателей захотел бы сотрудничать со мной в этой работе, и таким образом участвовать в создании настоящего произведения интернациональной литературы⁵.

Так начинается длинное и обстоятельное письмо Синклера в редакцию «Интернациональной литературы». В нем подробно изложен хорошо продуманный синопсис будущего романа, который Синклер предполагал назвать «Красное золото»:

Предполагаемое название вещи — «Красное золото». В нашей ультра-буржуазной стране всякое начинание, преследующее интересы социальной справедливости, немедленно вызывает обвинения реакционных элементов в том, что оно финансируется Советским Союзом, и таким образом заголовки «Красное золото» содержит в себе некоторую игру слов.

Действие романа начинается в США в 1924 г. Главный герой, молодой инженер Джеральд Эванс, работает в крупной фирме «Амальгамейтед Электрик», он влюблен в дочь председателя кампании Люси Райт и пользуется взаимностью. Джеральд — способный молодой человек, добрый, честный, но ограниченный в своих воззрениях, считающий американскую промышленную систему идеальной. Люси Райт — «типичная молодая американка из праздного класса, высокомерная, послушная условностям и строгая

⁵ Здесь и далее все цит. из письма Э. Синклера редакции «ИЛ» от 16 апреля 1938 г. даны по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 140–151.

в суждениях». Она «хладнокровно изучает» Эванса как будущего мужа, а ее отец с интересом следит за их отношениями.

К мистеру Райту является коммерческий представитель СССР и предлагает «Амальгамейтед Электрик» построить для СССР драгу (судно-землечерпалку) для золотодобычи, которое будет доставлено на золотые прииски Лены группой американских рабочих и инженеров. Под их руководством начнется работа по добыче золота. Когда его будет получено достаточно, американцы вернутся в США и вручат плату золотом администрации «Амальгамейтед Электрик».

Соглашение достигнуто. Мистер Райт предлагает Джеральду Эвансу руководство этим предприятием, и тот с энтузиазмом соглашается.

«Экспедиция приезжает на берег Лены. К их приезду ничего не приготовлено... Кругом саботаж, предательство, все трудности начальной стадии нового общественного порядка. На прииск приезжает девушка-коммунистка, которая должна организовать школу и учить грамоте местную детвору. Она не знает английского языка, а американцы не знают русского, но они учатся друг у друга. Девушку зовут товарищ Ваня, она... горячо предана делу рабочего класса, неопытна, но полна решимости; видя беспорядок и неразбериху, царящие кругом, она принимается налаживать то одно, то другое и постепенно из школьной учительницы становится чем-то вроде чрезвычайного комиссара». Постепенно она организует не только школу, но и колхоз, поскольку нужны продукты, и становится «главной опорой американцев».

«Для Джеральда Эванса она совершенно новый тип. Его забавляют ее усилия добиться невозможного — ведь он в глубине души уверен в бесплодности принципов коллективизма. Нужно, чтобы был хозяин, и нужно, чтобы он знал, что дело, которым он занят, принесет ему прибыль. Но девушка нравится Джеральду... Постепенно между ними завязываются отношения, в которых любовь сочетается с политическими спорами и борьбой двух личных волей». Джеральд стремится в круг ее забот и интересов. Он, сам не замечая того, испытывает новые идеи, хотя по-прежнему убежден, что только в Америке умеют по-настоящему делать дело, а капитализм с частной собственностью — единственная эффективная общественная система. «Джеральд думает о высокомерной и рассудительной молодой женщине, ожидающей его в Америке, он знает, что не должен влюбляться в фанатичную большевичку, которая наверняка сделает его несчастным; но все это не мешает их сближению».

«Драга начинает работать, и количество добываемого золота превосходит все ожидания». Налаживается сообщение с Москвой, в колхозе снимают урожай, открывается школа. Ваня «сломила саботаж и вредительство», и теперь она мечтает о «сепараторах, тракторах и клубе с патефоном и кинобудкой».

Выясняется, что Ваня ждет ребенка, и ее отношение к этому становится для Джеральда потрясением. «Она не требует, чтобы он женился на ней, и не считает себя опозоренной. Она держится с большим достоинством. Он — свободный человек, говорит она, и, без всякого сомнения, его место на родине... Она расспрашивала его о девушке в Америке, и он ей все рассказал; она считает, что его долг — вернуться в Америку и там решить, которая из двух женщин занимает большее место в его жизни. А у Вани в Сибири дела много, и она не станет тратить времени на сожаления».

Джеральд всеми силами оттягивает отъезд и возвращается в Америку с самой последней партией золота для «Амальгамейтед Электрик». «Он едет к своему хозяину, чтоб отчитаться — сначала перед ним, потом перед его дочерью. Он рассказывает Люси всю правду. Она не возмущается, не обвиняет его в вероломстве, но искусно допрашивает его, зондирует его мысли. Она... хочет знать одно — любит ли он еще эту чужую девушку-большевичку». Люси — современная женщина с ясным умом и «держится тех взглядов, которые разделял и Джеральд до своего отъезда из Америки. Он же за это время изменился», «сам стал чем-то вроде большевика», и «те самые споры, которые в свое время происходили между Джеральдом и Ваней, теперь повторяются между ним и Люси».

Джеральд доволен, что вернулся к благам американской цивилизации, но в то же время чувствует пустоту, его угнетает атмосфера «кулиджевского процветания», безудержная жажда наживы и удовольствий. В Америку приезжает Ваня с делегацией для изучения системы американского образования. Джеральд, встретившись с ней, просит ее выйти за него замуж и остаться с ним в Америке. Ваня отказывает ему и, уезжая на родину, приглашает его приехать в Россию посмотреть на их ребенка.

В Америке начинается кризис, дела фирмы идут все хуже, и Джеральд, «в котором уже не видят будущего мужа председательской дочери», лишается своего места в «Амальгамейтед Электрик». «Он поступает на государственную службу и отправляется в Форт Нокс, в Кентукки, принять участие в проектировании гигантского

хранилища для золотого фонда»⁶, «который американское правительство скопило и теперь не знает, куда девать».

«Джеральд задумывается о том, какой странный и нелепый, в сущности, путь совершило у него на глазах это золото. Оно было извлечено со дна далекой сибирской реки, привезено в Сиэтл, обработано и очищено, затем передано в банк, оттуда перевезено в казначейство США, а теперь будет снова зарыто в землю в Кентукки. Затрачен огромный труд, а для чего? Не проще ли было оставить это "красное золото" под водами сибирской реки вместо того, чтобы похоронить на другой стороне земного шара?» В конце романа «Джеральд сидит у края ямы, в которой должно совершиться погребение, и размышляет о двух женщинах и двух цивилизациях. Америка получила золото, а русские получили ценное оборудование, так что, похоже, Россия больше выгадала на этой сделке».

Э. Синклер хотел, чтобы его соавтор написал те части, где действие происходит в России, а он сам — те, что относятся к Америке. Советский автор должен был получить всю прибыль от советского издания книги, а американский — от англоязычного издания; прибыль от переводов на другие языки предполагалось делить пополам. Свое письмо Синклер завершил словами: «...книга послужит высокой цели — облегчить взаимное понимание народам, представляющим две в корне различные цивилизации».

Обращение к теме золота не в последнюю очередь было продиктовано тем фактом, что Синклер жил в Калифорнии, которая еще со времен золотой лихорадки середины XIX в. была крупным центром золотодобычи. Кстати, в ноябре 1938 г. Синклер прислал своему будущему соавтору важный, по его мнению, источник информации для романа — письмо инженера

большой калифорнийской компании-производителя оборудования для золотодобычи. Откликаясь на просьбу Синклера, специалист подробно объяснял в письме устройство и принцип работы золотопромышленных драг, а также сообщал прочие полезные технические детали⁷.

Первое письмо Синклера в редакцию «Интернациональной литературы» датировано 16 апреля, а в мартовском выпуске (3-й номер за 1938 г., с. 7–9) советского иллюстрированного пропагандистского журнала «Sovietland» (1933–1940), распространявшегося в Британии и США, размещался материал «Soviet Gold» («Советское золото») о советской золотодобывающей промышленности, снабженный фотографиями, которые вполне могли бы служить иллюстрациями к синопсису «Красного золота». Вполне вероятно, что знакомство с этим материалом стало последним толчком, побудившим Синклера изложить на бумаге свой замысел нового романа и отправить письмо в Москву.

Еще одним непосредственным источником для Синклера, скорее всего, была книга Джона Литлпейджа «В поисках советского золота» (*In Search of Soviet Gold*. New York, Harcourt & Brace, 1937). Американский горный инженер Джон Дикинсон «Джек» Литлпейдж (John D. Littlepage, 1894–1948) работал в СССР почти десять лет и даже занимал должность замначальника главка «Союззолото»⁸. На работу в СССР его пригласил Александр Павлович Серебровский (1844–1938), профессор Московского горного института и будущий начальник «Союззолота». Серебровский, которому Сталин (прочитавший Брета Гарта и еще несколько книг о калифорнийской золотой лихорадке) поручил реформировать советскую золотопромышленность, познакомился с 33-летним Литлпейджем во время своей командировки на Аляску. Литлпейдж (как он рассказывает об этом в своей

⁶ Хранилище золотого запаса США в Форт-Нокс (шт. Кентукки) находится под управлением министерства финансов и располагается возле военной базы. Здание-крепость из стали, бетона и гранита тщательно охраняется полицией Монетного двора США, пространство между стенами и ограждениями заминировано. Строительство хранилища было начато в 1935 г. на территории, переданной под постройку военными, и завершено в 1936 г. Целью строительства было перемещение золота, находившегося на побережьях страны (в частности, в Нью-Йорке и Филадельфии), в максимально защищенную от вражеского вторжения местность в глубине материка. Первая перевозка и закладка золота состоялась в начале 1937 г. В годы Второй мировой на хранение также были отправлены другие ценности, в том числе экспонаты Библиотеки Конгресса США (оригиналы Конституции США, Декларации независимости, статьи Конфедерации, нескольких речей Линкольна, Библия Гутенберга и др.).

⁷ Э. Синклер — П. Павленко. 12 ноября 1938 г. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 60–63.

⁸ 31 октября 1921 г. был принят Декрет Совнаркома «О золотой и платиновой промышленности», который объявлял месторождения драгоценных металлов государственной собственностью, однако с целью роста золотодобычи и пополнения золотого запаса казны давал право частным предприятиям и отдельным старателям вести поиск и добычу золота. До 1927 г. в СССР работали более десяти золотодобывающих предприятий; ведущим госпредприятием было «Главзолото». Учреждение «Союззолото» (Всесоюзное золотопромышленное акционерное общество, осн. в мае 1927), объединившее золотодобывающие тресты, усилило контроль государства за отраслью. В ноябре 1930 г. «Союззолото» было реорганизовано во Всесоюзное государственное объединение «Цветметзолото»; это ознаменовало окончательную ликвидацию частного предпринимательства.

книге) вначале отказался от предложения Серебровского, заявив, что не любит большевиков, которые имеют привычку расстреливать инженеров (имелось в виду Шахтинское дело). Но Серебровский сумел его убедить, и с мая 1928 г. Джек Литлпейдж, переименованный в Ивана Эдуардовича, приступил к работе в Советском Союзе. Советская золотопромышленность развивалась стремительно, и уже через шесть лет добыча золота в СССР превысила добычу в США и всей Британской империи. За свой труд Литлпейдж был награжден Орденом Трудового Красного знамени и автомобилем ГАЗ-А (советский «Форд»). Он сумел покинуть СССР осенью 1937 г. и по возвращении опубликовал серию статей для газеты “Saturday Evening Post”, легшую в основу книги, где он описал дальневосточную и восточносибирскую золотую лихорадку.

Книга получила широкую известность; Синклер, несомненно, прочел ее и использовал как важный источник для разработки сюжета будущего романа. Вообще же статьи, очерки и книги американских инженеров, участвовавших в советской индустриализации, уже к концу 1930-х составили обширный корпус, и Синклер не только читал немало таких мемуаров, но и был знаком с некоторыми специалистами, работавшими в СССР. На их рассказы он ссылается в своей дальнейшей переписке с советскими корреспондентами по поводу проекта «Красное золото».

И в советской, и в западной левой литературе в 1920–1930-е сложилась традиция романов, описывавших перевоспитание и перерождение буржуазного специалиста в результате опыта работы в СССР. В качестве примера можно назвать роман американской коммунистки Майры Пейдж (наст. имя Дороти Марки, 1897–1993) «Московские янки» (1935) и, конечно, нашедший роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» (1932–1933)⁹. Одновременно с тем, как Э. Синклер и его советские корреспонденты обсуждали замысел «Красного золота», в столичном журнале «В бой за технику!» печатался роман А.Р. Беляева «Под небом Арктики» (№№ 4–7, 9–12 за 1938 г. и 1, 2, 4 за 1939 г.): один из героев этого романа, чернокожий американский рабочий Джим, приезжает из Флориды работать на советский Крайний

Север, «где проходит рабочий путь от бетонщика до шахтера и где общение и совместная работа с советскими людьми по успешному преобразованию сурового края меняет и его самого — его отношение к труду и планы на будущее» [2, с. 121].

В СССР 1930-х годов понятие «перековки» применялось не только к буржуазным рабочим и «спецам»; оно бытовало и в советской пенитенциарной системе¹⁰, а также, в широком смысле, обозначало процесс создания нового, советского человека. В писательских кругах это понятие нередко оказывалось тесно связано с практикой коллективного создания литературных текстов, художественных и публицистических. Коллективное производство литературы практиковалось в рамках рапповского призыва ударников в литературу, горьковской литучебы¹¹. Хрестоматийный пример «перековки» и коллективного творчества — поездка писателей на стройку Беломорско-Балтийского канала, в ходе которой «инженеры человеческих душ» должны были не только наблюдать и описывать, но в первую очередь перестраиваться, «перековываться» сами. Итогом опыта стала книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг.» (М.: ОГИЗ, 1934) — совместный труд 36 советских писателей под редакцией М. Горького (см.: [3]). Другие известные примеры — инициированный М. Горьким проект по созданию серии книг «Истории фабрик и заводов»¹² или книга М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина «Болшевики — Очерки по истории болшевицкой имени Г.Г. Ягода трудов коммуны НКВД» (М.: ОГИЗ, 1936.) (см.: [4, с. 242–293]; [5]; [6]). Еще одним монументальным советским проектом

¹⁰ «Перековка» была популярным названием для лагерных газет. Существовали, например, газета «Перековка» — орган управления Соловецких и Карело-Мурманских исправно-у- ла- герей, «Перековка на Волгострое» — орган КВО управления ВОЛГОЛАГА НКВД СССР. Газета «Перековка» изда- ва- лась также на стройке Беломорско-Балтийского канала.

¹¹ В своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей М. Горький, в частности, сказал: «В стране нашей идет работа над Историей фабрик и заводов <...> Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. К этим и мно- гим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широ- чайшую возможность самообразования, повышения квали- фикации путем коллективной работы над сырым материа- лом и взаимной самокритики» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 18).

¹² См.: А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М.: Изд-во социаль- но-экономической литературы, 1959. 336 с.

⁹ Англ. перевод: Jasienski, B. *Man Changes His Skin*, transl. by H.G. Scott. Moscow, Leningrad, Co-operative Publishing Society of Foreign Works in the USSR, 1935. В 1936 г. этот пе- ревод был опубл. в США, в коммунистическом издательстве “International Publishers”. В СССР вышло десять прижизнен- ных изданий — т.е. роман переиздавался каждый год до ар- еста Б. Ясенского в 1937 г.

было создание книги «День мира» под руководством М. Горького и М. Кольцова. Книга «День мира. 27 сентября 1935 г.» с богатым иллюстративным материалом, объемом почти в 600 страниц вышла в издательстве «Жургаз» в 1937 г., уже после смерти Горького. Сибирскому краю, который должен был стать местом действия «Красного золота», была посвящена коллективная книга «Мы из Игарки», задуманная школьниками этого городка. В декабре 1935 г. они написали М. Горькому письмо, где рассказали о замысле написать про этот город в Заполярье, построенный на вечной мерзлоте. Горький поддержал идею и предложил план будущей книги. Письмо поддержки пришло и от Р. Роллана (оно было помещено в предисловии к книге, посвященном истории проекта). Вышел этот коллективный опус также после смерти М. Горького в 1938 г. (см.: [7]).

Учитывая специфику советской традиции, очевидно, что представления о процессе совместного сочинительства и его задачах у двух потенциальных соавторов — американского и советского — радикально отличались¹³, как и условия творчества. За советским соавтором стояла вся советская литературно-идеологическая машина, диктующая и контролирующая каждый шаг писателя. Это стало очевидно с самого начала. Ответ на письмо Синклера готовился почти три месяца. Наконец 5 августа 1938 г. Синклеру написал главред «Интернациональной литературы» Тимофей Рокотов¹⁴ с сообщением, что соавтора ему подобрали: им будет один из крупнейших на тот момент советских прозаиков, член Президиума Союза советских писателей Петр Андреевич Павленко, знаток центральноазиатской, сибирской и дальневосточной тематики, автор романа «На Востоке» (1936), английский перевод которого Рокотов предложил Синклеру прочесть¹⁵. Ясно, что кандидатура долго и тщательно

подбиралась и согласовывалась на всех уровнях — от Союза писателей до партийно-правительственных органов.

Сам П.А. Павленко написал Синклеру еще через месяц, 3 сентября. О том, как готовилось его письмо, дают представление сохранившиеся в РГАЛИ черновые варианты с правкой и записанные от руки на отдельных листах замечания М.Я. Аплетина, зампреда Иностранной комиссии Союза писателей¹⁶. В итоговом варианте, переведенном на английский и отосланном Синклеру, Павленко выражал энтузиазм по поводу задуманного предприятия, соглашался с разделением обязанностей и гонораров и вносил два конструктивных предложения — назвать девушку не Ваней, а Маней, реку Лену сменить на Алдан, поскольку Лена — река еще с царских времен обжитая и освоенная, а Алдан — «первенец советской золотодобывающей промышленности»:

Алданские прииски найдены и созданы советской властью в самые трудные годы, тотчас вслед за окончанием гражданской войны. В 1921 году, когда последние остатки белогвардейских банд генерала Пепеляева бродили по тайге Якутии... группа советских людей... скрываясь от бандитов в становищах тунгусов и ороченов, обнаружила залежи золота на никому не известной реке Алдане. ... Именно здесь в свое время широко была использована американская техника и работали... купленные в САСШ драги... Кстати, именно на Алдане впервые начато земледелие, огородничество и садоводство. До советской власти жители Якутии... не видели и не знали многих домашних животных¹⁷.

Больше всего вопросов у П. Павленко (и всех стоявших за ним инстанций) вызвала придуманная Синклером любовная интрига, отношения главных героев — американского инженера и русской большевички:

... предвижу немало трудностей на пути сближения выдуманной Вами советской девушки-комсомолки с приезжим буржуазным инженером, хотя он и является — по Вашему замыслу — человеком честным и, что называется, хорошим. Опыт нашей двадцатилетней жизни научил всех нас относиться чрезвычайно настороженно к представителям капиталистических фирм. Мы имели случаи наблюдать, как шпионы и вредители ловко маскировались людьми честными и дружески к нам расположенными, а затем на наше доверчивое гостеприимство отвечали низкими злодеяниями. Не легким делом будет нам выдать замуж комсомолку за враждебного ей по мировоззрению буржуазного инженера; ибо для нее брак с иностранцем явится актом политическим, ставящим под сомнение целостность ее общественного характера. Такой брак сразу же низверг бы нашу героиню с ее высокого делового поста и сделал бы ее похожей на сотни беспринципных мещанок;

¹³ «...практики власти в институциональном проявлении (как Литинститут, ИФЗ, разные горьковские журналы, его издательские серии и т.д.), направленные на советских писателей как на политически "ценную" социальную группу, показывают, что писатели были помещены в те же жесткие рамки дисциплины, что и заключенные... Ведь горьковские термины, такие как "перековка", "перевоспитание" или даже "социальная опасность", можно было применить не только для заключенных, но и для писателей. И писатели стали... частью "политического тела" с важной функцией — распространять знания» [8, с. 83].

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 38, 39.

¹⁵ Роман П.А. Павленко вышел в английской версии «Интернациональной литературы» в 1937 г., а на следующий год — в книжном формате в издательстве американской компартии: Pavlenko, P.A. *Red Planes Fly East*, transl. by S. Garry. New York, International Publishers, 1938.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 20–24, 190–194.

¹⁷ Там же. Л. 191–192.

увивавшихся вокруг приезжих иностранцев. <...> Этот пункт фабулы мне кажется поэтому наиболее трудным и еще до конца не ясным¹⁸.

В заключительном абзаце своего письма в редакцию «ИЛ» Синклер писал:

Моя просьба к Вам опубликовать это краткое содержание и предложить кому-нибудь из советских писателей стать моим сотрудником. В определении компетенции автора я всецело полагаюсь на Вас. <...> Мне пришла в голову еще такая мысль: может быть, мы могли бы использовать мой замысел для выявления новых литературных талантов в вашей стране? Что, если нам предложить это сотрудничество как премию тому из молодых писателей, кто лучше всех напишет пробную главу на материале любого из сибирских эпизодов романа? Назначьте срок, скажем, два-три месяца, выберите комиссию для прочтения представленных рукописей, глава должна быть размером от пяти до десяти тысяч слов. Я с радостью принял бы в качестве сотрудника победителя такого конкурса; только в этом случае оставляю за собой право корректировать его часть работы, хотя бы для английского издания. Мне кажется, это будет очень благодарный материал для многих молодых писателей, потому что он потребует от них изучения истории СССР и познакомит их с идеологией капиталистической Америки¹⁹.

Синклер предполагал, что выбор соавтора будет происходить в форме открытого конкурса. Однако советская сторона пошла путем административного назначения, так что просьба Синклера была выполнена только наполовину — та ее часть, что касалась предложения опубликовать синопсис в печати. Присланное Синклером содержание предполагаемого романа было опубликовано 20 сентября 1938 г. в юбилейной подборке «Литературной газеты», посвященной шестидесятилетию Синклера. В следующем номере «ЛГ» от 26 сентября был напечатан ответ Павленко Синклеру. О планирующемся творческом сотрудничестве советского и американского писателей также появился материал в «Известиях» (21 сентября 1938).

Между тем переписка писателей продолжалась. 12 ноября Синклер отправляет Павленко большое письмо²⁰, из которого явствует, что он всерьез усомнился в возможности осуществить задуманный им проект. Он сообщает, что слишком долго ждал ответа на свое первое письмо, и потому занялся сочинением другого произведения, предлагает соавтору пока начать работу над

советской частью романа, более сложной и трудоемкой, чем американская, и вообще явно готовит пути к отступлению:

Я считаю своим долгом оговорить, что если в дальнейшем что-либо помешает мне выполнить мою часть работы, то настоящим письмом я передаю Вам право на эту повесть в СССР. Таким образом ничто из сделанной Вами работы не пропадет даром.

Причина того, что Синклер заметно остыл к идее «Красного золота», очевидна — из первого же письма Павленко сразу стало ясно, что взаимопонимания с советским автором, скорее всего, достигнуто не будет и сработаться вряд ли получится. «Лакмусовой бумажкой» стало мнение советской стороны о любовной интриге в будущем романе.

Тем не менее Синклер делает попытку переубедить советского собрата по цеху и детально разъясняет свой замысел, свое видение того, какое место в романе должна занимать эта интрига. Большая часть его письма посвящена вопросу о «психологии девушки». Излагая свою позицию, он выдвигает убедительные аргументы и демонстрирует изрядную осведомленность о советских реалиях 1920-х годов:

Вы говорите: «Наш опыт за двадцать лет научил нас быть чрезвычайно осторожными в сношениях с капиталистическими фирмами». В этом я не сомневаюсь. Однако... роман между героями, по моему замыслу, должен был происходить лет тринадцать тому назад, а я уверен, что в то время психология была совсем иная. Я знаю многих американцев... участвовавших в реконструкции России, и я много слышал об их любовных историях. Их принимали радушно, без тени подозрения. Мне кажется, мы должны подойти к нашему роману с точки зрения истории, а не пропаганды. <...>

Вы говорите также об их «браке» в Сибири. Если вы внимательно прочтете мой конспект, вы увидите, что он вовсе не предусматривает их женитьбы. ... Я слышал, что к вопросам морали в Советском Союзе стали относиться строго, но в первые годы революции... советскую молодежь влекли идеи «свободной любви». Я имею в виду отнюдь не вульгарную распушенность, а тогдашнее отношение революционно настроенной личности к браку как буржуазному институту, регулирующему государством и церковью. В свое время я знал многих убежденных бунтарей, которые в принципе отказывались от вступления в брак.

Приведя в пример союз Джордж Элиот и Джорджа Генри Льюиса, Синклер заключает:

Я говорю об этом так подробно, чтобы объяснить, как я представляю себе психологию 18–20-летней революционерки того времени. Эта психология должна была сначала возмутить, а потом сбить с толку воспитанного на условностях американского инженера. Я знал таких людей и наблюдал их отношение к женщинам-социалисткам и феминисткам. Для него

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 191. Вычеркнутое в русском исходном тексте письма не вошло в английский перевод, отправленный Э. Синклеру.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 151–152.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 631.11.78. Л. 181–186. Далее все цит. из этого письма даны по этому источнику.

их отношения должны были казаться искушением и грехом, для нее — утверждением ее женских прав. Это и оказалось одной из причин их морального конфликта. <...> Возникновение этого вопроса показывает мне, как трудно нам будет согласовать наши точки зрения и сделать наше произведение монолитным. Препятствия эти кажутся мне непреодолимыми...

Корректируя свои планы, он предлагает другой метод работы, который свел бы к минимуму сотворчество, совместную работу и предоставил бы писателям значительную автономию — так, чтобы каждый из них сочинял свой собственный роман, минимально завися от соавтора:

... мы должны заранее установить, что американская и русская части книги должны быть различны. Вы возьмете материал, которым я вас снабжу, и изложите его согласно своему пониманию событий и характеров; я проделаю то же самое с вашим материалом. На титульном листе русского издания будет написано: «Петр Павленко, консультация и помощь Эптона Синклера». На английском издании: «Эптон Синклер, консультация и помощь Петра Павленко».

Поистине я не вижу других выходов... самое разумное для каждого из нас — писать для своей аудитории... Может быть, когда-нибудь читатели захотят, чтобы оба варианта были переведены и напечатаны параллельно. Такое сравнение может представить интерес для изучающих психологию этих двух различных стран.

Свое обещание снабжать коллегу материалом Синклер принялся выполнять сразу же, не откладывая — именно к этому посланию он приложил копию письма «одного молодого инженера с золотых приисков».

Следующее письмо от Павленко датировано 29 января 1939 г.²¹ Он правильно уловил интенции Синклера: «Ваше большое письмо о нашей будущей книге внушило мне одну невольную мысль: не остыли ли Вы к своему замыслу “Красного золота”?» Цель письма — убедить «отца идеи» не отказываться от создания романа:

Подобной книги еще не было... То обстоятельство, что мы с Вами, находясь на разных материках и в различных социальных системах, оказываемся духовными единомышленниками, только делает наше творческое содружество более принципиальным... Ваша идея объединения могла возникнуть лишь в наше время, в эпоху победы социализма в одной стране. Объединенные общей мыслью показать судьбу золота при социализме и капитализме, мы едва ли испытаем трудности в идейном определении событий и характеров... Ваш проект двух текстов, двух оригиналов мне кажется сейчас сложным, гораздо более сложным, чем единый текст... Если Вы не изменили своему замыслу... то я могу уже начинать, пока Вы заняты.

При этом Павленко настаивает на том, что советская девушка должна непременно одержать идейную победу над буржуазным «спецом»:

Наша девушка — крупная общественная фигура. Ее сближение с чужим по духу и жизненному опыту человеком — явление очень сложное. Оно... могло произойти не ранее того, как приезжий инженер стал ей духовно понятен и близок, перестал являться носителем неизвестного и, может быть, враждебного начала.

У комсомолки именно тех боевых лет, особенно если она была фигурой крупной, передовой, ведущей, желание идеологически властвовать над *жажда идеологического родства* с любимым человеком была сильнее всех остальных чувств... Любовь и политическое вдохновение шли неразрывно, обогащая одно другое. Наоборот, *только одна* физическая близость к духовно неизученному, чужому и, может быть, где-то в глубине души враждебному человеку — должна была создать трещину в душевной цельности самой девушки. Такая неполная любовь была бы для нее любовью неверной, неправильной, вносящей раскол в собственное сознание, умаляющей принципиальность ее, лишаящей ее... уверенности в себе как в носительнице новой правды... Наша Маня могла отдать себя, только победив. Так она будет правдива²².

Далее в черновиках следует выразительный фрагмент, из окончательного варианта исключенный:

В этом случае мы избежим упрощения темы, которое, несомненно, может привести к «тенденциозной пропаганде», как Вы пишете, к плакату и лишает книгу ее исторической правдивости. Но этого не должно случиться. «Джимми Хиггинс» или «Король Уголь» — романы исторические, и в то же время не много на свете книг, насыщенных, как они, прекрасной идейной тенденциозностью.

В РГАЛИ сохранились черновики этого письма со многими слоями правки, сделанной разными «редакторами». Это настоящий палимпсест. Есть и записка Павленко: «Уважаемый тов. Рокотов, я читал письмо тов. Никитину²³ — он не возражает против него. У Аплетина были замечания по письму — по-моему, я их учел. Пожалуйста, прочитайте письмо и Вы».

Неизвестно, понимал ли в полной мере Синклер, что, переписываясь с Петром Павленко, он на самом деле вступает в общение не просто с писателем, собратом по цеху, а с советской литературно-пропагандистской машиной. Но главное он понял: вместо творчества предстоит заниматься пропагандой, вместо воссоздания социально-психологической коллизии — собирать коллаж

²² Вычеркнутое не вошло в английский перевод письма, отправленный Э. Синклеру. Курсивом обозначена правка, внесенная от руки.

²³ А.Е. Никитин — заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б).

²¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 78. Л. 187–189.

из идейных штампов. 16 февраля 1939 г. он пишет письмо²⁴, в котором решительно отказывается от совместного творческого проекта, объясняя отказ началом работы над огромным романом «Конец мира» (он станет первым в цикле из 11 романов о Ланни Бадде, 1940–1953). Синклер сообщает, что дарит идею «Красного золота» Петру Павленко и желает ему успеха. При этом он продолжает спор, который представляется ему принципиальным, и снова излагает свое видение того, как строить любовную линию, чтобы получился роман, а не пропагандистская листовка:

Мне думается, что если наша советская девушка «переубедит» инженера, это сделает роман банальным, и он легко может превратиться в проповедь для воскресной школы — то, что эта проповедь будет... советской по духу, дела не меняет. Боюсь, что Ваша твердая, искренняя убежденность мешает Вам понять трудности перестройки американского капиталистического инженера. Многие приезжали в Советский Союз и увлекались идеей помощи новой цивилизации, но... лишь немногие из них становились коммунистами; собственно говоря, я лично не могу вспомнить ни одного примера. <...>

...если Вы последуете своему замыслу и покажете перестройку этого человека до того, как он сойдется с девушкой, то от задуманного мною сюжета — от интеллектуальной и моральной борьбы между мужчиной и женщиной в течение пятнадцати лет — не останется ничего. То, что предлагаете Вы, это, по существу, не роман, а очень интересная и яркая по форме проповедь или выступление пропагандиста. За свою жизнь я написал много таких проповедей, и я вполне понимаю Вас. Но я-то представлял себе действительно роман, настоящую человеческую драму, раскрывающую различие в убеждениях двух наций, которые еще борются и будут долго бороться.

27 марта 1939 г. главред «Интернациональной литературы» Тимофей Рокотов переслал копии переписки Э. Синклера и П.А. Павленко С.А. Лозовскому, директору Гослитиздата (1937–1939) и замнаркома иностранных дел (1939–1946). Это означало, что дело сдается в архив. В мае 1939 г. Павленко послал запоздавший «зеркально-симметричный» ответ Синклеру, в котором выражал сожаление, что тот откладывает идею «Красного золота» и делился своим новым замыслом, возникшим у него во время поездки на съезд писателей Узбекистана:

Узнав, что Вы откладываете идею «Красного золота», я решил сначала писать роман один, но не в том объеме советско-американского романа, как это мыслилось Вашим проектом, а просто роман о советском золоте. Новые рамки книги диктовали новое отношение к материалу, и я занялся им весьма энергично, не намереваясь отвлекаться ничем иным. В самый разгар размышлений о золоте мне пришлось быть

свидетелем события, необычайного по своему высокому вдохновению: 355 узбекских колхозов решили в подарок XVIII съезду ВКП(б) построить своими средствами и своими силами оросительный канал длиной в 22 км. <...> Когда 14 тысяч человек, мужчин и женщин, старых и молодых, вышли в степь, каждый колхоз... со своими певцами и музыкантами — я уже не мог противиться чувству необходимости немедленно взять эту тему.

Видели ли Вы, как идет в пески первая вода?.. Старики погружали в воду руки и благоговейно отирали свои лица, музыканты... бежали за водою, продолжая играть на бегу, а когда не хватало дыхания, потрясали в воздухе инструментами. Это был труд — социалистическое празднество, турнир смелости и ловкости, и я не устоял, и изменил золоту, хотя и продолжаю думать, что изменил временно²⁵.

19 июня Синклер ответил кратким письмом, пожелав Павленко успеха в новом начинании²⁶.

Дальнейшие контакты писателей обозначаются лишь пунктиром, но совершенно очевидно, что они полностью определялись политической ситуацией — отношениями между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Сохранились два фронтовых письма Павленко, в которых он рассказывает Синклеру, как читал его произведение пограничникам и морякам-черноморцам во время поездок на фронт. Письма выдержаны в стиле публицистической риторики и полностью отвечают духу союзнических отношений СССР и США:

Черноморские моряки и я вместе с ними выразили сожаление, что Вы далеко от нас. Наша жизнь строится сейчас на началах такого высокого эпоса, что иной раз чувствуешь себя в контексте былины, легенды... У [нас] вас всегда читали много и жадно, но то, что творится сейчас, не имело места в прошлом: книга стала необходимее хлеба... Именно сейчас видит народ в писателе инженера человеческих душ и требует от него все лучших и лучших «конструкций», потому что читатель хочет расти, не теряя ни часа, ни минуты.

Успехи мирных лет кажутся теперь детскими в сравнении с тем, что мы могли бы сделать, если бы работали так, как научились работать сейчас. Не забывайте нас, мистер Синклер. Ваш советской читатель, а его миллионы и миллионы, любит Вас и всегда помнит. К этому голосу миллионов Ваших друзей я присоединяю свой²⁷.

Вторая мировая сменяется холодной войной; в 1946–1947 гг. в СССР набирает обороты антиамериканская пропагандистская кампания. Агитпроп ЦК формулирует задачи для всех структур идеологического фронта (СМИ, издательства,

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 115–116.

²⁶ Там же. Л. 126.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 913. Л. 187. Без даты, указан год — 1943. Второе письмо — РГАЛИ. Ф. 2911. Оп. 3. Ед. хр. 71.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 143. Л. 91–94.

научные, просветительские организации и т.д.). Первым пунктом указывается на необходимость развернуть кампанию в периодике:

Организовать в газетах «Правда», «Известия», «Труд», «Литературная газета», «Комсомольская газета», журнале «Большевик»... систематическое печатание материалов, статей, памфлетов, разоблачающих агрессивные планы американского империализма, антинародный характер общественного и государственного строя США, <...> показывающих... маразм буржуазной культуры и нравов современной Америки [9, с. 321–322].

Следуя партийно-правительственным установкам, 1 апреля 1949 г. был принят «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей», где первым пунктом значится следующее:

Обеспечить создание художественных произведений... разоблачающих американский образ жизни. Привлечь для этого писателей П. Павленко, Н. Вирту, А. Корнейчука, К. Симонова, Л. Леонова, С. Михалкова, И. Эренбурга, В. Василевскую... и др. [9, с. 346]

Павленко — первый в этом списке. 20 апреля 1949 г. в «Литературной газете» выходит его большая разгромная статья «Эптон Синклер — карьерист и клеветник», тема которой — позиция Синклера по вопросам борьбы за мир, отказ писателя участвовать в руководимом из СССР движении сторонников мира, знаком чего было его отсутствие на Уолдорфской мирной конференции, состоявшейся в марте 1949 г. в Нью-Йорке (туда в составе советской делегации приезжал и П. Павленко — вместе с А. Фадеевым, Д. Шостаковичем, кинорежиссерами С. Герасимовым, М. Чиаурели, крупным ученым-биологом, академиком А.И. Опариным).

К визгливому хору политиканов, на все лады восхваляющих Северо-атлантический пакт, присоединил свой голос и Эптон Синклер, с давних пор известный в качестве карьериста и дельца от литературы, который одно время кокетничал с «социалистическими» идеями. Синклер не только одобрил Северо-атлантический пакт... но и позволил себе сделать клеветнические выпады против лагеря прогресса и демократии, против Советского Союза — выпады, полностью заимствованные из арсенала геббельсовско-черчиллевской пропаганды.

В статье сообщается, что «в Эптоне Синклере каждый вершок — карьерист-бизнесмен», что им всегда двигало «неудержимое стремление “выйти в люди”, выслужиться перед “хозяевами жизни” в США», а социализм и все остальное «было только средством к достижению этой вожаемой цели». Несколько абзацев П. Павленко посвящает циклу романов о Ланни Бадде (ради которого

Синклер отказался от «Красного золота») и герою этой эпопеи — «воинствующему космополиту, разведчику-любителю, шпиону по влечению души»:

В полном соответствии с этой точкой зрения на «историческую миссию» крупного канитала, провозглашающего наступление «американского века» в мировой истории, Синклер строит и серию своих последних романов, посвященных событиям Второй мировой войны. <...> Народ полностью отсутствует в этих романах. Мировую историю вершат дельцы. <...> Не менее показательно, что творимая Синклером «сага эпохи» имеет своим героем американского парня, отец которого — торговец оружием, мать — любовница немецкого шпиона, а сам он — спекулянт, промышляющий вывозом в Америку художественных ценностей из Европы. Нечего сказать, хороши «граждане мира», рекомендуемые нам «без излишнего шума» Эптоном Синклером.

Статья завершается словами:

Так замкнулся позорный круг жизни Эптона Синклера, открыто пошедшего на службу к торговцам смертью. Готовый на любую циничную ложь во имя бизнеса, Эптон Синклер заслужил презрение всех честных людей.

Это было последней точкой, завершившей историю ненаписанного совместного романа Эптона Синклера и Петра Павленко, их так и не состоявшегося творческого сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sergei Eisenstein and Upton Sinclair: The Making & Unmaking of "Que Viva Mexico!", eds H.M. Geduld, R. Gottesman. Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. 499 p.
2. Богданов К.А. Негры в СССР. Этнография мнимой диаспоры // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 103–142.
3. Клейн И. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время. Пер. с нем. М. Шульмана // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 231–262.
4. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
5. Бугаева Л. Наука «воспитания нового советского человека»: Коммуна в жизни и на экране // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 80–98.
6. Шубина Н.В. К проблеме «перековки» характеров правонарушителей в условиях становления советской пенитенциарной системы (публицистика А.М. Горького 20-х–30-х годов. Введение

- в тему по материалам музейных фондов) // *Acta eruditorum*. 2020. Вып. 33. С. 83–85.
7. Булгакова О.С. Мы из Игарки. По следам авторов и героев книги // *Уральский следопыт*. 1985. № 3. С. 46–55.
 8. Лунтак Т. О становлении соцреализма: Максим Горький и начинающие писатели в 1930-х гг. Дисс. ... доктора филос. н. Universität Konstanz, 2012. 259 с.
 9. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953. Отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2005. 769 с.
 1. Geduld, H.M., Gottesman, R., eds. *Sergei Eisenstein and Upton Sinclair: The Making & Unmaking of Que Viva Mexico!* Bloomington; London: Indiana University Press, 1970. 499 p.
 2. Bogdanov, K.A. *Negry v SSSR. Jetnografija mnimoi diaspory* [Negroes in the USSR. Ethnography of an Imaginary Diaspora]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2014, No. 22, pp. 103–142. (In Russ.)
 3. Klein, I. *Belomorkanal: literatura i propaganda v stalin-skoe vremja* [Belomorkanal: Literature and Propaganda in the Time of Stalin], transl. by M. Shulman. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2005, No. 71, pp. 231–262. (In Russ.)
 4. David-Fox, M. *Vitriny velikogo jeksperimenta. Kulturnaja diplomatija Sovetskogo Sojuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 568 p. (In Russ.)
 5. Bugaeva, L. *Nauka “vospitanija novogo sovetskogo cheloveka”: Kommuna v zhizni i na ekrane* [Educating the New Soviet Man: Labor-Education Commune in Life and on Screen]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 2022, No. 176, pp. 80–98. (In Russ.)
 6. Shubina, N.V. *K probleme “perekovki” harakterov pravonarushitelej v uslovijah stanovlenija sovetskoj penitenciarnoj sistemy (publicistika A. M. Gorkogo 20-h–30-h godov. Vvedenie v temu po materialam muzejnyh fondov)* [The Problem of the “Reforging” of the Characters of Offenders in the Formation of the Soviet Penal System (Gorky’s Journalism of the 1920s–1930s: Introduction to the Topic According to the Materials of Museum Funds)]. *Acta eruditorum*. 2020, Issue 33, pp. 83–85. (In Russ.)
 7. Bulgakova, O.S. *My iz Igarki. Po sledam avtorov i geroev knigi* [We are from Igarka. Tracing the Authors and Characters of the Book]. *Uralskij sledopyt* [Ural Stalker]. 1985, No. 3, pp. 46–55. (In Russ.)
 8. Liptak, T. *O stanovlenii socrealizma: Maksim Gorkij i nachinajushhie pisateli v 1930-h gg. Diss. ... doktora filos. n.* [On the formation of Social Realism: Maxim Gorky and the aspiring writers in the 1930s, PhD Thesis]. Universität Konstanz, 2012. 259 p. (In Russ.)
 9. *Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS, 1945–1953* [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents, 1945–1953], ed. D.G. Nadzhafov. Moscow: MFD-Materik Publ., 2005. 769 p. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 13 декабря 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on December 13, 2023

Revised on March 3, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030045

Еще раз о происхождении юрацкого языка

© 2024 г. А. Ю. Урманчиева

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
urmanna@yandex.ru

Резюме. В настоящей статье еще раз проанализирован материал исчезнувшего северносамодийского идиома, данные по которому были собраны в XVII в. Г.Ф. Миллером и проинтерпретированы Е.А. Хелимским. В лингвистическом отношении юрацкий входит в группу северносамодийских языков наряду с лесным и тундровым энецким, лесным и тундровым ненецким, нганасанским и маторским. Географически Е.А. Хелимский локализует юрацкий язык в северной части междуречья Таза и Енисея. Существенно, что юрацкий локализуется между энецким языком на востоке и ненецким — на западе.

Е.А. Хелимский показывает, что с точки зрения исторической фонетики юрацкий язык в ряде отношений занимает промежуточное положение между ненецким и энецким. Он также отмечает, что ряд слов юрацкого языка, не совпадающих с ненецким, имеют параллель в энецком. Исходя из этого он предлагает считать юрацкий ненецким диалектом, на который распространялись некоторые характеристики соседнего близкородственного языка. В данной работе предлагается пересмотреть данные по исторической фонетике юрацкого языка. Выясняется, что в юрацком в разных словах рефлексация одних и тех же фонемных последовательностей может иметь два варианта. Один вариант объединяет его с основной массой ненецких диалектов, а другой — с энецким языком. Такая ситуация указывает на то, что юрацкий представляет собой не результат диахронически последовательного развития периферийного ненецкого диалекта в контакте с энецким, а результат смешения ненецкого и энецкого языков.

Ключевые слова: самодийские языки, юрацкий язык, историческая фонетика, смешанный язык.

Для цитирования: Урманчиева А.Ю. Еще раз о происхождении юрацкого языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 45–50. DOI: 10.31857/S1605788024030045

Once Again About the Origin of the Jurak Language

© 2024 Anna Yu. Urmanchieva

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov lane, St. Petersburg, 199004, Russia
urmanna@yandex.ru

Abstract. This article reconsiders the material of the disappeared Northern Samoyedic idiom, data on which were collected in the 17th century by G.F. Müller and interpreted by E.A. Helimsky. Linguistically, Jurak is included in the group of Northern Samoyed languages, along with Forest and Tundra Enets, Forest and Tundra Nenets, Nganasan and Mator. Geographically, E.A. Helimsky localizes the Jurak language in the northern part of the interfluvium of the Taz and Yenisei. It is significant that Jurak is localized between the Enets language in the east and Nenets in the west.

E.A. Helimsky showed that from the point of view of historical phonetics, the Jurak language in some respects occupies an intermediate position between Nenets and Enets. He also notes that a number of Jurak words that do not coincide with Nenets have a parallel in Enets. Based on this, he proposed to consider Jurak a Nenets dialect, which shared some of the characteristics of the neighboring closely related language. This paper proposes to revise the data on the historical phonetics of the Jurak language. It is demonstrated that in different Jurak words the development of the same phonemic sequences can have two options. One variant is shared with the rest of the Nenets dialects, whereas the other with the Enets language. This situation indicates that Jurak is not the result of a diachronically consistent development of a peripheral Nenets dialect in contact with Enets, but is a mixed language with Nenets and Enets components.

Key words: Samoyed languages, Jurak language, historical phonetics, mixed language.

For citation: Urmanchieva, A.Yu. *Eshche raz o proiskhozhdenii yurackogo yazyka* [Once Again About the Origin of the Jurak Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 45–50. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030045

В настоящей статье еще раз проанализирован материал исчезнувшего северносамодийского идиома, данные по которому были собраны в XVII в. Г.Ф. Миллером и проинтерпретированы Е.А. Хелимским в публикации 1976 г. Записи Г.Ф. Миллера представляют собой один из стандартных словарных списков, которые он собирал по самодийским языкам, будучи участником второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Статья Е.А. Хелимского была повторно опубликована в сборнике его работ 2000 г., в этой более поздней публикации было добавлено Приложение, в котором впервые был опубликован по материалам (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 513, д. 7, лл. 15–20) оригинальный словник Г.Ф. Миллера¹. Ниже мы будем ссылаться именно на эту работу как на [1].

В [3, с. 595] указано, что в качестве самоназвания представители этой этнической (суб)группы использовали именно термин *юрак* (*Jurak* в записи Г.Ф. Миллера). В настоящее время это – самоназвание тухардских ненцев, об использовании этого термина данной локальной группой см. [4, с. 25–26], об использовании этнонима в XVII–XIX вв. см. в [5, с. 60–61], в указанной работе рассматривается также вопрос об этимологии данного этнонима.

В лингвистическом отношении юрацкий входит в группу северносамодийских языков, наряду с лесным и тундровым энецким, лесным и тундровым ненецким, нганасанским и маторским (об отнесении маторского к группе северносамодийских см. [6]). Географически Е.А. Хелимский локализует юрацкий язык в северной части междуречья Таза и Енисея [1, с. 50], В.Ю. Гусев пишет, что «вплоть до XVIII в. юраки составляли отдельную этнографическую и языковую группу, которая располагалась

как минимум в районе реки Таз, а как максимум занимала всю обитаемую часть тундры между Обской губой и Енисеем» [5, с. 61]. В данном случае мы все же считаем более обоснованным не отождествлять напрямую распространение этнонима *юрак* в данный период с ареалом распространения того идиома, о котором пойдет речь в данной статье: этноним вполне мог использоваться представителями единой в этнографическом отношении группы, говорящими на разных северносамодийских идиомах. Как мы надеемся показать в конце работы, лингвистическая характеристика юрацких материалов также говорит скорее об узко локальном характере данного идиома.

Существенно, что какой бы взгляд на географическое распространение юрацкого – Е.А. Хелимского или В.Ю. Гусева – мы ни принимали, юрацкий локализуется между энецким языком на востоке и ненецким – на западе.

Е.А. Хелимский показывает, что с точки зрения исторической фонетики юрацкий идиом (который он называет также старовосточным диалектом ненецкого языка) в ряде отношений занимает промежуточное положение между ненецким и энецким: например, развитие сочетаний «носовой + смычный» в юрацком отличается от развития в ненецком, но совпадает с развитием в энецком, ср. юр. *libbe* ‘орел’ с л.эн., т.эн. *libe* и т.нен. *lyimpya* [1, с. 51]. Он также отмечает, что ряд слов юрацкого языка, не совпадающих с ненецким, имеют параллель в энецком. Здесь мы специально обратим внимание на то, что среди этих слов представлены не только знаменательные, но также и числительное *na'essa* ‘девять’ (л.эн. *neesaa*, т.эн. *eesaa*, но т.нен. *xasawa-yûq*; об этимологии названий девятки в самодийских языках см. [7]) и личное местоимение первого лица юр. *modi* ‘я’ (т.эн., л.эн. *mod'i*, но т.нен. *täny*). Такие лексические параллели выглядят, конечно, достаточно значимо.

На основании выделенных фонетических и лексических изоглосс Е.А. Хелимский приходит

¹ Собранные Миллером данные с некоторыми искажениями и сокращениями вошли в “Sprachatlas” Ю. Клапрота (доступной републикацией самодийских данных из него является [2, с. 36–50]).

к следующему выводу: «Эти характеристики старовосточного диалекта позволяют считать его в определенной степени переходным, занимающим промежуточное положение между ненецким и энецкими диалектами <...> распад прасеверносамодийской языковой общности происходил не скачкообразно, а постепенно, в результате довольно медленных перемещений отдельных групп самодийского населения на новые территории. При этом промежуточное географическое положение старовосточного диалекта обусловило длительное — и, вероятно, никогда не прерывавшееся — его контактирование как с другими ненецкими диалектами, так и с энецким языком. В такой ситуации на этот диалект могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов — что, однако, не препятствовало сохранению тесных языковых связей с основной массой ненцев. Переходный характер старовосточного диалекта мог в течение долгого времени обеспечивать его носителям высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями».

Таким образом, Е.А. Хелимский вписывал картину образования юрацкого идиома в достаточно стандартную модель, в которой в рамках диалектного континуума распространение некоторых инноваций может захватывать соседствующие диалекты двух близкородственных языков и формировать ареальные изоглоссы, которые не совпадают с генетическими границами между языками. В то же время он не исключал сценария (хоть и считал его менее вероятным), при котором юрацкий «образовался на энецком субстрате в результате ассимиляции одной из этнических групп энцев ненцами» [1, с. 52]. Однако пересмотр данных по исторической фонетике юрацкого языка говорит в пользу второго сценария формирования этого идиома. Выясняется, что в юрацком в разных словах рефлексация одних и тех же фонемных последовательностей может представлять как энецкий, так и ненецкий вариант развития. Примеры такой двойственной рефлексации в словарных материалах Г.Ф. Миллера удалось найти для десяти фонем или фонемных сочетаний:

1. Рефлексация **mt*.

В энецком **mt* > *d*, в ненецком **mt* сохраняется (в юрацком дополнительно представлена деназализация *m* в ауслауте и в кластерах). Энецкая рефлексация **mt* представлена в юр. *ladiku* 'низкий' (т.эн. *lodu*, но т.нен. *lāmtiyik*), а ненецкая — в юр. *nabdorsi* 'сиденье' (т.нен. *ḡamtā-*, но т.эн. *ado-* 'сесть').

2. Рефлексация **nt*.

В энецком **nt* > *d*, в ненецком **nt* > *n*. Энецкая рефлексация представлена в юр. *ngidde* 'лук (оружие)'

(т.эн. *ido*, но т.нен. *ḡin*), юр. *ḡaddu* 'лодка' (т.эн. *odu*, но т.нен. *ḡano*), ненецкая — в юр. *ḡingāni* 'росомаха' (т.нен. *yijḡ nyey*, но т.эн. *bigodi*), юр. *to'ōna* 'лиса' (т.нен. *tyōnya*, но т.эн. *tōde* (? *tude*), юр. *chanipsu* 'лунь' (т.нен. *xānyebcyu* 'полярная сова', но т.эн. *kodeḡo* 'сова').

3. Рефлексация **ḡk*.

В энецком **ḡk* > *g*, в ненецком **ḡk* сохраняется. Энецкая рефлексация представлена в юр. *maraga* 'морощка' (т.эн. *moroga*, но т.нен. *māraḡka*), ненецкая — в юр. *ḡingāni* 'росомаха' (т.нен. *yijḡ nyey*, но т.эн. *bigodi*).

4. Рефлексация **ns*.

В энецком **ns* > *d'* (в лесном энецком наряду с этим **ns* > *s*), в ненецком **ns* > *nc*. Энецкая рефлексация **ns* представлена в юр. *modi* 'я' (т.эн. *mod'i*, эта форма восходит к сочетанию общесамодийского **mān* 'я' с эмфатическим суффиксом, ср. нг. *mīn-s'īā-nā* 'я-то'), а также (как в лесном энецком) в слове юр. *jēsire* 'брусника'. По-ненецки брусника называется *yency dyey*, название ягоды производно от глагола *yencyā-* 'быть горьким'. В современном лесном энецком брусника называется *дичагу* ~ *дичаку* (неопубликованные словарные материалы О.В. Ханиной и А.Б. Шлуинского), это название ягоды связано с другим прилагательным 'горький': т.эн. *d'it'i*, л.эн. *d'it'ako*, т.нен. *yibcyika*. Но л.эн. соответствие юр. *jēsire*, т.эн. *yency dyey* 'брусника' выглядело бы именно как ***d'ēsīde*. Ненецкая рефлексация **ns* представлена в юр. *tinsche* 'аркан' (т.нен. *tīncyah*, но т.эн. *t'iod'e?*, л.эн. *t'iese?*).

5. Рефлексация **rs*.

В энецком **rs* > *d'* (в лесном энецком наряду с этим **rs* > *s*), в ненецком **rs* > *rc*. Энецкая рефлексация **rs* (как в лесном диалекте) представлена в юр. *berise* 'чир' (т.эн. *bedid'e*, т.эн. *bedise*, но т.нен. *yedyurcyā*), ненецкая — в *mērse* 'ветер' (т.нен. *myercyā*, но т.эн. *med'e*, л.эн. *mese*).

6. Рефлексация анлаутного **w*- перед передним гласным.

В энецком **w* > *b*, в тундровом ненецком в этой позиции **w* > *j*. Энецкая рефлексация **w*- представлена в юр. *bedu* 'кишка' (ср. т.эн. *bede*, но т.эн. *yedyo*), юр. *bü* 'десять' (т.нен. *yúq*, но т.эн. *biu*), ненецкая — в юр. *jesse* 'железо' (т.нен. *yesyā*, но т.эн. *bese*), юр. *jeru* 'хозяин' (т.нен. *yerw*, но т.эн. *biomo*).

7. Рефлексация дифтонгов.

В энецком дифтонги сохраняются, в ненецком происходит их монофтонгизация. Рефлексация дифтонгов по ненецкому типу представлена в юр. *pu* 'год' (т.нен. *po*, но т.эн. *pua*), юр. *nju* 'сын' (т.нен. *nyú*, но т.эн. *nio*), юр. *jeru* 'хозяин' (т.нен. *yerw*, но т.эн. *biomo*), юр. *tī* 'олень' (т.нен. *tī*, но т.эн. *tia*), по энецкому — в юр. *tua* 'крыло'

(т.эн. *tua*, но т.нен. *to*), юр. *kuo* ‘береза’ (т.эн. *kua*, но т.нен. *xo*).

8. Рефлексация анлаутного *k.

В энецком *k сохраняется, в ненецком *k > x. Рефлексация анлаутного *k по ненецкому типу представлена, например, в юр. *chowa* ‘постель’ (т.нен. *xoba*, но т.эн. *kôba* ‘шкура’), по энецкому — например, в юр. *kau* ‘ухо’ (т.эн. *koô*, но т.нен. *ха*, косвенная основа *hawo-*).

9. Рефлексация последовательности *Vmä.

В энецком интервокальный *m выпадает, в ненецком *Vmä > Vbya. Рефлексация последовательности *Vmä по ненецкому типу представлена, например, в юр. *tiréwjä* ‘рыбья икра’ (т.нен. *tyiryeyua*, но т.эн. *t'iree*), по энецкому — например, в юр. *nä'essa* ‘девять’ (л.эн. *neesaa*, первая часть представляет собой местоимение *nee* ‘другой, один из нескольких’, соответствующее т.нен. *nyabyi*).

10. Назальная протеза.

В северносамодийских языках (кроме маторско-го) представлено явление назальной протезы: слово в этих языках не может начинаться с гласного, и вокалический анлаут прикрывается либо протетическим *h-* (в случае передних гласных), либо протетическим *ŋ-* (в случае задних гласных). В современном энецком языке анлаутные протетические *ŋ-* (кроме нескольких слов) и *h-* (не только протетический, но и этимологический) отпали, в ненецком протетические *ŋ-* и *h-* сохраняются. В основном в словарном списке Г.Ф. Миллера назальная протеза представлена, то есть обычна рефлексация по ненецкому типу: юр. *ngjärnä* ‘вперед’ (ср. т.нен. *nyer* — *nyah* ‘вперед’, но т.эн. *ere* ‘вперед’), юр. *ngudeesse* ‘кольцо’ (ср. т.нен. *ŋudah yesya*, но т.эн. *ида? bese* ‘кольцо’, досл. ‘железо руки’), но есть и примеры слов без назальной протезы, ср. юр. *addi* ‘нельма’ (т.нен. б.-з. *ŋанды* ‘связка = маленькая нельма’, но л.эн. *adi* ‘нельма’), юр. *aiwurman* ‘есть’² (ср. т.нен. *ŋəwor-*, но т.эн. *ôôr-* ‘есть’).

Итак, мы наблюдаем в юрацком сосуществование слов с двумя типами рефлексации, один из которых объединяет его с основной массой ненецких диалектов, а другой — с энецким языком. Примеров фонемных сочетаний, дающих два типа рефлексов, а также слов, иллюстрирующих рефлексацию как первого, так и второго типа, как можно видеть, найдено достаточно много. При этом надо учитывать, что юрацкий словарь Г.Ф. Миллера содержит около 250 слов, при этом часть из них повторяется (например, одним и тем же словом могут быть переведены разные понятия; кроме того, 22 слова представляют собой

Таблица. Сопоставление материала ненецкого (большеземельского и канинского говоров), юрацкого и лесного энецкого

	ненецкий		юрацкий	лесной энецкий
*ŋk	б.-з.	ŋk		g
	канин.	g		
*ns	б.-з.	ns		s
	канин.	s		
*mb	б.-з.	mb	?	b
	канин.	b		
*ŋ-	б.-з.	ŋ		0
	канин.	0		
*mt	б.-з.	mt		d
	канин.			
*nt	б.-з.	n		d
	канин.			
*rs	б.-з.	rc		s
	канин.			
*w / _V̄	б.-з.	j		b
	канин.			
дифтонги	б.-з.	монофтонгизация		дифтонг
	канин.			
*k-	б.-з.	x-		k-
	канин.			
*Vmä	б.-з.	Vbya		VV
	канин.			

составные числительные); тем самым для юрацкого мы знаем всего около 200 различных корней. Такая ситуация с двумя типами рефлексации указывает на то, что юрацкий представляет собой не результат диахронически последовательного развития периферийного ненецкого диалекта с развитием ряда изоглосс с соседним энецким диалектом, а результат смешения ненецкого и энецкого языков. Особенно показательны в этом отношении две формы одного и того же юрацкого глагола: а) *chonawī* — в списке Г.Ф. Миллера переведено как ‘спать’, вероятно, инферентивная или, что то же самое для ненецкого, причастная форма, ср. т.нен. *xonawī* ‘уснул, уснувший’; б) *modi chodegu* ‘я сплю’: этот глагол отражает прасамодийское *kontā- ‘уснуть’, и в первой форме, записанной Г.Ф. Миллером, рефлексация интервокального *nt идет по ненецкому типу *nt > т.нен. n, во втором — по энецкому типу *nt > т.эн. d. Точно так же мы находим от одного того же корня юр. *ŋamgad* ‘голодный’ (ср. т.нен. *ŋəm lə-* ‘проголодаться’) и юр. *aiwurman* ‘есть’³ (ср. т.нен. *ŋəwor-*, т.эн. *ôôr-* ‘есть’) — оба корня, несомненно, связаны с *ātm- ‘есть’, при этом в первом случае слово имеет начальный протетический *ŋ-*, а во втором — нет.

Здесь также вкратце необходимо затронуть вопрос о том, что некоторые из черт юрацкого имеют

² Очевидно, какая-то финитная глагольная форма.

³ Очевидно, какая-то финитная глагольная форма.

параллель в крайнезападных говорах ненецкого. Ниже в таблице систематизирован материал по развитию интересующих нас фонемных последовательностей, где для ненецкого приводится материал двух диалектов: б.-з. — большеземельский (к этому диалекту относятся и соседствующие с юрацкими восточные говоры ненецкого), канин. — канинский, представляющий западный диалект.

Таким образом, мы приходим к выводу, что юрацкий является смешанным языком. Его происхождение отражает смешение двух вполне самостоятельных идиомов: энецкого (вероятно, лесного) и одного из диалектов тундрового ненецкого.

Можно видеть, что канинский объединяет с юрацким (и энецким) развитие сочетаний *ŋk*, *ns*, *mb* с устранением назального элемента кластера и утрата анлаутного *ŋ*-. Не следует ли интерпретировать это как независимые историко-фонетические процессы на периферии ненецкого ареала, а не как смешение с энецким (в случае юрацкого)? Против этой гипотезы можно высказать два аргумента. Во-первых, значительное число историко-фонетических процессов в юрацком находит параллель только в энецком (см. нижнюю половину таблицы). Так что для этих случаев смешение с энецким определяется однозначно. И логичным представляется постулировать именно смешение с энецким и в тех случаях, когда юрацкий демонстрирует одновременные схождения и с западным ненецким, и с энецким. Во-вторых, показателен случай кластера *nt*: в канинском говоре он дает *n*, как и во всех остальных ненецких говорах (а также в лесном ненецком), то есть этот переход произошел еще на стадии протоненецкого. В то же время в юрацком этот кластер может отражаться как *d* — как и в энецком. Такой результат развития протоненецкого *n* (< **nt*) невозможен: в протоненецком здесь мы уже не имеем кластера с начальным гомоганным назальным, который мог бы быть опущен, как в кластерах аналогичной структуры *ŋk*, *ns*, *mb*. Соответственно, появление в юрацком *d* в этом случае можно интерпретировать только как результат смешения с энецким.

При этом существенно отметить, что это, определенно, не лесной энецкий XVII в., а более ранний вариант: в энецких записях Г.Ф. Миллера этого периода **ə* всегда отражается как *o* (так же, как в современном языке), но в юрацком во всех случаях **ə* отражается как *a* (кроме двух слов: *modi* ‘я’ и *modis-* ‘видеть’, где, вероятно, влияет начальный *m*), как в его ненецких записях, ср., например, в записях Г.Ф. Миллера (цитируются по [2, с. 36]) юр. *wark*, т.нен. *wark*, но л.эн. *boggo*, т.эн. *bogo* ‘медведь’. Это означает, что в период формирования юрацкого в том варианте энецкого, который участвовал в этом процессе, огубление **ə* с переходом его в эн. *o* еще не произошло. Для доказательства этого особенно существенны слова, которые

в ином отношении обнаруживают какую-либо черту исторической фонетики, сближающую их с энецким, а не с ненецким, например, в записи Г.Ф. Миллера слово ‘низкий’ выглядит следующим образом: т.нен. *lamdu*, юр. *ladiku*, но л.эн. *rodde*, т.эн. *loddu* (цитируются по [2, с. 42])⁴. Такое систематическое различие между юрацкими записями и современными им записями Г.Ф. Миллера не просто интересно с точки зрения датировки исторических фонетических переходов в энецком. Оно также очень важно с точки зрения характеристики статуса юрацкого языка. А именно, это различие доказывает, что Г.Ф. Миллер действительно зафиксировал некоторый самостоятельный идиом, отличный как от ненецкого XVII в., так и от энецкого XVII в., и мы не можем предполагать, что анализируемый словарь просто представляет собой неудачные записи либо от двух человек, один из которых знал ненецкий, а другой — энецкий, либо от билингва, путавшего энецкие и ненецкие слова.

Вывод о смешанном характере юрацкого идиома также говорит скорее в пользу того, что число его носителей было сравнительно невелико, особенно в сравнении с числом носителей лесного и тундрового энецкого, составлявшем в XVII в. порядка 400–500 и порядка 800 человек соответственно [8, с. 38]. Так что с этой точки зрения, вероятно, предпочтительнее принимать гипотезу Е.А. Хелимского о географически достаточно ограниченном распространении данного идиома. В то же время, если предполагать, что в смешении принимал участие вариант лесного энецкого, существовавший до XVII в., это означает, что лесной энецкий в этот период был скорее южным, нежели восточным соседом юрацкого, ср. о распространении лесного энецкого к XVII в.: «Кочевья лесных энцев (“карасинских самоедов”) простирались от Среднего и Верхнего Таза на северо-восток до правобережья Енисея в районе рек Нижняя Тунгуска и Курейка» [8, с. 38].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

л.эн. — лесной энецкий; нг. — нганасанский; т.нен. — тундровый ненецкий; т.эн. — тундровый энецкий; юр. — юрацкий.

⁴ Менее последовательно выглядит ситуация с назальной протезой: например, в словах *ngidde* ‘лук’ и *ngaddu* ‘лодка’ она есть, а в слове *addi* ‘нелюба’ ее нет, хотя все три слова имеют рефлексацию интервокального кластера по энецкому типу. Этому может быть два объяснения. Возможно, в период формирования юрацкого в энецком как раз происходил процесс утраты назальной протезы. Но более вероятным нам представляется то, что запрет на вокалический анлаут и появление в этой позиции протетического *ŋ*- (иных источников которого в анлауте нет) — это фонотактическое требование, которому достаточно легко следовать на синхронном уровне, поэтому в ряде слов назальная протеза могла быть восстановлена под ненецким влиянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хелимский Е.А. Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 50–55.
2. Donner K. Samojedische Wörterverzeichnisse (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932.
3. Хелимский Е.А. Таймыр, нижний Енисей и бассейн Таза в начале XVIII века: заметки Г.Ф. Миллера по этнологии, этнонимии и топонимии Мангазейского уезда // В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 592–616.
4. Амелина М.К. От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык: лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея (XX – нач. XXI в.) // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36) С. 7–48. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48.
5. Гусев В.Ю. Этимологические заметки по этнонимии Нижнего Енисея // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018.
6. Helinski E. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen // V. Gusev, A. Urmancieva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helinski* (Studia Uralo-Altaica, 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479–495.
7. Gusev V.Yu. Finnic numerals for ‘8’ and ‘9’ and a possible parallel from Samoyed // *Linguistica Uralica*. 2022, Vol. 58, Issue 1, pp. 1–9. DOI: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2022.1.01>.
8. Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Е.А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 26–40.
9. Helimsky, E.A. *Ob odnom perekhodnom severnosamoedjskom dialekte (k istoricheskoy dialektologii neneckogo yazyka)* [On one Transitional Northern Samoedic Dialect (to the Historical Dialectology of the Nenets Language)]. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i statji* [Comparativistics, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2000, pp. 50–55. (In Russ.)
10. Donner, K. *Samojedische Wörterverzeichnisse* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 64). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1932. (In German)
11. Helimsky, E.A. *Tajmyr, nizhnij Enisej i bassejn Taza v nachale XVIII veka: zametki G. F. Millera po etnologii, etnonimii i toponimii Mangazejskogo uezda* [Taimyr, the Lower Yenisei and the Taz Basin at the Beginning of the 18th Century: G.F. Müller’s Notes on Ethnology, Ethnonymy and Toponymy of Mangazeya Uyezd]. V.A. Plungian, A.Yu. Urmancieva (comp.). *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika: Pamyati T. Zhdanovoj. Statji i vospominaniya*. [Languages of the World. Typology. Uralistics: In Memory of T. Zhdanova. Articles and Memoirs]. Moscow: Indrik Publ., 2002, pp. 592–616. (In Russ.)
12. Amelina, M.K. *Ot mnogoyazychiya k “bolshomu perekhodu” na tundrovyy neneckij yazyk: lingvisticheskie ideologii i dinamika yazykovogo sdviga v Tuhardskoj tundre i na sopredelnyh territoriyah v nizovyah Eniseya (XX – nach. XXI v.)* [From Small-Scale Multilingualism to “The Big Shift” to Tundra Nenets: Linguistic Ideologies and Language Shift Dynamics in Tukhard Tundra and the Lower Yenisei Area (20th – the Beginning of the 21st Century)]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies]. 2020, No. 1 (36), pp. 7–48. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48 (In Russ.)
13. Gusev, V.Yu. *Etimologicheskie zametki po etnonimii Nizhnego Eniseya* [Etymological Notes on the Ethnonymy of the Lower Yenisei]. *Voprosy onomastiki* [Topics in the Study of Onomastics]. 2020, Vol. 17, No. 2, pp. 59–74. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.018. (In Russ.)
14. Helinski, E. *Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen*. V. Gusev, A. Urmancieva, A. Anikin (eds.). *Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helinski* (Studia Uralo-Altaica, 56). Szeged: Szeged University, 2022. S. 479–495. (In German)
15. Gusev, V.Yu. *Finnic numerals for ‘8’ and ‘9’ and a possible parallel from Samoyed*. *Linguistica Uralica*. 2022, Vol. 58, Issue 1, pp. 1–9. DOI: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2022.1.01>.
16. Helimsky, E.A. *Ocherk istorii samodijskih narodov* [Essay on the History of the Samoyedic Peoples]. *Komparativistika, uralistika. Lekcii i statji* [Comparativistics, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2000, pp. 50–55. (In Russ.)

REFERENCES

1. Helimsky, E.A. *Ob odnom perekhodnom severnosamoedjskom dialekte (k istoricheskoy dialektologii neneckogo yazyka)* [On one Transitional Northern Samoedic Dialect (to the Historical Dialectology of the Nenets Language)].

Дата поступления материала в редакцию: 18 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 2 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on March 18, 2024

Revised on April 2, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030052

Ретеллинг: новый жанр или недостаточно осмысленное «старое»?

© 2024 г. М. Р. Ненарокова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
профессор Российского Университета Дружбы Народов
им. Патриса Лумумбы (РУДН),
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>
maria.nenarokova@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается явление, известное как «ретеллинг». В сознании массового читателя, как отечественного, так и зарубежного, ретеллинг воспринимается как один из жанров сетевой литературы. Слово «ретеллинг» заимствовано из английского языка. Согласно англоязычным публикациям, посвященным ретеллингу, в современном массовом сознании это понятие соответствует, с одной стороны, способам заимствования и переработки сюжетов, которые были известны в европейской культуре со времен античности, с другой, системе устойчивых признаков, первичных и вторичных, которые воспроизводятся в текстах массовой литературы. Однако ни американское, ни британское литературоведение не знает такого жанра. В зарубежной науке принят термин «адаптация», подразумевающий, как правило, один вид изменения текста: от литературного произведения к театральной постановке или фильму. В работах российских исследователей термин «адаптация» применяется к переделкам классической литературы для театра, кино, телевидения и компьютерных игр. Хотя ретеллинг воспринимается как новое, недавно появившееся явление, в англоязычной культуре авторские переделки классических произведений появились в начале XIX в. Первым примером адаптации-«ретеллинга» может считаться собрание рассказов «Шекспир, рассказанный детям», написанное Чарльзом и Мэри Лэм. В «Предисловии» к историям авторы сформулировали принципы, в соответствии с которыми они перерабатывали пьесы Шекспира для детского чтения. Эти принципы подпадают и под понятие «ретеллинга», и под понятие «адаптации». Исследование показывает, что «ретеллинг», который воспринимается как одна из характерных черт современной культуры, существует как осознанный способ творческой работы с текстом по меньшей мере два столетия. Это явление есть не жанр, а комплекс приемов трансформации текста, до сих пор недостаточно изученная универсалия литературного творчества.

Благодарность. Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00989).

Ключевые слова: массовое сознание, сетевая литература, жанр, ретеллинг, адаптация, классическое литературное произведение, Чарльз и Мэри Лэм, «Шекспир, рассказанный детям».

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Ретеллинг: новый жанр или недостаточно осмысленное «старое»? // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 51–62. DOI: 10.31857/S1605788024030052

Retelling: a New Genre or an Insufficiently Investigated “Old” Notion?

© 2024 Maria R. Nenarokova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia,
Professor at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>
maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the phenomenon known as “retelling”. The mass reader, both domestic and foreign, perceives retelling as one of the neterature genres. The word “retelling” is borrowed from the English language. According to the English-language publications concerning retelling, in modern mass consciousness this concept corresponds, on the one hand, to the methods of borrowing and processing plots, known in European culture since antiquity, on the other, to a system of primary and secondary features, reproduced in mass literature texts. However, neither American nor British literary criticism knows such a genre. Foreign literary critics use the term “adaptation”, which implies one type of the text transformation: from a literary work to a theatrical production or film. Russian researchers apply the term “adaptation” to the alterations of classical literature for theatre, cinema, television and computer games. Although in the English language culture retelling is perceived as a new, recently emerged phenomenon, the first author's adaptations of classical works appeared at the beginning of the 19th century. The collection of stories “Tales from Shakespeare”, written by Charles and Mary Lamb can be considered the first example of a “retelling” adaptation. The “Preface” to the stories contains the principles, formulated by the authors. According to the given principles they reworked Shakespeare's plays for children's reading. These principles fall under both the concept of “retelling” and the concept of “adaptation”. The research shows that though “retelling” is perceived as one of the characteristic features of modern culture, this phenomenon existed as a conscious way of creative working with text for at least two centuries. This phenomenon is not a genre, but a set of techniques for transforming a text, a still insufficiently studied universal of literary creativity.

Acknowledgements. The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00989).

Key words: mass consciousness, neterature, genre, retelling, adaptation, classic literary work, Charles and Mary Lamb, “Tales from Shakespeare”.

For citation: Nenarokova, M.R. *Retelling: novyy zhanr ili nedostatochno osmyslennoye “staroye”?* [Retelling: a New Genre or an Insufficiently Investigated “Old” Notion?]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 51–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030052

Новое — это хорошо забытое старое.

Жак Пеше (1758–1830)

В современном отечественном литературоведении в последнее время появилось большое количество исследований, посвященных новому художественному явлению — сетевой литературе, или сетературе (англ. *neterature*, *cyberature*). По наблюдениям исследователей, в интернете складывается аналог традиционной, «бумажной» литературы со своей уже довольно развитой жанровой системой. Возникновение некой параллельной, «цифровой» литературы было предопределено и культурным, и научно-техническим прогрессом: «Гутенберг дал всем возможность стать читателями, ксерокс дал всем возможность стать

издателями, Интернет дал всем возможность стать писателями» [1, с. 149].

При том, что сетературе посвящено достаточно много исследований, жанровая система этой новой литературы, по данным сайта «Киберленинка», рассматривается лишь в трех статьях, причем одна из них, «Жанры сетевой литературы» Е.А. Бурцевой, является источником информации для остальных авторов. Примечательно, что результаты исследования, посвященного жанровой системе сетературы, опубликованы в сетевом издании [2].

В статье Е.А. Бурцевой приводится определение ретеллинга, в котором он называется жанром: «Ретеллинг (англ. *retelling* — пересказ) — жанр

сетевого текста, в котором персонажи канонической истории попадают на место героев другой истории, допускается дословное цитирование 80% основного текста» [2]. Это определение используют и другие исследователи, не развивая и не уточняя его [3, с. 85]; [4, с. 35].

Само слово «ретеллинг», как, впрочем, и большинство названий других жанров сетевой литературы, перечисленных в статье Е.А. Бурцевой, заимствовано из английского языка. Глагол *retell*, от которого образовано существительное *retelling*, предлагаемое в качестве литературоведческого термина, в большинстве англоязычных толковых словарей имеет следующие значения: «рассказать снова, поведать заново» [5], «снова рассказать кому-то что-то» [6]; [7] и «рассказать историю в иной форме» [8], «рассказать историю по-новому» [9], «рассказать историю, отличающуюся от оригинала» [10]. Существительное *retelling* с нужным нам значением «новая версия истории» находим в словаре Мерриам–Вебстера [8], а также в сетевых словарях: «новая версия старой истории», «написанное произведение (например, роман), которое было переработано и получило новую форму» [7], «новая, часто осовремененная или получившая новую форму версия истории» [9]. В одном из словарей есть пояснение: «Когда писатель берет старую тему или историю, чтобы включить в нее новые повороты сюжета, он *занимается пересказом*» [7]. Как видим, дефиниции английских слов более точно описывают и процесс создания произведений, и типы текстов, которые становятся его результатом.

Если мы обратимся к русскому слову «пересказ», то станет ясно, почему существительное «ретеллинг» появилось в русском языке. В академическом Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой «пересказать» определяется как «рассказать, изложить своими словами что-л. прочитанное или услышанное», «рассказать заново, еще раз что-л. уже рассказанное», «рассказать все, многое» [11], а «пересказ» означает «письменное или устное изложение своими словами чего-л. прочитанного или услышанного» [11]. Значения русских слов совпадают с соответствующими значениями британских толковых словарей, хотя, как уже было отмечено выше, старейший американский толковый словарь Мерриам–Вебстера регистрирует значение «новая версия истории». Создание произведений в определенном жанре при помощи слов «пересказать» и «пересказ» не описывается. Возможно, слово «ретеллинг» вводится в употребление современными российскими издательствами, например, ЭКСМО,

поскольку издательства публикуют современную переводную литературу, частью которой являются и переделки, пересказы, «ретеллинги». Один из крупнейших книжных магазинов России «Читай-город» создал сетевое издание «Читай-журнал», посвященное обсуждению книжных новинок. В одной из публикаций дается определение ретеллинга, причем ретеллинг представляется как жанр. Это определение отличается от процитированного выше определения Е.А. Бурцевой, оно близко английским толкованиям этого слова: «Ретеллинг — жанр литературы, в котором писатели переиначивают популярные сюжеты, знакомые большинству читателей. <...> При этом цель автора — взглянуть на историю по-новому, а не просто пересказать ее» [12]. Тут же подчеркивается принципиальное отличие «ретеллинга» от «пересказа»: «... ретеллинги заметно отличаются от коротких выжимок книг, которые вы могли читать в школе перед уроком литературы» [12].

Как правило, если русский язык заимствует иностранное слово, которому можно подобрать русское слово со сходным значением, заимствование укореняется в языке, имея более узкое значение, и используется как термин. Возможно, такая же судьба могла быть уготована и «ретеллингу». Стоит, однако, отметить, что само слово «ретеллинг», пусть его и можно встретить на сайтах, связанных с изданием книг, еще не зафиксировано в Национальном корпусе русского языка, то есть общепринятой частью лексического состава русского языка оно пока не стало.

Поскольку само понятие «ретеллинг» пришло к нам из англоязычной культуры, для уточнения его содержания стоит обратиться к англоязычным публикациям на эту тему. Подавляющее большинство этих публикаций написано обозревателями книжных новинок, блогерами и журналистами, пишущими популярные статьи о современной художественной литературе.

И для англоязычных авторов «“ретеллинг” — слово с довольно расплывчатым значением» [13]. Тем не менее авторы интернет-публикаций постарались объяснить и себе, и своим читателям, что они вкладывают в понятие «ретеллинг»: с одной стороны, «это, по сути, форма ссылки на более старую историю таким образом, что очень приятно, когда вы ее узнаете» [14]; с другой, «повторная передача событий словами, образами и звуками, часто путем импровизации или приукрашивания» [15], «авторы продолжают брать хорошо известную историю и развивать ее в совершенно новых направлениях» [16]. Таким образом, для носителей англоязычной культуры наиболее

заметными особенностями ретеллинга становятся узнаваемость текста-источника и создание нового текста на основе старого путем различных изменений.

Авторы публикаций о ретеллинге называют три причины его появления. Первая причина называется только один раз и звучит очень современно: «многие классические истории включают в себя элементы сексизма, расизма, гомофобии <...> жизненно важно смотреть на эти проблемы лицом к лицу, а не замечать их под ковер» [17]. В качестве второй причины называют любовь читателей к известным сюжетам и героям: «в знакомом есть утешение, а в неизвестном — волнение» [18]. По мнению авторов интернет-публикаций, в современном мире, далеком от стабильности, люди получают удовольствие, когда встречаются с чем-то неизменным, пусть и в несколько ином виде: «ретеллинги доставляют читателям особое наслаждение, потому что им удастся сочетать удовольствие от неожиданных поворотов с комфортом знакомой истории» [19], «обнаруживать сходства и различия между новым романом и оригиналом, которому автор отдает дань уважения» [19], «вернуться к сюжетной линии и персонажам классического романа — все равно, что прокатиться по родному городу» [19]. Третьей и наиболее часто упоминаемой причиной становится необходимость сохранить шедевры классической литературы, или, по выражению авторов публикаций о ретеллинге, «классики» [16], в кругу чтения современных читателей. Более того, ретеллинг «продлевает жизнь классики, приглашая новых читателей и одновременно исследуя старые и новые идеи» [16]. При этом ретеллинг становится своего рода мостом между современностью и устоявшейся культурной традицией: он «дает читателям отличный повод вернуться к классическому роману» [19] и произведениям других жанров, вошедшим в сокровищницу мировой литературы. Кроме того, «появляется все больше и больше пересказов малоизвестной или менее популярной классики, которые, в свою очередь, возвышают оригинал в сознании читателя» [16]. Интересно, что, по мнению авторов интернет-публикаций, ретеллинги имеют очевидное практическое значение, облегчая восприятие сложных по языку, стилю, композиции классических текстов. По словам современной американской писательницы Виктории Келли, «ретеллинги популярны, потому что это менее трудозатратный способ восприятия старинных историй. <...> Большинство людей согласятся, что классиков литературы читать труднее. Во-первых, потому что язык архаичен, а во-вторых, потому что

описываемая обстановка им незнакома. Поэтому, когда автор берет более старую историю, помещает ее в соответствующую среду и рассказывает современным языком, она, очевидно, будет гораздо более привлекательна для современных читателей» [14].

Авторы ретеллингов пользуются разными возможностями для переработки исходных текстов. Так, «может быть изменена основная тема оригинальной истории» [20]. Например, часто произведение строится в соответствии с формулой «барышня в беде» (*a damsel in distress*): «женщина, которая попала в какую-то ситуацию и не может выбраться из нее без лихого принца, который ее спасет» [20]. В таком случае автор может придать повествованию «феминистский оттенок» [20]. Может измениться адресат повествования: «Может быть, автор ретеллинга бросит несколько свежих шуток или разольет очень много крови. Может быть, он смягчит и упростит сказку для младших читателей. И поэтому истории развиваются и меняются, но в основе своей остаются прежними» [14]. Ретеллинги «оживляют историю, изменяя важную деталь, например, меняя места-ми образы или пол персонажей» [14], могут «создавать смешение разных жанров» [15] или «отражать наши современные ценности» [18].

Довольно много авторы интернет-публикаций пишут об источниках ретеллингов, подчеркивая, что рассказывание сказок и историй характерно для любого народа «как средство развлечения, образования, сохранения культуры и передачи моральных ценностей» [15]. Этот процесс начался «еще до появления печатного станка» [14].

Материалом для ретеллингов становятся неслучайные произведения: «тексты, на которых они основаны, являются краеугольными камнями великой литературы» [21]. Среди источников новых текстов называют «сказки, мифы и легенды» [17], «басни» [22], «классические произведения, стихи, рассказы, детские сказки, потешки, фольклор, жизни известных исторических личностей, исторические события» [13]. Писательница Тирза Прайс, сама автор ретеллингов, так объясняет, что она вкладывает в понятие «классических произведений»: «Классика — это книги, которые остаются актуальными во все времена, потому что публика считает их достойными внимания. И одна из причин, почему классика выживает, заключается в том, что мы продолжаем находить способы пересказывать и переделывать эти истории» [16].

Корпус текстов, который соответствует понятию ретеллинга, оказался достаточно велик,

чтобы появилась классификация произведений: «Пересказы бывают самых разных форм и размеров, некоторые строго придерживаются сюжетной линии своего источника вдохновения, а другие используют старый роман как трамплин для чего-то совершенно нового» [19]. Признак «настоящего ретеллинга» проявляется в том, что «используется та же основа истории, но с каким-то поворотом или просто с большей глубиной. Иногда в них используются те же персонажи, что и в оригинале, иногда используется старая история, но другие персонажи» [13]. Среди таких ретеллингов находим «пересказы с альтернативной точки зрения» [23]. Еще одним видом ретеллинга называются приквелы и сиквелы, в которых «используются одни и те же персонажи (их изображение часто отражает авторскую точку зрения), но рассказывается о событиях, предшествующих оригинальной истории или происходящих после нее» [13]. В качестве приквелов выступают «истории о происхождении злодеев» [23]. Наконец, есть и третий вид ретеллинга: это «истории, которые не совсем пересказаны, но вдохновлены другой историей и используют одну или две идеи из оригинала, чтобы начать свое собственное повествование» [13].

Больше всего наблюдений обнаруживается в отношении так называемого «настоящего ретеллинга». Авторы интернет-публикаций указывают на возможный источник ретеллингов: «важно выбрать историю для переработки, с которой можно сделать что-то новое и интересное» [17]. Как правило, для «настоящего ретеллинга» выбирают «классические истории» [17], адресатом которых становится «современная аудитория» [17]. В процессе переработки исходного текста должен сохраняться «костяк оригинальной сказки» [20], но автор должен «придать тексту другую окраску» [20], «изюминку» [13], найти «уникальный угол зрения» [22]. Результатом переделки исходного текста должна стать не только новая версия уже известной истории, но и «какое-то новое ее понимание» [17].

Под «изменением сюжета» авторы интернет-публикаций понимают «смещение сюжетных точек»: «Это означает, что вы все еще можете идентифицировать оригинальную сказку, но в ее сюжете есть некоторые существенные изменения» [20]. При том, что основные вехи сюжета сохраняются в неизменности, создатели ретеллингов «могут добавлять повороты в сюжет и общее повествование, исследуя разные концепции или развивая события в ином направлении» [13]. Переработка повествования также подразумевает

изменение «жанра, места действия, пола персонажей, их внешности (можно сделать их сверхъестественными существами), отношений между героями» [13].

Такой признак ретеллинга, как «изменение точки зрения», по мнению авторов интернет-публикаций, настолько важен, что даже лег в основу поджанра ретеллинга под названием «изломанная сказка» (*a fractured fairy tale*): «В “изломанной сказке” одна и та же история видится глазами другого персонажа или является продолжением той же сказки» [20]. Писательница Виктория Келли называет такой способ изменения исходного текста «интересной настройкой» [14], а ее коллега Тирза Прайс объясняет ценность этого подхода к оригиналу тем, что он дает возможность «взять классические сюжетные линии и персонажей <...> и расширить повествование» [16], рассматривая уже известные проблемы с современной точки зрения или выводя на страницы книги персонажей, которые, по мнению общества, считались маргиналами.

Высказывая свое мнение о ретеллингах, все авторы интернет-публикаций сходятся на том, что необходимо сохранить связь между текстом-исходником и новым произведением на его основе: «нужно уметь распознавать оригинальную сказку в пересказе» [17], при этом лучше, «чтобы это делалось с помощью тонких “намеков”» [17]. В удачном ретеллинге «можно определить сказку, которую пересказывают» [20] и даже «снимать один за другим слои повествования и видеть, как другой автор берет хорошо известную историю и делает ее своей» [24].

Если обобщить то, что авторы публикаций о ретеллинге понимают под этим словом, то окажется, что это слово относится к двум случаям. В первом «ретеллинг» описывает те способы заимствования и переработки сюжетов, которые были известны в европейской культуре со времен античности. Так, например, Вергилий положил начало традиции создания эклоги на латинском языке, а его последователи, также создававшие произведения в этом жанре, в своих эклогах главными героями делали тех персонажей, которые у Вергилия были второстепенными. Можно сказать, что корпус античной и позднеантичной эклоги, в который входят произведения Вергилия и его последователей, представил единство пастушеского мира, способного к расширению своих границ. Второй этап развития этого литературного мира был осуществлен в эпоху Каролингов, когда придворные поэты Карла Великого, его сына Людовика Благочестивого и современники

Карла Лысого создавали экологичные, несколько отличающиеся по образности и стилистике, однако не потерявшие связь с текстами Вергилия, стоящими у истоков традиции.

Похожий литературный мир создается корпусом текстов средневековых рыцарских романов. В течение нескольких столетий рыцарские романы, объединенные образом определенного героя, превратились в систему текстов, охватывающих всю жизнь героя, причем повествование о детстве и юности могло появиться позже истории подвигов в зрелом возрасте. Разветвленная система рыцарских романов может соотноситься с такими понятиями, как «приквел», то есть некое предваряющее повествование, в котором рассказывается о ранее произошедших событиях, «сиквел», то есть продолжение приключений героя, и «спин-офф», героем которого становится второстепенный герой, и все повествование ведется с его точки зрения.

Во втором случае речь идет о системе устойчивых признаков, первичных и вторичных, которые с разной степенью обязательности воспроизводятся в текстах и служат основанием для их объединения в группу. Обобщая приведенные выше мнения о ретеллинге, которые высказаны современными писателями, журналистами и блогерами, можно предположить, что первостепенными признаками ретеллинга является использование известных текстов в виде источников, узнаваемость источников в новосозданном тексте, изменение системы персонажей и, соответственно, точки зрения на события, описываемые в повествовании; необязательными признаками ретеллинга могут стать изменение места и времени действия, изменение жанра. Что касается языка и стиля нового произведения, о нем говорится крайне мало.

Как кажется, отношение между «ретеллингом» как универсалией творчества и «ретеллингом» как видом текста сродни тому, что А.В. Михайлов писал об эмблематической «стихии» [25, с. 159], пронизывающей все стороны культуры барокко, и эмблемой, которая порождается этой стихией, как бы кристаллизуется из нее.

Если в англоязычной массовой культуре понятие «ретеллинга» присутствует и довольно активно обсуждается как авторами, создающими подобные произведения, так и читателями, в англоязычном литературоведении понятия «ретеллинга» как жанра нет. Контексты, в которых встречается глагол *to retell*, скорее, говорят о пересказе как способе воспроизведения текста, чем о некоем особом жанре. В тех же ситуациях,

в которых писатели, журналисты и блогеры говорят о «ретеллинге», литературоведы пользуются термином «адаптация» (*adaptation*). В толковых словарях *adaptation* понимается как «исправленная или улучшенная версия текста, в том числе музыкального, измененная для съемок фильма, трансляции по радио или постановки на сцене» [5] или как «сочинение, получившее новую форму при переработке» [8]. Как видим, в наиболее авторитетном британском толковом словаре Oxford English Dictionary упоминаются области, в которых может использоваться адаптированный текст, тогда как самый авторитетный американский толковый словарь делает акцент наобрете: текст новой формы. Одним из авторов теории адаптации стала Линда Хатчен, автор книги *A Theory of Adaptation* (2006), выдержавшей несколько изданий с 2006 г. Можно сказать, что круг исследователей, пишущих об адаптации, развивает и уточняет идеи, высказанные ею в этой книге.

Направления исследований, намеченные Линдой Хатчен в ее основополагающей книге, совпадают с теми особенностями текстов, подвергающихся адаптации, на которые обращают внимание представители массовой культуры. Так, например, тот факт, что источниками новых произведений становятся классические произведения, отмечается и всеми остальными исследователями, поскольку сама мысль использовать «культурный капитал» [26, р. 109] для создания переделок, метафорически называемых «палimpseстами» [27, р. 9], лежит на поверхности. Специалисты в области адаптации отмечают, что круг переделываемых литературных шедевров достаточно широк. Он включает в себя и эпистолярные романы XVIII в., например, «Клариссу» С. Ричардсона, и произведения Джорджа Элиота, Вирджинии Вульф, Д.Х. Лоуренса [28, р. 131], но также и легенды о короле Артуре [29, р. 37], и античную греческую драматургию [30], и современную литературу. Однако самыми востребованными авторами, по наблюдениям Дж. Кука, остаются Чарльз Диккенс и Джейн Остин [28, р. 131]. Как пишет С. Янгл, знаменитый роман Остин «Гордость и предубеждение» породил «новые романы, рассказы, сиквелы, приквелы, переделки... многочисленные интерпретации для сцены, малого экрана и кино» [31, р. 168], таким образом, «реинвестируя культурный капитал, накопленный оригиналом, в новый продукт массовой культуры» [32, р. 173]. Исследователи говорят о возможности изменить сюжет, «предложить другой финал» [33, р. 12], «убрать все тонкости и заменить их крупными широкими штрихами»

[34, p. 34]. Особое внимание исследователей обращено на изменение первоначального содержания произведения: «сцены нужно вырезать, второстепенных персонажей упростить или исключить, отказаться от второстепенных сюжетов» [35, p. 70–71]. Стоит отметить, что англоязычное литературоведение рассматривает, как кажется, только один вид адаптации — от литературного произведения к театральной постановке, но чаще всего к фильму.

Понятие «адаптации» встречаем и в работах российских исследователей. Так, в статье О.Ю. Багдасарян адаптация включается в перечень текстов, возникающих в рамках массовой культуры: «заимствования, “присвоения”, стилизации, пародии, подражания, ремиксы, ремейки, приквелы, сиквелы, вариации, произведения по мотивам, *адаптации*, инсценировки, оммажи, плагиаты, импровизации на тему, версии, интерпретации, переписывания, апгрейды, палимпсесты, сэмплинги» и т.д. [36, с. 131]. Считая адаптацию спорным термином [36, с. 131], автор относит тексты, которые можно им обозначить, к вторичным. В этом контексте, как кажется, восприятие «адаптации» сродни восприятию «ретеллинга» в массовом российском сознании, о чем говорилось выше.

Чаще всего термин «адаптация» в статьях российских ученых применяется к переделкам классической литературы для театра, кино, телевидения [37], что привычно, и, что достаточно ново, для компьютерных игр [38]; [39]. Если говорить о компьютерных играх, то в их случае исследователь сталкивается с адаптацией и как процессом, и как с результатом этого процесса. Кибертекст, возникающий в процессе создания компьютерной игры, представляет собой результат процесса, адаптацию классического текста, например, произведений Кафки «Превращение», «Процесс», «Замок», постоянно изменяющуюся, адаптирующуюся к тому выбору, который делает играющий, выполняя задачи, поставленные в игре: «перед героем и, соответственно, игроком стоит “неочевидный” моральный выбор: 1) сжечь приговор, тем самым нарушив работу Башни; 2) вынести приговор, тем самым предав своего друга и вернув себе человечность. Совершив любой из двух выборов, главный герой все равно попадает в тюрьму, из которой он уничтожает башню и сбегает. Однако сделанный выбор предопределяет финал видеоигры: 1) Грегор Замза спасает друга и навсегда остается жуком вместе с Лени; 2) главный герой возвращает человеческий облик, но обрекает себя на участие в судебном процессе»

[39, с. 208]. Лишь статья Е.А. Лысенко, посвященная сборнику Ч. и М. Лэмов «Шекспир, рассказанный для детей» (название первого русскоязычного перевода «Шекспир, рассказанный детям» (1865)), рассматривает адаптацию применительно к литературному тексту, ставшую своего рода посредником «между оригиналом и читателем» [40, с. 148]. «Ретеллинг» как термин находим только в трех статьях, упомянутых ранее.

Ситуация, сложившаяся в современной культуре, как зарубежной, так и отечественной, как кажется, не уникальна. Если говорить об англоязычной культуре, авторские пересказы, переделки классических произведений появились в начале XIX в. Первым примером адаптации-«ретеллинга» можно считать упомянутую выше книгу, которая сама уже стала частью англоязычного классического наследия, «Шекспир, рассказанный детям» Чарльза и Мэри Лэмов, опубликованную в 1807 г. За два года до выхода книги Уильям Годвин, философ, журналист, религиозный мыслитель, основал так называемую Юношескую Библиотеку — издательство, которое должно было выпускать книги для детей. Годвин полагал, что детей с малых лет нужно приучать к классической литературе, а потому читать им Гомера, Вергилия, Горация, а также Мильтона и Шекспира. Считая произведения Шекспира и Мильтона неотъемлемой частью английской культуры, с которой нужно знакомиться еще в детстве, Годвин писал: «... я не могу сказать, кем бы я был, если бы Шекспир и Милтон не писали своих произведений. Беднейший крестьянин в самом отдаленном уголке Англии становится, возможно, другим человеком, отличающимся от того, кем он мог бы быть без них. Каждый, кто становится иным после внимательного чтения их творений, сообщает частичку их вдохновения окружающему миру. Вдохновение переходит от человека к человеку и влияет на всю массу людей» [41, p. 52].

От Годвина брат и сестра Лэмы получили заказ «обработать двадцать пьес Шекспира с тем, чтобы переделать их в рассказы для детей» [42, p. 66]. Работа началась в 1806 г. В мае того же года Чарльз Лэм писал своему другу Мэннингу: «Шесть [пьес] уже переделаны ею [Мэри], а именно: “Буря”, “Зимняя сказка”, “Сон в летнюю ночь”, “Много шума [из ничего]”, “Два веронца” и “Цимбелин”; начата работа над “Венецианским купцом”. Я переработал “Отелло” и “Макбета” и собираюсь переложить все трагедии. Я думаю, эта книга получит большое распространение среди детей <...> Думаю, ты решишь, что Мэри отлично их переложила» [42, p. 66]. Предчувствие не обмануло

Чарльза: практически сразу «Шекспир, рассказанный детям» стал пользоваться большой популярностью, и через год, в 1808 г., вышло второе издание книги.

В «Предисловии», которое открывает сборник, авторы рассказывают о том, как они работали над текстами шекспировских пьес. По сравнению с произведениями Шекспира тексты, созданные братом и сестрой Лэмами, преследуют иную цель: это не развлечение или назидание посетителей театра, это «введение в изучение Шекспира»¹ [43, р. 5], поскольку Шекспир является одним из столпов англоязычной культуры, и чем раньше ребенок познакомится с его творчеством, тем более естественно тексты Шекспира войдут в его жизнь — и как чтение, доставляющее удовольствие, и как способ научиться «всем добрым и честным мыслям и действиям»² [43, р. 7], и как знание, необходимое для того, чтобы ощущать себя частью общества. Авторы отмечают, что меняется и аудитория, для которой предназначены новосозданные тексты: «юные читатели»³ [43, р. 7], не только мальчики, но и девочки. Отличительной чертой созданных Лэмами текстов является простота и ясность изложения: «легкое чтение для очень маленьких детей»⁴ [43, р. 6].

Авторы отмечают, что они сохраняют связь своих рассказов с исходными текстами: беря в руки «Шекспира, рассказанного детям», маленькие читатели должны «увидеть источник, к которому эти истории возводятся»⁵ [43, р. 5]. Однако переработка тестов Шекспира оказалась нелегкой задачей по нескольким причинам. В первую очередь необходимо было придать материалу иную форму: вместо драматического произведения, состоящего большей частью из реплик персонажей, нужно было создать «связную историю»⁶ [43, р. 5], которая определяется как *regular* [43, р. 5] — одновременно и «обычная», и «отвечающая установленным правилам». Иными словами, написанный текст должен не казаться непривычным и новым по форме, но должен соответствовать требованиям определенного жанра, в случае наших авторов, жанра сказки или рассказа.

Свою работу авторы называли *abridgment* [43, р. 6], то есть «сокращение», «краткое изложение»,

«сокращенный текст». Дефиниции этого слова в толковых английских словарях позволяют уточнить детали работы над пьесами Шекспира. Так, *Oxford English Dictionary* толкует *abridgment* как «процесс создания сокращенной версии или конспекта более пространного текста» [5], что подразумевает сохранение элементов текста, необходимых и достаточных для сохранения первоначального содержания. Дефиниция из *Cambridge Dictionary* делает акцент на «исключении некоторых деталей или менее важной информации» [6]. В словаре Мерриам—Вебстера подчеркивается необходимость «сохранения общего смысла и единства исходного текста» [8]. Согласно *Longman Dictionary*, сокращенная версия текста «сохраняет основную структуру и значение» [44] исходного текста. Именно так, видимо, Чарльз и Мэри Лэмы перерабатывали пьесы Шекспира: ведь в них было «много удивительных событий и поворотов судьбы, которые по причине их бесконечного разнообразия невозможно было поместить в эту книжечку, не считая целого мира веселых и жизнерадостных персонажей, как мужчин, так и женщин»⁷ [43, р. 6–7].

Еще одной проблемой, которую должны были решить авторы «Шекспира, рассказанного детям», были темы пьес, далеко не всегда соответствовавшие жизненному опыту новой читательской аудитории: «Нелегко было рассказывать истории мужчин и женщин в выражениях, знакомых восприятию очень юного ума»⁸ [43, р. 6]. Что касается лексики, то, с одной стороны, необходимо было придерживаться текста Шекспира («его слова используются везде, где только казалось возможным ввести их»⁹ [43, р. 5]), чтобы не осовременивать создаваемые рассказы («мы старались насколько возможно избегать слов, которые попали в наш язык со времени Шекспира»¹⁰ [43, р. 5]), с другой, убрать все слова и грамматические формы, устаревшие к началу XIX в.

Как видим, особенности изменения исходного текста, о которых писали Чарльз и Мэри Лэмы, очень напоминают тот комплекс черт, который в массовом сознании ассоциируется с «ретеллингом»-пересказом, а в научной среде соответствует понятию «адаптация».

⁷ many surprising events and turns of fortune, which for their infinite variety could not be contained in this little book, besides a world of sprightly and cheerful characters, both men and women.

⁸ It was no easy matter to give the histories of men and women in terms familiar to the apprehension of a very young mind.

⁹ his words are used whenever it seemed possible to bring them in.

¹⁰ words introduced into our language since his time have been as far as possible avoided.

¹ an introduction to the study of Shakespeare.

² all sweet and honourable thoughts and actions.

³ young readers.

⁴ easy reading for very young children.

⁵ they come to see the source from which these stories are derived.

⁶ a connected story.

По наблюдениям Линды Хатчен, «адаптация», и как процесс, и как результат, стала характерной особенностью XIX в., в частности, Викторианской эпохи: «Викторианцы имели привычку подвергать адаптации практически все — и практически во всех возможных направлениях; изложения стихов, романов, пьес, опер, картин, песен, танцев и “живых картин” постоянно адаптировались из одной знаковой системы в другую, а затем обратно» [33, p. xi]. Такое безудержное изменение текстов не могло не вызывать беспокойства деятелей культуры, опасавшихся уничтожения культурного наследия. Прошло около полувека после того, как в свет вышла первая «адаптация» — «Шекспир, рассказанный детям», и в 1853 г. Чарльз Диккенс в статье «Посягательства на фей»¹¹ (*Frauds on the Fairies*) писал о «возмущении» [45], которое вызывало у него «вторжение здорового борова огромных размеров в цветочный садик фей» [45]. Больше всего, как кажется, Диккенса возмущало то, о чем в наши дни любители «ретеллинга» говорят как о необходимой части изменения классических текстов, а именно: об изменении точки зрения в тексте:

Представьте себе издание «Робинзона Крузо», заказанное представителями Общества Трезвости, — без всякого рома. Представьте себе издание, заказанное пацифистами, — без всякого пороха, но с ромом. Представьте себе издание, заказанное вегетарианцами, — без козлятины. Представьте себе издание, заказанное жителями штата Кентукки, — с тем, чтобы ввести порку этого проклятого ниггера Пятницы дважды в неделю. Представьте себе издание, заказанное Обществом Защиты Аборигенов, отрицающее каннибализм и заставляющее Робинзона Крузо обниматься с дружелюбными дикарями, когда бы они ни высаживались на его остров. За сотню лет Робинзон Крузо будет выселен редакторами со своего острова, а сам остров поглотит пучина редакторского океана¹² [45].

Перечисление разных точек зрения, с которых, по мнению Диккенса, можно увидеть историю моряка, оказавшегося волею судьбы на необитаемом острове, но не сдавшегося и в конце концов вернувшегося к людям, очень похоже на те советы, которые сегодня начинающий автор адапций-«ретеллингов» может прочесть на сайтах и

в блогах, посвященных переработке классических произведений: искать уникальную точку зрения на содержание пересказываемого произведения и вносить в текст «современные ценности» [18].

Как видим, явление, которое воспринимается как одна из характерных черт современной культуры, называется ли оно «ретеллингом» или «адаптацией», существует как осознанный способ творческой работы с текстом по меньшей мере два столетия. При этом само название этого явления «ретеллинг» — в переводе на русский язык «пересказ» — показывает, что в основе этого явления лежит устное слово, а не письменный текст, и это позволяет говорить о большой древности подобных переработок. Поскольку текст любого жанра может быть посредством «ретеллинга» превращен в текст иного жанра, могут быть внесены изменения в сюжет, систему персонажей, могут смещаться акценты в рамках основной идеи произведения, как кажется, мы имеем дело не с жанром, а с комплексом приемов трансформации текста, с универсалией литературного творчества, до сих пор недостаточно изученной и осмысленной. Эта универсалия продолжает быть актуальной и в усложняющейся культурной ситуации, когда две литературы — «бумажная» и «сетевая», объединенные языком как средством выражения и представлением о жанровой системе как системе форм, но разделенные по принципу носителя, существуют параллельно, взаимодействуют, развиваются, влияют друг на друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коган А.Ф. Экономика книжной торговли: Учебное пособие / Московский гос. университет печати. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. 412 с.
2. Бурцева Е.А. Современные проблемы науки и образования. Сетевое издание. ISSN 2070-7428. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14665&ysclid=lqm87immgb868045811> (дата обращения: 21.08.2023).
3. Костина А.В. Современный язык: «вместилище культуры» или форма социокультурной адаптации? // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 81–98. URL: <http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2017/4/> (дата обращения: 21.08.2023). DOI10.17805/zpu.2017.4.8.
4. Мирзакаримова З.В. «Традиционная» и «сетевая» литература в информационном пространстве // Интернет-пространство как вызов научному сообществу XXI века. 2021. № 1. С. 32–36.
5. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения 26.12.2023).

¹¹ Перевод названия Е.В. Халтрин-Халтуриной.

¹² Imagine a Total abstinence edition of Robinson Crusoe, with the rum left out. Imagine a Peace edition, with the [97/98] gunpowder left out, and the rum left in. Imagine a Vegetarian edition, with the goat's flesh left out. Imagine a Kentucky edition, to introduce a flogging of that 'tarnal old nigger Friday, twice a week. Imagine an Aborigines Protection Society edition, to deny cannibalism and make Robinson embrace the amiable savages whenever they landed. Robinson Crusoe would be "edited" out of his island in a hundred years, and the island would be swallowed up in the editorial ocean.

6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 26.12.2023).
7. Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/> (дата обращения 26.12.2023).
8. Merriam–Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 26.12.2023).
9. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 26.12.2023).
10. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 26.12.2023).
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?ysclid=lqm8ly2e65835834060> (дата обращения 26.12.2023).
12. Читай-Журнал. URL: https://www.chitai-gorod.ru/articles/chto_takoye_retelling-4093?ysclid=lqm8pq8dkb782013903 (дата обращения 26.12.2023).
13. Bookish Musings. URL: <https://metaphorsandmoonlight.com/what-types-of-retellings-do-you-like/> (дата обращения 03.05.2023).
14. Kelly V. Magic in Modern Life – Why We Love Retellings. URL: <https://mybookcave.com/magic-in-modern-life-why-we-love-retellings/> (дата обращения 03.05.2023).
15. What is a retelling? Book series. Recaps&Reviews. URL: <https://www.bookseriesrecaps.com/tag/retellings/> (дата обращения 03.05.2023).
16. Price T. Retellings Keep the Classics Relevant. URL: <https://bookriot.com/retellings-keep-the-classics-relevant/> (дата обращения 03.05.2023).
17. Jo Talks Books: On What Makes a Good Retelling. URL: 27/04/2020iloveheartlandx <https://jjbookblog.wordpress.com/2020/04/27/jo-talks-books-on-what-makes-a-good-retelling/> (дата обращения 03.05.2023).
18. Berve C. Twisting Fairy Tales: Why Retellings Work. URL: <https://www.caitlinberve.com/blog/twisting-fairytales-why-retellings-work> (дата обращения 03.05.2023).
19. Donohue M. Why We'll Never Get Tired of Literary Retellings. Meg Donohue on the Enduring Appeal of Updating Old Stories. URL: <https://lithub.com/why-well-never-get-tired-of-literary-retellings/> (дата обращения 03.05.2023).
20. Defining Retellings. URL: <http://blogs.butler.edu/retellingsoffairytales/definition/> (дата обращения 03.05.2023).
21. The Popularity of Retellings: Why have they become our new literary obsession? URL: <https://otterlybookish.com/2020/03/28/the-popularity-of-retellings-why-have-they-become-our-new-literary-obsession/> (дата обращения 03.05.2023).
22. Story Retelling: How to Write a Retell (with Examples). URL: <https://prowritingaid.com/retelling-story> (дата обращения 03.05.2023).
23. Fairy Tale Retellings 2022. Reading Challenge. URL: <http://www.onceuponabookcase.co.uk/2022/01/ft-retellings-challenge.html> (дата обращения 03.05.2023).
24. Shakespeare Retellings for the Modern Era – 10 Popular Retellings to Add to Your TBR. URL: <https://bookishcoffeeblog.com/shakespeare-retellings-for-the-modern-era-10-popular-retellings-to-add-to-your-tbr/> (дата обращения 03.05.2023).
25. Михайлов А.В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1997. 909 с.
26. Hutcheon L. On the Art of Adaptation // *Daedalus*, Spring, 2004, Vol. 133, No. 2, On Happiness (Spring, 2004), pp. 108–111.
27. Hutcheon L. A Theory of Adaptation. N.Y.; L.: Taylor & Francis Group, 2006, p. 232.
28. Cook J. Television and Literature. Writing for the Medium. Television in transition. eds. Elsaesser, Thomas, Simons, Jan, and Bronk, Lucette. Amsterdam, Amsterdam University Press, 1994, pp. 131–134.
29. Howey A.F. Arthur and Adaptation // *Arthuriana*, WINTER 2015, Vol. 25, No. 4, Special Issue on Honor of Elizabeth Sklar (WINTER 2015), pp. 36–50.
30. Foley H.P. Modern Performance and Adaptation of Greek Tragedy // Transactions of the American Philological Association (1974–2014), 1999, Vol. 129 (1999), pp. 1–12.
31. Jandl S. The Lizzie Bennet Diaries: Adapting Jane Austen in the Internet Age // *AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 2015, Vol. 40, No. 1/2 (2015), pp. 167–196.
32. Johnston S. Historical Picturesque: Adapting “Great Expectations” and “Sense and Sensibility” // *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, March 2004, Vol. 37, No. 1 (March 2004), pp. 167–183.
33. Hutcheon L. A Theory of Adaptation. N.Y.; L.: Taylor & Francis Group, 2006. p. 232.
34. Edwards K.D. Brand Name Literature: Film Adaptation and Seiznick International Pictures’ “Rebecca” (1940) // *Cinema Journal*, Vol. 45, No. 3 (Spring, 2006), pp. 32–58.
35. Kline K.E. “The Accidental Tourist” On Page and On Screen: Interrogating Normative Theories About Film Adaptation // *Literature / Film Quarterly*, 1996, Vol. 24, No. 1 (1996), pp. 70–83.
36. Багдасарян О.Ю. Теоретические подходы к изучению вторичных текстов // Филологический класс. 2014. №1 (35). С. 130–139.
37. Богуславская А.А. Телевизионный спектакль как зеркало общественных перемен и художественных инноваций // Современное педагогическое образование. 2023. № 9. С. 341–345.
38. Шпаковский Ю.Ф., Данилюк М.Д. Видеоигровые сценарии: особенности адаптации литературных произведений // Труды Белорусского

- государственного технологического университета. 2017. Серия 4. № 2. С. 117–122.
39. Ершова Р.А., Мусинцев И.С. Видеоигровая репрезентация художественных образов Франца Кафки // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2022. № 1. С. 206–215.
 40. Лысенко Е.А. «Шекспир, рассказанный для детей» и его английские претексты: опыт сравнительного изучения эмоциональной культуры // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2022. № 1. С. 145–154.
 41. Godwin W. The enquirer. Reflections on education manners and literature. In a series of essays. L.: Robinson, 1797. XII. 481 p.
 42. May J.L. Charles Lamb. London. Geoffrey Bles, 1934, p. 235.
 43. Lamb Charles and Mary. Tales from Shakespeare. London, Wordsworth Editions, 1994, p. 278.
 44. Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 26.12.2023).
 45. Dickens Ch. Frauds on the Fairies (1 October 1853). URL: <https://victorianweb.org/authors/dickens/pva/pva239.html> (дата обращения 23.12.2023).
 7. Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/> (Date of Access: 26.12.2023).
 8. Merriam–Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (Date of Access: 26.12.2023).
 9. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 26.12.2023).
 10. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Date of Access: 26.12.2023).
 11. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. In 4 Vols. RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A.P. Evgenieva. 4th ed., stereotypical. Moscow: Russian language; Polygraph resources Publ., 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?ysclid=lqm8ly2e65835834060> (Date of Access: 26.12.2023). (In Russ.).
 12. Chitay-Zhurnal [Read-Journal]. URL: https://www.chitai-gorod.ru/articles/chto_takoye_retelling-4093?ysclid=lqm8pq8dkb782013903 (Date of Access: 26.12.2023). (In Russ.).
 13. Bookish Musings. URL: <https://metaphorsandmoonlight.com/what-types-of-retellings-do-you-like/> (Date of Access: 03.05.2023).
 14. Kelly, V. Magic in Modern Life – Why We Love Retellings. URL: <https://mybookcave.com/magic-in-modern-life-why-we-love-retellings/> (Date of Access: 03.05.2023).
 15. What is a retelling? Book series. Recaps&Reviews. URL: <https://www.bookseriesrecaps.com/tag/retellings/> (Date of Access: 03.05.2023).
 16. Price, Tirzah. Retellings Keep the Classics Relevant. URL: <https://bookriot.com/retellings-keep-the-classics-relevant/> (Date of Access: 03.05.2023).
 17. Jo Talks Books: On What Makes a Good Retelling. URL: 27/04/2020iloveheartlandx <https://jjbookblog.wordpress.com/2020/04/27/jo-talks-books-on-what-makes-a-good-retelling/> (Date of Access: 03.05.2023).
 18. Berve, Caitlin. Twisting Fairy Tales: Why Retellings Work. URL: <https://www.caitlinberve.com/blog/twisting-fairy-tales-why-retellings-work> (Date of Access: 03.05.2023).
 19. Donohue, Meg. Why We'll Never Get Tired of Literary Retellings. Meg Donohue on the Enduring Appeal of Updating Old Stories. URL: <https://lithub.com/why-well-never-get-tired-of-literary-retellings/> (Date of Access: 03.05.2023).
 20. Defining Retellings. URL: <http://blogs.butler.edu/retellingsoffairytales/definition/> (Date of Access: 03.05.2023).
 21. The Popularity of Retellings: Why have they become our new literary obsession? URL: <https://otterlybookish.com/2020/03/28/the-popularity-of-retellings-why-have-they-become-our-new-literary-obsession/> (Date of Access: 03.05.2023).

REFERENCES

1. Kogan, A.F. *Ekonomika knizhnoy trgovli: Uchebnoye posobiye* [Economics of Book Trade: Textbook]. Moscow: The Ivan Fedorov Moscow State University of Press Publ., 2011. 412 p. (In Russ.)
2. Burtseva, Ye.A. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. Setevoye izdaniye* [Modern Problems of Science and Education. Online Publication] ISSN 2070-7428. 2014, No. 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14665&ysclid=lqm87immgb868045811> (Date of Access: 21.08.2023). (In Russ.)
3. Kostina, A.V. *Sovremennyy yazyk: "vmestilishche kulturny" ili forma sotsiokulturnoy adaptatsii?* [Modern Language: "A Container of Culture" or a Form of Sociocultural Adaptation?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2017, No. 4, pp. 81–98. URL: <http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2017/4/> (Date of Access: 08/21/2023). DOI10.17805/zpu.2017.4.8. (In Russ.)
4. Mirzakarimova, Z.V. *"Traditsionnaya" i "setevaya" literatura v informatsionnom prostranstve* ["Traditional" and "Network" Literature in the Information Space]. *Internet-prostranstvo kak vyzov nauchnomu soobshchestvu XXI veka* [Internet Space as a Challenge to the Scientific Community of the 21st Century]. 2021, No. 1, pp. 32–36. (In Russ.)
5. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/?tl=true> (Date of Access: 26.12.2023).
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Date of Access: 26.12.2023).

22. Story Retelling: How to Write a Retell (with Examples). URL: <https://prowritingaid.com/retelling-story> (Date of Access: 03.05.2023).
23. Fairy Tale Retellings 2022. Reading Challenge. URL: <http://www.onceuponabookcase.co.uk/2022/01/ft-retellings-challenge.html> (Date of Access: 03.05.2023).
24. Shakespeare Retellings for the Modern Era – 10 Popular Retellings to Add to Your TBR. URL: <https://bookishcoffeeblog.com/shakespeare-retellings-for-the-modern-era-10-popular-retellings-to-add-to-your-tbr/> (Date of Access: 03.05.2023).
25. Mikhaylov, A.V. *Yazyki kultury. Uchebnoye posobiye po kulturologii* [Languages of Culture. Textbook on Cultural Studies]. Moscow: Languages of Russian Culture: Koshelev Publ., 1997. 909 p. (In Russ.)
26. Hutcheon, L. On the Art of Adaptation. *Daedalus*, Spring, 2004, Vol. 133, No. 2, On Happiness (Spring, 2004), pp. 108–111.
27. Hutcheon, L. *A Theory of Adaptation*. N.Y.; L.: Taylor & Francis Group, 2006, p. 232.
28. Cook, J. Television and Literature. Writing for the Medium. Television in transition. eds. Elsaesser, Thomas, Simons, Jan, and Bronk, Lucette. Amsterdam, Amsterdam University Press, 1994, pp. 131–134.
29. Howey, A.F. Arthur and Adaptation. *Arthuriana*, WINTER 2015, Vol. 25, No. 4, Special Issue on Honor of Elizabeth Sklar (WINTER 2015), pp. 36–50.
30. Foley, H.P. Modern Performance and Adaptation of Greek Tragedy. Transactions of the American Philological Association (1974–2014), 1999, Vol. 129 (1999), pp. 1–12.
31. Jandl, S. The Lizzie Bennet Diaries: Adapting Jane Austen in the Internet Age. *AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 2015, Vol. 40, No. 1/2 (2015), pp. 167–196.
32. Johnston, S. Historical Picturesque: Adapting “Great Expectations” and “Sense and Sensibility”. *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, March 2004, Vol. 37, No. 1 (March 2004), pp. 167–183.
33. Hutcheon, L. *A Theory of Adaptation*. N.Y.; L.: Taylor & Francis Group, 2006. p. 232.
34. Edwards, K.D. Brand Name Literature: Film Adaptation and Seiznick International Pictures’ “Rebecca” (1940). *Cinema Journal*, Vol. 45, No. 3 (Spring, 2006), pp. 32–58.
35. Kline, K.E. “The Accidental Tourist” On Page and On Screen: Interrogating Normative Theories About Film Adaptation. *Literature Film Quarterly*, 1996, Vol. 24, No. 1 (1996), pp. 70–83.
36. Bagdasaryan, O.Yu. *Teoreticheskiye podkhody k izucheniyu vtorichnykh tekstov* [Theoretical Approaches to the Study of Secondary Texts]. *Filologicheskij klass* [Philological Class]. 2014, No. 1 (35). pp. 130–139. (In Russ.)
37. Boguslavskaya, A.A. *Televizionnyy spektakl kak zerkalo obshchestvennykh peremen i khudozhestvennykh innovatsiy* [Television performance as a mirror of social change and artistic innovation]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education]. 2023, No. 9. pp. 341–345. (In Russ.)
38. Shpakovsky, Yu.F., Danilyuk, M.D. *Video igrovye scenarii: osobennosti adaptatsii literaturnykh proizvedenij* [Video Game Scenarios: Features of Adaptation of Literary Works]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Belarusian State Technological University]. 2017, Series 4, No. 2, pp. 117–122.
39. Yerzhova, R.A., Musintsev, I.S. *Videoigrovaya reprezentatsiya khudozhestvennykh obrazov Frantsa Kafki* [Video Game Representation of Artistic Images of Franz Kafka]. *Uralskij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science]. 2022, No. 1, pp. 206–215. (In Russ.)
40. Lysenko, Ye.A. “*Shekspir, rasskazannyi dlya detey*” i yego angliyskiye preteksty: opyt sravnitel'nogo izucheniya emotsional'noy kultury [“Tales from Shakespeare” and its English Pretexts: Experience of Comparative Study of Emotional Culture]. *Uralskij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science]. 2022, No. 1, pp. 145–154. (In Russ.)
41. Godwin, W. The enquirer. Reflections on education manners and literature. In a series of essays. London: Robinson, 1797. XII. 481 p.
42. May, J.L. Charles Lamb. L.: Geoffrey Bles, 1934, p. 235.
43. Lamb, Charles and Mary. *Tales from Shakespeare*. London: Wordsworth Editions, 1994, p. 278.
44. Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (Date of Access: 26.12.2023).
45. Dickens, Ch. *Frauds on the Fairies* (1 October 1853). URL: <https://victorianweb.org/authors/dickens/pva/pva239.html> (Date of Access: 23.12.2023).

Дата поступления материала в редакцию: 14 января 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 марта 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
 Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on January 14, 2024
 Revised on March 9, 2024
 Accepted on April 15, 2024
 Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030068

Ближний и дальний информационный потенциал «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990/2002

© 2024 г. С. А. Крылов

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
krylov-58@mail.ru

Резюме. Предмет описания — информационный потенциал «Лингвистического энциклопедического словаря». Описываются содержательные текстологические отличия I издания (1990) от II (2002). Под информационным потенциалом книги понимается сумма содержательных отличий возможного (в будущем) переиздания по сравнению с информацией, содержащейся в уже опубликованных изданиях. Описывается логико-смысловая структура информационного потенциала этой книги.

Ключевые слова: лингвистический энциклопедический словарь, индексирование, словарные статьи, библиография лингвистики, история языкознания, лингвонимы, персоналии лингвистов, лингвистическая терминология.

Для цитирования: Крылов С.А. Ближний и дальний информационный потенциал «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990/2002 // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 63–74. DOI: 10.31857/S1605788024030068

The Information Potential of the “Linguistic Encyclopedic Dictionary” 1990–2002

© 2024 Sergey A. Krylov

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher
at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia
krylov-58@mail.ru

Abstract. The subject of the description is the information potential of the Linguistic Encyclopedic Dictionary. The substantial textual differences between the first edition (1990) and the second (2002) are described. The information potential of a book is the sum of the substantial information differences between a possible (future) republication of a book and the information contained in already published editions of this book. The logical and semantic structure of the information potential of this book is described.

Key words: linguistic encyclopedic dictionary, indexing, dictionary entries, bibliography of linguistics, history of linguistics, linguonyms, personalities of linguists, linguistic terminology.

For citation: Krylov, S.A. *Blizhnij i dalnij informacionnyj potencial “Lingvisticheskogo enciklopedicheskogo slovary” 1990–2002* [The Information Potential of the “Linguistic Encyclopedic Dictionary” 1990–2002]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 63–74. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030068

*Светлой памяти создателей ЛЭС – В. Н. Ярцевой
(1906–1999), И. К. Сазоновой (1930–2022)
и В. А. Виноградова (1939–2016)*

* * *

[вместо эпиграфа]

– Вы полагаете, все это будет носиться?

– Я полагаю, что все это следует шить.

Юрий Левитанский

Раздел 0. Введение

Предметом описания является информационный потенциал «Лингвистического энциклопедического словаря» (ЛЭС) как компендиума отечественной и мировой лингвистики. Описаны содержательные текстологические отличия I изд. (1990) от II (2002). Вводится понятие информационного потенциала (ИнПот) книги. Под ИнПот данной книги понимается сумма содержательных (информационных) отличий возможного (в будущем) переиздания книги по сравнению с информацией, содержащейся в уже опубликованных изданиях этой книги. Сделана попытка описать логико-смысловую структуру ИнПот ЛЭС. Введена дихотомия «ближнего» vs «дальнего» ИнПот (см. разд. 3).

Раздел 1. История ЛЭС как двухэтапной работы

ЛЭС, как известно, выдержал¹ 2 издания – 1-е (под ред. В.Н. Ярцевой, 1990) [1] (далее ЛЭС–I) и 2-е (2002) [2] (далее ЛЭС–II).

Главным редактором [2] по-прежнему значилась В.Н. Ярцева (1906–1999), но реальную основную работу по редактированию [2] взяли на себя И.К. Сазонова (1930–2022) и В.А. Виноградов (1939–2016)².

Раздел 2. Отличия ЛЭС–II от ЛЭС–I

Опишем (вкратце) смысловые отличия [2] от [1].

[2] было исправленным и дополненным: исправленным (поскольку оно содержало обновления) и дополненным (поскольку содержало информационные дополнения).

Примечательной композиционной особенностью [2] было то, что все фактические исправления были оформлены как дополнения. Иначе говоря, основной корпус словарных статей не был затронут никакой правкой, то есть воспроизведен стереотипно³.

¹ не считая стереотипного пиратского издания [3] (= БЭСЯ-1998).

² То есть те же научные редакторы, которые были заместителями В.Н. Ярцевой при работе над ЛЭС–I.

³ Указанное обстоятельство принципиально важно потому, что это позволяет сохранить пагинацию не-сдвинутой

Исправления (обновления) состояли в том, что в именном указателе персоналий лингвистов обновлена информация о датах их жизни.

«Дополнения к основному корпусу словаря»⁴ состояли из 4 частей (Д1–Д4).

Д1. Дополнения к основному корпусу словарных статей. В том числе:

Д1а. Статьи о понятиях, отсутствовавших в [1]⁵.

Д1б. Статьи о понятиях, получивших в [2] новую трактовку⁶.

Д2. Авторские дополнения к библиографии статей.

Д3. Исправленная версия Аннотированного именного указателя. Исправления (обновления) заключались в том, что:

Д3а. исправлены замеченные опечатки;

Д3б. в именном указателе персоналий лингвистов обновлена информация о датах их жизни.

Д4. Список замеченных ошибок и опечаток.

Раздел 3. Информационный потенциал ЛЭС («ближний» vs «дальний»)

Введём понятие информационного потенциала (ИнПот) книги.

Под ИнПот книги понимается сумма содержательных отличий возможного (в будущем) переиздания книги по сравнению с информацией, содержащейся в уже опубликованных изданиях этой книги.

Понятие ИнПот книги нуждается в важном уточнении. А именно: введена дихотомия «ближнего» vs «дальнего» ИнПот.

«Ближний» ИнПот содержит только информацию, непосредственно (и почти автоматически) выводимую логически из содержания данной

и тем самым тождественно воспроизвести все 3 предметных указателя (то есть указатели терминов, лингвонимов и персоналий лингвистов) к [1] (адресующиеся именно к этой пагинации!) таким образом, что степень их адекватности при этом не пострадает.

⁴ См. [2, с. 661–708] + «не пагинированная» вклейка, приложенная в конце книги.

⁵ Напр., *Анаграмма* (В.П. Калыгин), *Кашубский язык* (С.С. Скорвид), *Когнитивная лингвистика* (Е.С. Кубрякова), *Компьютерная лингвистика* (И.М. Богуславский), *Люксембургский язык* (Т.В. Клюева), *Остхофа закон* (В.П. Калыгин), *Народная латынь* (М.Г. Лопатина), *Русинский язык* (С.С. Скорвид), *Философия языка* (Ю.С. Степанов) и др.

⁶ Напр., *Глоссематика* (В.А. Виноградов), *Западнославянские языки* (С.С. Скорвид), *Неогумбольдтианство* (О.А. Радченко), *Словацкий язык* (С.С. Скорвид).

книги. Он включает, в сущности, только то, что может войти в адекватный (содержанию книги) справочный аппарат (разумеется, за исключением той информации, которая уже есть в опубликованном справочном аппарате, при условии, что такой аппарат в этой книге есть!⁷).

То есть «ближний ИнПот» — это то, какой «похорошему» к данной книге был бы нужен справочный аппарат (система указателей).

А «дальний» ИнПот (которого вполне может не существовать вовсе!) — это сумма содержательных отличий между предшествующим изданием и потенциальным последующим (то есть будущим) переизданием данной книги тогда, когда это переиздание содержит что-то (т.е. какую-то информацию) кроме (усовершенствованного) справочного аппарата. Иными словами, «дальний» ИнПот — это дополнительный комментарий к данной книге, тесно связанный с ней по тематике, но опирающийся на какую-то информацию о «дальнейшей истории вопроса» (например, на дальнейшие публикации по данной тематике), и потому не выводимый автоматически из содержания этой книги (в отличие от ее «ближнего» ИнПот).

Теперь зададимся основной темой данной статьи — об ИнПот [2] как компендиуме отечественной лингвистики.

Под ИнПот [2] подразумевается сумма содержательных отличий [2] от потенциального (= возможного) переиздания ЛЭС—II, т.е. такого, в которое можно было бы целиком (т.е. с **минимальными** модификациями) включить весь информативный текст [2] (подобно тому, как это было сделано с [1] при подготовке [2]). Попробуем описать логико-смысловую структуру ИнПот [2].

С учетом введенной выше дихотомии «ближнего» vs «дальнего» ИнПот можно считать, что ИнПот [2] распадается на две четко различимых части⁸ — а именно, «ближний» ИнПот [2] vs «дальний» ИнПот [2].

Соответственно, «ближний» ИнПот [2] (т.е. дополненный и тем самым усовершенствованный справочный аппарат) отличает его от самого [2] (поскольку содержит (а) новые указатели и (б) указатели нового типа).

⁷ Последнее уточнение не является информативно избыточным. Так, в [4] и [5] никакого «справочного аппарата» нет вовсе, т.е. объем информации, входящей в «ближний» ИнПот, равен всему «потенциальному» справочному аппарату в целом.

⁸ Благодарю проф. С.И. Гиндина за конструктивную критику дефиниции ИнПот, повлекшую за собой введение дихотомии «ближнего» vs «дальнего» ИнПот.

А «дальний» ИнПот [2] (то есть сумма содержательных добавлений, отличающих «обновленное», «осовремененное», «приближенное к нашему времени, к текущим дням» переиздание ЛЭС от [2]) отличается от самого [2] тем, что он опирается на информацию, выходящую за пределы [2], хотя и связанную с [2] тематически.

Условно назовем сочетание [2] с «ближним» ИнПот [2] термином «ЛЭС—Па», а сочетание ЛЭС—Па с «дальним» ИнПот [2] назовем термином «ЛЭС—П».

В этом случае описание «ближнего» ИнПот [2] сводится к описанию **усовершенствования справочного аппарата** к [2]⁹, превращающих его в ЛЭС—Па.

А описание «дальнего» ИнПот [2] состоит в описании тех логических добавлений к [2], которые призваны оосовременить его содержание так, чтобы приблизить его к «реалиям текущего времени», к «сегодняшним дням», то есть к «**осовремениванию**» («**модернизации**», «**модификации**») ЛЭС—II, превращающим его в ЛЭС—III.

Раздел 4. ЛЭС—Па:

Усовершенствование справочного аппарата к ЛЭС

4.1. Дополнения к указателям ЛЭС—I

4.1.1. Дополнения к терминологическому указателю

4.1.1.1. Инверсионный терминологический указатель

4.1.1.2. Семантический указатель

4.1.1.2.1. Модально-прагматический указатель

4.1.1.2.2. Диктально-онтологический указатель

4.1.1.2.3. Семасиологический указатель

4.1.1.2.4. Ономасиологический указатель

4.1.1.3. Указатель (русских) лексем:

(а) **знаменательных;**

(б) **строевых (служебных и местоименных);**

4.1.1.4. Указатель (русских) глосс как средств перевода;

4.1.1.5. Указатель (русских) грамматических морфем;

4.1.1.6. Указатель звуков, обозначенных символами транскрипции;

4.1.1.7. Указатель букв

(а) **кириллицы;**

(б) **латиницы;**

(в) **прочих систем письма.**

4.1.2. Дополнения к указателю языков

⁹ Который, по существу, почти тождествен справочному аппарату к [1]; разница сводится только к исправлению годов жизни лингвистов, имена которых есть в именном указателе (ушедших из жизни в последние два десятилетия перед выходом в свет [2]).

4.1.2а. Группировки языков мира

Эти дополнения логически распадаются на 2 типа:

(1) плюральные лингвонимы, имеющие генеалогический смысл;

(2) плюральные лингвонимы, такого смысла не имеющие.

Однако отнесение плюральных лингвонимов к одному из этих двух типов может быть дискуссионным, поэтому разумно оставить решение этого вопроса на усмотрение эксперта¹⁰, специально назначенного на эту роль коллективным решением редколлегии ЛЭС—III¹¹.

4.1.2а'. Генеалогические группировки языков мира

Этот указатель должен включать плюральные лингвонимы, имеющие генеалогический смысл¹². То есть имена языковых макросемей, семей, групп, подгрупп и диалектов.

Имеет смысл построить два варианта этого указателя: (I) в прямом алфавитном порядке; (II) в ниспадающем порядке рейтингов по количеству упоминаний в статьях ЛЭС.

4.1.2а''. Географические группировки языков

Этот указатель включает плюральные лингвонимы, не имеющие никакого генеалогического смысла или имеющие сугубо гипотетичный генеалогический смысл¹³. Как правило, такие плюральные лингвонимы имеют весьма отчетливый географический смысл.

Имеет смысл построить два варианта этого указателя: (I) в прямом алфавитном порядке; (II) в ниспадающем порядке рейтингов по количеству упоминаний в статьях ЛЭС.

4.1.3. Дополнения к именному указателю

4.1.3.1а. Авторы теоретических источников ЛЭС

Этот указатель включает имена авторов, набранных непарелью в библиографических ссылках при статьях. В их числе — имена ряда лингвистов, хотя и выдающихся, но не упомянутых в именном указателе к ЛЭС¹⁴ по принципиальным причинам

(так как этот указатель охватывает лишь основной текст, а не библиографию при статьях).

Разумно построить два варианта этого указателя: (I) в прямом алфавитном порядке; (II) в ниспадающем порядке рейтингов по количеству ссылок на работы данного автора в списках литературы при статьях.

4.1.3.1б. Авторы ЛЭС

Это указатель персоналий лингвистов, имена которых набраны курсивом в составе подписей под статьями ЛЭС. Иначе говоря, это список авторов ЛЭС¹⁵. Имеет смысл построить два варианта этого указателя: (I) в прямом алфавитном порядке; (II) в ниспадающем порядке рейтингов по количеству статей ЛЭС¹⁶.

4.1.3.2. Авторы «прецедентных текстов»

В этот указатель входят имена авторов прецедентных текстов, упомянутых в ЛЭС¹⁷.

4.2. Указатели нового типа

Указатели нового жанра (= нового типа) — это такие указатели, которых пока еще в принципе не было в [1] и [2].

4.2.1. Указатель названий систем письма

Этот указатель включает названия систем письма, упомянутых в [1] и [2]¹⁸.

4.2.2. Указатель географических названий регионов мира

Этот указатель включает названия регионов, стран, государств, водоемов, рек и населенных пунктов, упомянутых в [1] и [2].

4.2.2а. Ареалы бытования языков и письменностей мира

Этот указатель включает названия тех регионов, стран и государств, которые упомянуты в ЛЭС в связи с уточнением ареалов бытования языков и письменностей мира.

4.2.2б. Центры развития лингвистической мысли в мире

А.К. Поливанова, Н. А. Еськова, С.И. Гиндин, И.Ш. Козинский, В.В. Богданов, М.А. Журиная, В.М. Андрюшенко, Б.А. Абрамов, В.И. Беликов, Н.Ю. Бокадорова, Н.Д. Светозарова, О.Ф. Кривнова, И.А. Муравьева, Р.С. Гиляревский, В.С. Гринин, Б.А. Старостин, А.Д. Шмелёв, Г.Е. Крейдлин, О.С. Кулагина, И.П. Севбо.

¹⁵ В их числе Н.А. Грязнова, Н.Д. Федосеева, А.М. Антипова и др.

¹⁶ Лидером списка (II) будет, по-видимому, В.А. Виноградов.

¹⁷ Напр., Гомер, Софокл, Шекспир У., Рабле Ф., Пушкин А.С., Грибоедов А.С. и т.п.

¹⁸ В том числе «Деванагари», «Кхароштли», «Кириллица», «Глаголица», «Футарк» и т.п.

¹⁰ Полагаю, что оптимальным таким экспертом на текущий момент времени была бы чл.-корр. РАН А.В. Дыбо.

¹¹ Пока что не существующей.

¹² Ср. «Славянские языки», «Индоевропейские языки» и т.п.

¹³ Напр., плюральные лингвонимы типа «европейские языки», «восточные языки», «кавказские языки», «африканские языки», «индейские языки», «языки Америки», «языки Африки», «языки Австралии», «языки Океании» и т.п.

¹⁴ Например, в их числе — Л.С. Бархударов, А.Б. Долгопольский, А.К. Жолковский, В.П. Калыгин, И.Б. Шатуновский, С.Е. Никитина, М.В. Китайгородская, В.А. Успенский,

Этот указатель включает названия тех стран¹⁹ и городов²⁰, где лингвистика была самой развитой и которые поэтому упомянуты в ЛЭС.

4.2.3. Хронологические указатели

Хронологические указатели упорядочивают данные в диахроническом порядке (от более ранних событий — к более поздним). Все они построены в виде таблиц. Поиск сведений в них ведется по периодам, в т.ч. археологическим (изредка)²¹, астрономическим²² и историко-культурным²³. У хронологических таблиц есть несколько степеней дробности (с точностью до тысячелетия, века, десятилетия, года, месяца и дня).

4.2.3а. История языков и письменностей мира

Эта таблица включает хронологический список важнейших событий из истории языков (или их группировок), упомянутых в [1] и [2].

4.2.3б. История лингвистики в разных странах мира

Эта таблица включает хронологический список важнейших событий из истории языкознания, упомянутых в [1] и [2].

4.2.3в. Важнейшие события в лингвистике

В этой таблице дан (в хронологическом порядке) список важнейших событий, упомянутых в основном тексте статей [1] и [2]²⁴, а также в основном тексте лингвистических статей БСЭ—III, ЭК и БРЭ²⁵. Таким образом, читатель ЛЭС—III сможет проследить эти события в хронологическом порядке, что ценно для понимания и усвоения истории лингвистики.

4.2.3г. Публикация книг и статей по лингвистике

В этой таблице перечислены (в хронологическом порядке) публикации, упомянутые в библиографических частях статей [1] и [2]²⁶, а также в библиографических частях лингвистических статей БСЭ—III, ЭК и БРЭ²⁷.

¹⁹ Напр., Индия, Китай, Греция, Рим, Арабский халифат, Россия, Германия, Франция, Швейцария, СССР, США и т.п.

²⁰ Напр., Александрия, Басра, Куфа, Санкт-Петербург, Москва, Казань, Харьков, Лейпциг, Вена, Женева, Прага, Копенгаген, Париж, Лондон, Нью-Йорк, Энн-Арбор, Гарвард и т.п.

²¹ Ср. «неолит».

²² Номера тысячелетий (и их частей), веков (и их частей), десятилетий (и их частей), годов, месяцев, дней.

²³ Ср.: Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение, Новое время, Новейшее время.

²⁴ (набранном петитом).

²⁵ (набранном петитом).

²⁶ (набранных нонпарелью).

²⁷ (набранных нонпарелью).

Таким образом, читатель ЛЭС—III сможет проследить за публикацией этих книг и статей в хронологическом порядке, что ценно для понимания и усвоения истории публикации лингвистических книг и статей. Это важно потому, что читатель, в свою очередь, сможет проследить за историей лингвистики в хронологическом порядке выхода в свет этих публикаций.

Раздел 5. ЛЭС—III:

«Осовременивание» ЛЭС—II (введение новой информации)

5.0. Исправления и дополнения

5.0.1. Исправления

1.1. Исправление опечаток, имеющих в [1] и [2].

1.2. Обновление информации о годах жизни лингвистов, имена которых включены в именной указатель.

5.0.2. Дополнения

Добавление нескольких словарных статей, отражающих сдвиги в лингвистике последних лет. Они логически состоят из 3 частей:

1. Аккумуляция энциклопедической информации (ЭИ) из ранее (в 1997–2017 гг.) опубликованных энциклопедий²⁸.

1А. Аккумуляция ЭИ из лингвистической части «Энциклопедии Кругосвет» (ЭК) [7] (см. ниже раздел 5.1);

1Б. Аккумуляция ЭИ из лингвистической части «Большой Российской энциклопедии» (БРЭ) (см. ниже раздел 5.2);

2. Конъюнктурная правка с учетом развития мировой лингвистики в 2017–2023 гг. (см. ниже раздел 5.3).

3. Добавление новых жанров словарных статей (которых не было в [1] и [2]) (см. ниже раздел 5.4).

5.1. Аккумуляция-1а:

отношение ЛЭС—III к «Энциклопедии Кругосвет» (ЭК)

1. Добавление словарных статей, отражающих сдвиги в лингвистике за 2002–2004 гг., т.е. со времени издания ЛЭС—II до начала издания БРЭ (годы работы над ЭК)²⁹.

1а. В тех случаях, когда в составе ЭК была опубликована статья, одноименная с ранее опубликованной соответствующей статьей ЛЭС—I или ЛЭС—II, но при этом не повторяющая ее дословно, то статья ЭК аккумулируется в составе «Дополнений 1.а» с обязательным указанием на ее URL-адрес.

²⁸ разумеется, лишь в той мере, в какой это позволяют действующие на сегодняшний день правила соблюдения копирайта!

²⁹ Лингвистический раздел которой редактировали П.Б. Паршин и Анна А. Зализняк.

16. В тех случаях, когда в составе ЭК была опубликована статья, дословно повторяющая соответствующую одноименную статью [1] или [2], то заголовок этой статьи ЭК аккумулируется в составе «Дополнений 2.0.1.б» с обязательным указанием на ее URL-адрес.

1в. В тех случаях, когда какая-то статья отсутствует в составе [1] и [2], но опубликована в составе ЭК, то она аккумулируется в составе «Дополнений 2.0.в» с обязательным указанием на ее URL-адрес.

Эта работа отчасти уже началась в ходе работы над ЭК.

Нижеприведенные примеры убедительно доказывают тот факт, что за годы, прошедшие со времен издания ЛЭС (2002–2004), отечественная лингвистика не стояла на месте, а эволюционировала. И эта эволюция отразилась в словнике ЭК, где значительная часть статей отсутствовала в [1] и [2]. Это касается как общей³⁰, так и частной³¹ лингвистики.

³⁰ Так, например, общей лингвистике посвящены такие статьи ЭК, как «Аккузативная конструкция» (А.Е. Кибрик), «Активная конструкция» (А.Е. Кибрик), «Акцент», «Аллюзия», «Анекдот», «Антропология», «Антропоморфизм» (Л. Иванов), «Валоризация в языке», «Вежливость», «Грамматикализация», «Двуязычие», «Диалог» (А.А. Кибрик), «Жанр», «Жестовая коммуникация», «Звуковая организация текста» (Н.А. Фатеева), «Знак», «Значение», «Идиостиль (Индивидуальный стиль)» (Н.А. Фатеева), «Иконичность» (А.Е. Кибрик), «Императив» (Н.Р. Добрушина), «Интенция» (Л. Иванов), «Интертекстуальность» (Н.А. Фатеева, П.Б. Паршин), «Ирония», «Каламбур», «Клише речевые», «Когнитивная лингвистика» (П.Б. Паршин), «Компьютерная лингвистика», «Контент-анализ», «Контраст», «Криптография», «Лингвистические задачи», «Лингвистической относительности гипотеза», «Логический анализ языка», «Марризм», «Межкультурная коммуникация» (М.Б. Бергельсон), «Ментализм в лингвистике», «Методология лингвистики», «Морфемные средства русского языка» [совмещающая общелингвистический аспект с русистским], «Национальные лингвистические традиции», «Нейро-лингвистическое программирование», «Палиндром», «Пародия», «Перевод», «Плюсквамперфект», «Подтекст» (Н.А. Фатеева), «Полевая лингвистика» (А.Е. Кибрик), «Полисинтетические языки» (А.А. Кибрик), «Поэтический язык» (Н.А. Фатеева), «Презенс», «Просодия языковая», «Психологизм в языкознании», «Речевое воздействие» (П.Б. Паршин), «Семантическое поле», «Семиотические школы и направления», «Слов и вещей школа», «Словесные головоломки», «Социологизм в лингвистике», «Способ действия» (Анна А. Зализняк), «Структурализм», «Сценическая речь» (Т. Шабалина), «Терминология», «Уменьшительность», «Функционализм в лингвистике» (А.А. Кибрик), «Эпиграмма» (Л. Поликовская), «Эпитет», «Эргативная конструкция» (А.Е. Кибрик), «Юмор», «Язык и философия», «Языковая игра», «Языковая картина мира» (Анна А. Зализняк), «Языковая эволюция», «Языкового существования школа».

³¹ Так, например, частной лингвистике посвящены такие статьи ЭК, как «Африканские языки», «Ацтекские языки» (А.А. Кибрик), «Гуарани языки» (А.А. Кибрик), «Гуарани»,

5.2. Аккумуляция—16:

отношение ЛЭС—III к Большой Российской Энциклопедии (БРЭ)

1. Добавление словарных статей, отражающих сдвиги в лингвистике за годы 2004–2017 (с начала до конца издания БРЭ).

1а. Если в БРЭ была опубликована статья, одноименная с ранее опубликованной статьей ЛЭС—I или ЛЭС—II, но при этом не повторяющая ее дословно, то статья БРЭ аккумулируется в составе «Дополнений 2.0.а» с двойной пагинацией³² — «старая» пагинация³³ + «новая» пагинация³⁴.

1б. Если в составе БРЭ была опубликована статья, дословно повторяющая одноименную статью ЛЭС—I или ЛЭС—II, то заголовок этой статьи аккумулируется в «Дополнениях 2.0.б» с обязательным указанием на ту пагинацию, которую эта статья БРЭ имеет в БРЭ³⁵.

1в. В тех случаях, когда какая-то статья отсутствует в составе [1] и [2], но была опубликована в составе БРЭ, то статья БРЭ аккумулируется в составе «Дополнений 2.0.в» с двойной пагинацией³⁶ — «старая» пагинация³⁷ + «новая» пагинация³⁸.

Эта работа отчасти уже началась в ходе работы над статьями БРЭ.

Приведенные примеры доказывают, что за годы, прошедшие со времен издания ЭК, отечественная лингвистика тоже не стояла неподвижно, а эволюционировала. И эта эволюция отразилась

«Дакота язык» (А.А. Кибрик), «Заза», «Иберский язык», «Кентум vs Сатем языки», «Кечуа языки» (А.А. Кибрик), «Киммерийский язык», «Кри языки» (А.А. Кибрик), «Лемносский язык», «Майянские языки» (А.А. Кибрик), «Мьонг язык», «Мэнский язык», «Навахо язык» (А.А. Кибрик), «Нахали язык», «Саамские языки», «Фламандский язык», «Хананейские языки», «Яфетические языки».

³² Опускаем изложение технических проблем создания двойной пагинации (без труда достижимой средствами Word и Acrobat), но упоминание об этой технической стороне имеет принципиальный характер, так как подобные издания осуществляются чрезвычайно редко. Между тем с текстологической точки зрения использование этого приема имеет исключительно важный характер.

³³ тождественная соответствующему тому БРЭ с обязательным указанием выходных данных, в т.ч. № тома БРЭ!

³⁴ отсылающая к страницам ЛЭС—III.

³⁵ разумеется, тоже с обязательным указанием выходных данных, в т.ч. № тома БРЭ!

³⁶ См. выше примечание 7 (о техническом приеме «двойной пагинации»).

³⁷ тождественная соответствующему тому БРЭ с обязательным указанием выходных данных, в т.ч. № тома БРЭ!

³⁸ отсылающая к страницам ЛЭС—III.

в словнике БРЭ, где значительная часть статей отсутствовала в [1], и в [2], и в ЭК.

Это касается как общей³⁹, так и частной⁴⁰ лингвистики.

5.3. Конъюнктурная правка ЛЭС—III с учетом развития мировой лингвистики в 2017–2023 гг.

Так называемая конъюнктурная правка распадается на 2 логических типа: (5.3А) и (5.3Б).

5.3.А. Добавление новых словарных статей

Добавление словарных статей, отражающих сдвиги в лингвистике, произошедшие в годы 2017–2024 (то есть со времени выхода последнего тома БРЭ до наших дней).

Возможно добавить в корпус новые словарные статьи⁴¹. Например, Т.А. Майсак⁴² указывает на

³⁹ Так, общей лингвистике посвящены такие статьи БРЭ, как «Грамматические словари» (С.А. Крылов), «Перевод» (И.С. Алексеева, С.А. Крылов), «Московская семантическая школа» (И.Б. Левонтина), «Просодические средства языка» (Н.Д. Светозарова), «Супraseгментные единицы языка» (Н.Д. Светозарова), «Международная ассоциация лингвистической типологии» (А.Е. Кибрик) и т.п.

⁴⁰ Так, например, частной лингвистике посвящены такие статьи БРЭ, как «Тайваньские (формозские) языки» (И.М. Горбунова), «Крымчакский язык» [отсылочная статья о лингвониме], «Даргинские языки» (Н.Р. Сумбатова, Ю.Б. Коряков), «Кубачинский язык» (Ю.Б. Коряков), «Ижорский язык» (Ф.И. Рожанский) и т.п.

⁴¹ Например, «Значение (в лингвистике)», «Функция (в лингвистике)», «Порядок (в лингвистике)», «Признаки (в лингвистике)», «Признаки дифференциальные (= Дифференциальные признаки)», «Идиома», «Лингвистика», «Логическое ударение (= Ударение логическое)», «Архаизмы (в лингвистике)», «Дистрибуция», «Конструкция (в лингвистике)», «Омонимы», «Сложное слово», «Агглютинативные языки», «Флективные языки», «Аллофон», «Алломорф», «Информация (в лингвистике)», «План содержания», «План выражения», «Вариант фонемы», «Переносное значение», «Код (в лингвистике)», «Вопросительное предложение», «Придаточное предложение», «Система» (в лингвистике), «Структура (в лингвистике)», «Атрибут», «Вспомогательный глагол», «Двуязычие», «Повтор», «Диалог», «Звуковые законы», «Клитики», «Проклитики», «Энклитики», «Берестяные грамоты», «Древненовгородский диалект», «Ностратика», «Ностратическое языкознание» (= «Ностратика»), «Дальнее родство языков», «Дистрибутивно-статистический анализ (в лингвистике)», «Логический анализ естественного языка», «Переводоведение», «Художественный перевод», «Стихотворный перевод», «Лингвострановедение», «Иностранный язык», «Родной язык», «Ложные друзья переводчика», «Герменевтика», «Монолог», «Стихосложение», «Стиховедение», «Толковые словари», «Толкование», «Смысл», «Перифразирование», «Энциклопедические словари», «Лингвистические словари», «Корпусная лингвистика», «Лингвистика Интернета» («Интернет-лингвистика») и т.п.

⁴² в личном письме ко мне, которое он мне любезно разрешил здесь процитировать.

некоторые тематические группы статей, которые могли бы быть добавлены⁴³. Разумеется, все это — лишь субъективные мнения, (1) мое и (2) Т.А. Майсака. Вполне возможно, будут и еще какие-то мнения; но окончательное решение этого вопроса разумно предоставить редколлегии ЛЭС—III (пока что не существующей в принципе); см. ниже «Раздел 6».

5.3.Б. Библиографические дополнения к статьям [1] и [2]

Это серия конъюнктурных библиографических дополнений к [1] и [2]. Они, в свою очередь, состоят из трех логически разных слоев: Б1, Б2 и Б3.

5.3.Б1. Дополнения, сделанные самими авторами статей из основного корпуса ЛЭС—I или авторами дополнений ЛЭС—II (то есть построенных по тем же принципам, как дополнения в составе ЛЭС—II)⁴⁴.

5.3.Б2. Дополнения, сделанные «авторами библиографических дополнений, впервые появляющихся в составе ЛЭС—III». При этом сам состав «авторов библиографических дополнений, впервые появляющихся в составе ЛЭС—III», должен формироваться строго по усмотрению редколлегии ЛЭС—III (пока не существующей, см. ниже разд. 6).

5.3.Б3. Дополнения, сделанные авторами лингвистической части БРЭ. Однако в силу написанного выше в пунктах 5.2.1а и 5.2.1в, эти дополнения будут заведомо включены в состав дополнений «5.2.1а» и «5.2.1в», поэтому выносить их в какую-то особую зону не имеет смысла.

5.4. Новые жанры статей ЛЭС—III

Целесообразно создать несколько серий новых для ЛЭС жанров статей (то есть таких жанров, которых не было в [1] и [2]).

5.4.А. Серия научных биографий

⁴³ В частности, по его мнению, к таким группам относятся:

«грамматические категории, в т.ч. активно обсуждаемые в последние годы/десятилетия (так что по ним есть книги/конференции и т.п.), типа “Эвиденциальность”, “Логофор”, “Квотатив”, “Дифференцированное маркирование объекта”, “Индексикальный сдвиг”, “Эгофоричность”, “Грамматикализация”, “Деграмматикализация” и мн. др.

— частные теоретические направления (фреймворки), типа “Минимализм”, “Лексико-функциональная грамматика”, “Теория оптимальности”, “Теория грамматикализации”, “Грамматика конструкций”, “Дистрибутивная морфология” и мн. др.»

⁴⁴ Разумеется, это возможно сделать только в том случае, если автор статьи сейчас (а) жив и (б) работоспособен. Так как со времени издания ЛЭС—I прошло уже 34 года, то эту оговорку приходится сделать.

Имеются в виду научные биографии тех лиц, которые писали труды по лингвистике⁴⁵, или (шире) мыслителей, существенно повлиявших на лингвистику в разных странах мира⁴⁶.

За основу можно взять корпус таких статей из [4]–[10]⁴⁷, где они уже есть⁴⁸.

Таким образом, в эту серию войдут:

(а) биографии тех 490 ученых, которые есть в БСЭ–III;

(б) биографии тех ученых, которые получили известность в 1969–2003 гг. в ходе работы над ЭК и потому удостоены статей в ЭК⁴⁹;

(в) биографии тех ученых, которые получили известность в 2004–2017 гг. в ходе работы над БРЭ и потому удостоились статей в БРЭ⁵⁰;

⁴⁵ Ср.: «В. фон Гумбольдт», «Ф. де Соссюр», «Л.В. Щерба», «В.В. Виноградов» и т.п.

⁴⁶ Ср.: «Аристотель [как исследователь языка]», «Платон [как исследователь языка]», «Лейбниц [как исследователь языка]», «Ломоносов [как исследователь языка]» и т.п.

⁴⁷ В принципе можно при необходимости опираться также на сведения из БСЭ–I и БСЭ–II (разумеется, в той мере, в какой информация оттуда еще надежна).

⁴⁸ (разумеется, лишь в той мере, в которой это позволяют действующие на сегодняшний день правила соблюдения копирайта!)

⁴⁹ А именно, «Барт Р.», «Бернштейн С.Б.», «Болинджер Д.» (П.Б. Паршин), «Вебстер Н.», «Вежбицкая А.», «Волошинов В.Н.», «Вустер Дж. Э.», «Дандоло Г.», «Джоунз Д.», «Джонз У.», «Дионисий Фракийский», «Звегинцев В.А.», «Зиндер Л.Р.», «Исаченко А.В.», «Казобон И.», «Кацнельсон С.Д.», «Клемперер В.», «Крейги У.А.», «Кук А.С.», «Лакофф Дж.» (П.Б. Паршин), «Лили У.», «Лотман Ю.М.», «Мак-Люэн М.», «Марри Дж. А.Г.», «Маслов Ю.С.», «Надеждин Н. И.», «Невский Н.А.», «Ньюэлл А.» (П.Б. Паршин), «Онъонз Ч.Т.», «Осгуд Ч.» (П.Б. Паршин), «Осен И.А.», «Остин Дж.Л.» (П.Б. Паршин), «Остхоф Г.», «Питмен И.», «Поппе Н.Н.», «Присиан», «Саймон Г.А.» (П.Б. Паршин), «Сводеш М.» (П.Б. Паршин), «Сёрль Дж.Р.» (П.Б. Паршин), «Скит У.У.», «Теньер Л.», «Трир Й.», «Фанк И.К.», «Фёрс Дж.Р.», «Филлмор Ч.» (П.Б. Паршин), «Холодович А.А.», «Хэррис З.З.» (П.Б. Паршин), «Чейф У.» (А.А. Кибрик), «Эко У.» (Б. Веснина).

⁵⁰ Напр.: «Апресян Ю.Д.» (И.М. Богуславский), «Арутюнова Н.Д.», «Бирнбаум Г.» (И.А. Васюкова), «Бондарко А.В.», «Булыгина Т.В.» (С.А. Крылов), «Вахек Й.», «Вёглин Ч.Ф.», «Вестерман Д.» (В.А. Виноградов), «Гак В.Г.» (Л.А. Мурадова), «Гельб И.Дж.» (С.А. Крылов), «Греймас А.Ж.» (Г. К. Косиков), «Дюмезиль Ж.Э.Р.», «Живов В.М.» (И.А. Васюкова), «Зализняк А.А.», «Иванов Вяч.Вс.» (В.З. Демьянков), «Караулов Ю.Н.» (Н.В. Уфимцева), «Кибрик А.Е.» (К.И. Казенин), «Косерю Э.», «Костомаров В.Г.», «Краэ Х.», «Куайн У. ван О.» (А.Ф. Грязнов), «Лангакер Р.У.» (И.А. Васюкова), «Лант Х.Г.» (И.А. Васюкова), «Леонтьев А.А.» (Н.В. Уфимцева), «Мельчук И.А.» (Ю.Д. Апресян), «Мукаржовский Я.», «Недялков В.П.», «Николаева Т.М.» (И.А. Сedaкова), «Падучева Е.В.», «Панов М.В.» (Л.Л. Касаткин), «Райл Г.» (В.П. Филатов), «Розенталь Д.Э.», «Смирницкая О.А.» (И.Г. Матюшина),

(г) биографии персон, получивших известность в 2017–2024 гг., но не удостоенных отдельных статей ни в БСЭ–III, ни в ЭК⁵¹, ни в БРЭ⁵².

Частичную подсказку в ответе на вопрос о том, какие имена разумно включить в этот список, дают ВБЭС–1998⁵³ [9] и Юдакин 2000⁵⁴ [10].

Учитывая важность русского языка как предмета изучения в отечественной лингвистике и вследствие этого приоритет русистики среди других дисциплин, над которыми работают отечественные лингвисты, было бы разумно при решении данного вопроса учитывать опыт включения биографий в энциклопедии по русистике: ЭРЯ–I⁵⁵ [4] и ЭРЯ–III⁵⁶ [5].

Список таких имен, разумеется, должен составляться по решению редколлегии ЛЭС–III (которая пока что еще не создана).

5.4.Б. Серия «Лингвистика в разных странах»

«Станг К. Ш.», «Старостин С.А.» (Г.С. Старостин), «Степанов Ю.С.», «Стросон П.Ф.» (Л.Б. Макеева), «Толстой Н.И.» «Топоров В.Н.», «Трубачёв О.Н.» «Унбегаун Б.», «Успенский Б.А.» «Фант Г.», «Халле М.», «Хоккетт Ч.Ф.», «Чедвик Дж.», «Шведова Н.Ю.», «Шмелёв Д.Н.», «Яхонтов С.Е.» и мн. др.

⁵¹ Вопрос о датировке статей ЭК не допускает однозначного решения, так как данное издание существует лишь в таком формате, где эксплицитная датировка не дана вообще. Поэтому сравнение словника ЭК со словниками [9] и [10], строго говоря, возможно лишь безотносительно к хронологическому аспекту выхода в свет ЭК.

⁵² К числу имен таких ученых принадлежат, в частности, имена ученых прошлого, труды которых, однако, оказались востребованы в наши дни. Например, «Глисон Г.» «Трейгер Дж.», «Катц Дж.Дж.», «Беккер К.Ф.», «Блок Б.», «Земская Е.А.», «Шаумян С.К.», «Постал П.М.», «Пасси П.», «Фодор Дж.А.», «Ципф Г.К.», «Марти А.», «Годель Р.», «Золотова Г.А.», «Венкер Г.», «Рис Й.» «Кошмидер Э.», «Меновщиков Г.А.», «Слюсарева Н.А.», «Грайс Х.П.», «Некрасов Н.П.», «Уэллс Р.».

⁵³ См., напр., такие имена, как «Ахманова О.С.», «Лайонз Дж.», «Халлидей М.», «Ревзин И.И.», «Фрей А.», «Ворт Д.С.», «Дешериев Ю.Д.», «Лэм(б) С.», «Поспелов Н.С.», «Вреде Ф.», «Давыдов И.И.», «Лотман Ю.М.», «Жинкин Н.И.», «Преображенский А.Г.», «Мельничук А.С.», «Сандфельд-Йенсен К.».

⁵⁴ См., напр., такие имена, как «Ульман Ст.», «Лансло К.», «Матусевич М.И.», «Граммон М.», «Панфилов В.З.», «Найда Ю.А.», «Кубрякова Е.С.», «Чейф У.Л.», «Лабов У.», «Данеш Фр.К.», «Ульдалль Х.И.», «Хауген Э.», «Мак-Коли Дж.», «Хаймз Д.», «Гийом Г.», «Тоггебу К.», «Девото Дж.», «Бах Э.», «Греймас А.Ж.».

⁵⁵ См., напр., «Гвоздев А.Н.», «Шанский Н.М.», «Шапиро А.Б.», «Абакумов С.И.», «Костомаров В.Г.».

⁵⁶ См., напр., «Высотский С.С.», «Герасимов Дмитрий», «Григорьев В.П.», «Евгеньева А.П.», «Кипарский В.Ю.», «Кошутит Р.».

Эта серия включает ряд статей-обзоров об истории и современном состоянии лингвистики в наиболее высокоразвитых (в отношении уровня нашей науки) странах мира. За основу (и за образец) разумно взять опыт, накопленный авторами статей раздела «Языкознание» в БСЭ—III, где выделено примерно две дюжины таких стран⁵⁷.

5.4.В. Серия «Языковая ситуация в разных регионах»

Эта серия включает статьи о языковой ситуации в традиционных «странах мира»⁵⁸, на «континентах»⁵⁹, в «регионах»⁶⁰, а также в разных «отдельных странах», в том числе не только в «государствах» мира⁶¹, но и в разных «субъектах федерации»⁶², «штатах»⁶³ и «провинциях» («автономных районах») ⁶⁴.

За образец можно взять справочник [11], но только **на порядок (!)** сократив объемы словарных статей. Вполне целесообразно⁶⁵ при описании современной языковой ситуации аккумулировать информацию из БРЭ и Википедии⁶⁶.

⁵⁷ См. «Болгария», «Югославия», «СССР», «РСФСР» «Эстония», «Италия», «Испания», «Франция», «Германия», «ГДР», «ФРГ», «Польша», «Чехословакия», «Венгрия», «Дания», «Швеция», «Великобритания», «США», «Индия», «Египет», «Иран», «Турция», «Китай», «Корея», «Япония».

⁵⁸ См., напр., «Европа», «Азия», «Северная Америка», «Южная Америка».

⁵⁹ См., напр., «Евразия», «Африка», «Америка», «Австралия».

⁶⁰ Ср.: «Кавказ», «Ближний Восток», «Арабский мир», «Междуречье» (= «Месопотамия»), «Дальний Восток», «Китай», «Тайвань», «Сибирь», «Камчатка», «Урал», «Иберийский полуостров», «Балканы», «Крым», «Алтай», «Поволжье», «Прибалтика», «Закавказье», «Средняя Азия», «Сахара», «бассейн Амазонки», «Индийский полуостров», «Скандинавия», «Корея», «Юго-Восточная Азия», «Южная Азия», «Северная Африка», «Южная Африка», «Центральная Африка», «Центральная Америка», «Латинская Америка», «Океания».

⁶¹ Ср.: «СССР», «США», «КНР», «Арабский халифат», «Российская империя», «Британская империя», «Великобритания», «Французская империя», «Франция», «Испанская империя», «Римская империя», «Османская империя», «Россия (Российская федерация)», «Индия», «Австро-Венгрия», «Германия», «Пруссия» и т.п.

⁶² Ср. «Дагестан», «Татарстан», «Башкортостан», «Карелия», «Еврейская автономная область», «Якутия (Саха)», «Ханты-мансийская автономная область» и т.п.

⁶³ Напр., в США («Техас», «Огайо» и др.), Канаде («Квебек» и др.), Индии («Гоа» и др.).

⁶⁴ Напр., в Китае («Внутренняя Монголия», «Синьцзян-Уйгурский», «Тибет» и т.п.).

⁶⁵ Разумеется, лишь в той мере, в какой это позволяют действующие на сегодняшний день правила соблюдения копирайта!

⁶⁶ Разумеется, трезво сознавая разную степень достоверности и надежности соответствующих данных.

5.4.Г. Серия статей «Письменные языки»

Эта серия включает краткие справки о преимущественно живых письменных языках мира по образцу справочника Р.С. Гиляревского и В.С. Гривнина [12] (сопровожаемого таблицей специфических графем и специфических частых слов языков мира)⁶⁷, с опорой на материалы этой книги⁶⁸.

5.4.Д. Серия статей «Системы практической транскрипции языков»

Эта серия содержит сведения о практических транскрипционных соответствиях между русским языком и важнейшими языками мира по образцу книги Р.С. Гиляревского и Б.А. Старостина [13], с опорой⁶⁹ на ее материалы⁷⁰.

5.4.Е. Серия статей «Живые языки мира (и их группировки) (в аспекте их социолингвистической характеристики)»

Эта серия включает сведения о важнейших социолингвистических характеристиках живых языков мира (и их группировок).

Эти статьи (располагаемые в прямом алфавитном порядке заглавных лингвонимов), построены по принципу анкет, включающих характеристики типа (1) и (2):

(1) Для современных живых языков (и их группировок):

(1а) число носителей данного языка (/и/ или группировки языков) согласно последней современной переписи населения;

(1б) ареал распространения данного языка (/и/ или группировки языков) в свете данных о текущих миграционных процессах в жизни носителей данного языка (/и/ или группировки языков).

(1в) графический статус данного языка (бесписьменный vs письменный) на текущий момент;

(1г) социальный (в том числе юридический/официальный) статус данного языка (государственный/региональный (провинциальный) / язык местной администрации (образовательный

⁶⁷ Разумеется, лишь в той мере, в какой это позволяют действующие на сегодняшний день правила соблюдения копирайта!

⁶⁸ Разумеется, в той степени, в которой они не устарели.

⁶⁹ Разумеется, лишь в той мере, в какой это позволяют действующие на сегодняшний день правила соблюдения копирайта!

⁷⁰ Разумеется, в той степени, в которой они не устарели!

(школы, детского сада, театра...), судебный и т.п.) на текущий момент.

(2) Для всех языков мира (и их группировок) (включая мертвые языки и их группировки): библиографическую справку о публикациях по данному языку (// или языковой группировке) за последние четыре десятилетия, посылно аккумулирующую сведения из БРЭ и Википедии⁷¹.

Может встать вопрос: для чего вообще нужен этот пункт «5.4.Е»? Ведь такие данные уже есть в ЛЭС—I. Ответ таков: за 34 года, которые прошли со времени выхода ЛЭС—I, все эти данные могли весьма сильно измениться и тем самым устареть. Подчеркну, что пункт «5.4.Е» касается не только живых языков (см. пункт (1) и его подпункты от «а» до «г»), но и всех языков вообще (в том числе и мертвых) (см. пункт (2)).

Встает и другой вопрос. Почему предлагается именно такой способ (требующий создания нового жанра статей типа «5.4.Е»), а не просто написание новых статей вместо старых? Ведь подача «внутрилингвистических» («структурных») характеристик языков тоже может нуждаться в серьезной правке! Ответ на этот вопрос см. в разделе 6.

5.5. Создание приложений к ЛЭС—III

Разумно создать несколько приложений к ЛЭС—III (вспомним, что таких приложений в [1] и [2] не было в принципе).

Приложение 1. Карты языков мира

Как известно, при создании ЛЭС—I и его переиздании (ЛЭС—II) не было картографического приложения. Целесообразно было бы такое приложение создать и включить его в состав ЛЭС—III⁷². Современные средства компьютерной картографии вполне позволяют справиться с этой задачей⁷³.

Приложение 2. Лингвистические ресурсы Интернета

Приложение 2 включает ссылки на главные лингвистические ресурсы Интернета (как по общей лингвистике, так и по языкам мира).

⁷¹ разумеется, в той степени, в которой они не устарели.

⁷² Ценной идеей создания картографического приложения я обязан одному из составителей и редакторов указателя лингвонимов к ЛЭС—I — Владимиру Ивановичу Беликову, за что приношу ему особую благодарность.

⁷³ При создании этого приложения целесообразно было бы пригласить Ю.Б. Корякова, учитывая его большой опыт в делах подобного рода.

Раздел 6. Заключение

Выше (в разделе 5) уже обсуждался вопрос о том, какие именно статьи разумно добавить в ЛЭС—III. Но какие именно статьи (в каком количестве и каких объемов, измеряемых в т.н. печатных листах), в принципе должен решать не какой-то произвольно взятый один лингвист (или два лингвиста), а лишь такой лингвист, который бы мог взять на себя ответственность предлагать решения от имени некоторого коллегиального органа (коллективного лингвистического разума), т.е. от имени (пока не существующего) коллектива (пока не существующей) редколлегии ЛЭС—III. Однако почти никого из членов коллектива редколлегий [1] и [2] уже не осталось в живых⁷⁴. Поэтому разумно ходатайствовать перед Секцией языка и литературы ОИФН РАН о том, чтобы и главреда ЛЭС—III, и редколлегию (а именно, редколлегию ЛЭС—III) решением ОИФН РАН назначить.

Вспомним, что разделы 4 (про ЛЭС—IIa) и 5 (про ЛЭС—III) настоящей статьи посвящены тому, как разумно **дополнить** содержание ЛЭС—II, а не тому, как его **исправлять**. «Исправлять» целесообразно лишь заведомые опечатки и даты жизни лингвистов, имена которых вошли в именной указатель к ЛЭС—II.

В моей концепции ЛЭС—III (см. посвященный ей выше раздел 5) основным принципом является **преемственность** по отношению к достижениям отечественного языкознания XX в., а не нигилистическое игнорирование этих достижений.

К тому же я сильно сомневаюсь в том, что в настоящую эпоху (после сорокалетнего периода деградации отечественной науки в целом) для создания принципиально нового ЛЭС попросту есть «научные кадры». Увы, я хорошо сознаю, что таких «кадров» сейчас нет, и еще много десятилетий их не будет!

Поэтому во избежание недоразумений еще раз напомним, что раздел 5 настоящей статьи посвящен не тому, как можно было бы (в принципе) **заменить** ЛЭС—II на некоторый «улучшенный» ЛЭС, а решению на порядок более простой задачи: как можно было бы (в принципе) **дополнить** ЛЭС—II до ЛЭС—III, опираясь только на **наличествующие**

⁷⁴ В настоящее время (на момент июня 2024) единственный оставшийся в живых член редколлегии руководства ЛЭС — ответственный секретарь редакции, ветеран издательства «СЭ» Тамара Андреевна Ганиева (р. 1935).

в нашей стране **на сегодняшний день** научные кадры⁷⁵.

Что касается раздела 4 (про ЛЭС–IIa), посвященного усовершенствованию справочного аппарата ЛЭС, то такую работу вполне можно начинать уже непосредственно сейчас, не дожидаясь ни официального решения ОИФН РАН о назначении главреда ЛЭС–III⁷⁶, ни официального решения вопроса о копирайте⁷⁷.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БРЭ = [8]

«БРЭ» = издательство «Большая Российская энциклопедия»

БСЭ–III = [6]

БЭСЯ–1998 = [3]

ВБЭС–1998 = [9]

ИнПот = информационный потенциал

ЛЭС–I = [1]

ЛЭС–II = [2]

«СЭ» = (издательство) «Советская энциклопедия»

ЭИ = энциклопедическая информация

ЭК = [7]

ЭРЯ–I = [4]

ЭРЯ–III = [5]

«СЭ» – (издательство) «Советская энциклопедия»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева В.Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Ярцева В.Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 707 с.
3. Большой энциклопедический словарь Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

⁷⁵ Разумеется, только если в рамках ныне действующего законодательства будет юридически законно решен вопрос о соблюдении копирайта.

⁷⁶ так как ЛЭС–II разумно рассматривать как один из важнейших памятников научного дискурса «позднесоветской» эпохи, на изучение метаязыка которого не требуется запрашивать разрешения у кого бы то ни было.

⁷⁷ так как на ту часть справочного аппарата, которая в данном памятнике отсутствует, копирайт заведомо не распространяется.

4. Филин Ф.П. (гл. ред.) Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 431 с.
5. Молдован А.М. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020. 904 с.
6. Прохоров А.М. (гл. ред.). Большая Советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 1–30. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
7. Энциклопедия «Кругосвет» // Б. и., [1997–2017]. URL: <https://www.krugosvet.ru>
8. Кравец С.Л. (гл. ред.). Большая Российская энциклопедия. Том «Россия» + Т. 1–30. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017.
9. Бородулин В.И. и др. (ред.) Всемирный биографический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 925 с.
10. Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира. Энциклопедия. М.: Советский писатель, 2000. 915 с.
11. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика: Справочник. [Э.Н. Мишуров и др.]. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 418 с.
12. Гиляревский Р.С., Гривнин В.С. Определитель языков мира по письменностям. 3-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т народов Азии – ВГБИЛ, 1965. 375 с.
13. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

REFERENCES

1. Yartseva, V.N. (chief editor). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1990. 685 p. (In Russ.)
2. Yartseva, V.N. (chief editor). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar. 2-e izd., dop.* [Linguistic Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., add.]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 2002. 707 p. (In Russ.)
3. *Bolshoj enciklopedicheskij slovar Yazykoznanie* [The Great Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 1998. 685 p. (In Russ.)
4. Filin, F.P. (chief editor). *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1979. 431 p. (In Russ.)
5. Moldovan, A.M. (chief editor). *Russkij yazyk. Enciklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow: AST-PRESS Publ., 2020. 904 p. (In Russ.)
6. Prokhorov, A.M. (chief editor). *Bolshaya Sovetskaya enciklopediya. Izd. 3-e. T. 1–30* [The Great Soviet Encyclopedia. Ed. 3^d. Vol. 1–30]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1969–1978. (In Russ.)

7. *Enciklopediya "Krugosvet" [1997–2017]* [Encyclopedia "Krugosvet" [1997–2017]]. URL: <https://www.krugosvet.ru>
8. Kravets S.L. (chief editor). *Bolshaya Rossijskaya enciklopediya. Tom "Rossiya" + T. 1–30* [The Great Russian Encyclopedia. Volume "Russia" + Vol. 1–30]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 2004–2017. (In Russ.)
9. Borodulin, V.I. et al. (ed.) *Vsemirnyj biograficheskij enciklopedicheskij slovar* [The World Biographical Encyclopedia]. Moscow: The Great Russian Encyclopedia Publ., 1998. 925 p. (In Russ.)
10. Yudakin, A.P. *Vedushchie yazykovedy mira. Enciklopediya* [The Leading Linguists of the World. Encyclopedia]. Moscow: Soviet writer Publ., 2000. 915 p. (In Russ.)
11. *Zarubezhnyj Vostok. Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika: Spravochnik*. [E.N. Mishkurov i dr.] [The Foreign East. Language Situation and Language Policy: Handbook. [E.N. Mishkurov et al.]. Moscow: Nauka, GRVL Publ., 1986. 418 p. (In Russ.)
12. Gilyarevsky, R.S., Grivnin, V.S. *Opredelitel yazykov mira po pis'mennostyam. 3-e izd., ispr. i dop.* [The Determinant of the Languages of the World by Writing. 3rd ed., corrected and augmented]. Moscow: Institute of the Peoples of Asia – VGBIL Publ., 1965. 375 p. (In Russ.)
13. Gilyarevsky, R.S., Starostin, B.A. *Inostrannye imena i nazvaniya v russkom tekste. 3-e izd., ispr. i dop.* [Foreign Names and Titles in the Russian Text. 3rd ed., corrected and augmented]. Moscow: Higher School Publ., 1985. 303 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 7 февраля 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 марта 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
 Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on February 7, 2024
 Revised on March 27, 2024
 Accepted on April 15, 2024
 Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030078

Мир вне шахмат в «Шахматах любви» (1475): фразеологические профили участников поэмы-игры

© 2024 г. В. Б. Семёнов

Кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
vadsemionov@mail.ru

Резюме. В статье представлено пилотное исследование валенсийской игровой поэмы «Шахматы любви» (1475), строфы которой и схемы ходов реальной шахматной партии запараллелены, так как три поэта сочиняли ее текст одновременно с тем, как двое из них (Франси де Кастельви-и-Вик и Нарсис Виньоля) играли, а третий (священник Фенольяр) судил указанную партию и определял для нее новые правила игры. Главным новшеством партии оказалось то, что ферзь, эмблематически представивший могущество воспеваемой Изабеллы Кастильской, впервые ходил так, как ходит ныне. Предметом исследования является лексико-фразеологический строй памятника, а основным методом — статистический метод, с помощью которого определяется частотность выражения смысловых мотивов в речи каждого из трех соавторов, их тяготение к тем или иным художественным темам. В результате оказывается возможным описать прячущийся за языковыми формулами жизненный опыт и социокультурный кругозор поэтов. Категориальному исследованию речевого материала предпослана характеристика деятельности валенсийского поэтического кружка в последней четверти XV в.

Ключевые слова: Шахматы любви, речевой профиль, аллегория, октава, кансу, поэтическое состязание, Валенсийская сатирическая школа, Кастельви, Виньолес, священник Фенольяр.

Для цитирования: Семёнов В.Б. Мир вне шахмат в «Шахматах любви» (1475): фразеологические профили участников поэмы-игры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 75–84. DOI: 10.31857/S1605788024030078

The World Outside of Chess in “Scachs d’Amor” (1475): Phraseological Profiles of the Participants in the Game Poem

© 2024 Vadim B. Semenov

Cand. Sci. (Philol.),
Associated professor at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University,
1 bld. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
vadsemionov@mail.ru

Abstract. The article presents a pilot study of the Valencian game poem “Scachs d’Amor” (1475), the stanzas of which and the patterns of moves of a real chess game are parallel, since three poets composed its text at the same time as two of them (Franci de Castellvi and Narcís Vinyoles) played, and the third (priest Fenollar) judged the indicated game and determined new rules for the game. The main innovation of the game was that the queen, emblematically representing the power of the glorified Isabella of Castile, moved for the first time as it moves now. The subject of the study is the lexical and phraseological structure of the monument, and the main method is the statistical method, which is used to determine the frequency of expression of semantic motives in the speech of each of the three co-authors, their attraction to certain artistic themes. As

a result, it becomes possible to describe the life experience and sociocultural interests of poets hidden behind linguistic formulas. The categorical study of speech material is preceded by a description of the activities of the Valencian poetic circle in the last quarter of the 15th century.

Key words: Scachs d'Amor, speech profile, allegory, octave, canso, poetry competition, Valencian satirical school, Castellvi, Vinyoles, Mossen Fenollar.

For citation: Semenov, V.B. *Mir vne shahmat v "Shahmatah lyubvi" (1475): frazeologicheskie profili uchastnikov poemy-igry* [The World Outside of Chess in "Scachs d'Amor" (1475): Phraseological Profiles of the Participants in the Game Poem]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 75–84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030078

В октябре 1469 г. восемнадцатилетняя принцесса Изабелла, будущая королева Изабелла I Кастильская, презрев договор с действующим королем Энрике IV, вступила в брак с семнадцатилетним принцем Фердинандом, будущим королем Фердинандом II Арагонским, а в декабре 1474 г. после смерти Энрике, пользуясь условиями достигнутого годом ранее соглашения с ним, объявила себя королевой Кастилии и Леона — и вскоре это неожиданным образом изменило историю шахмат. Вторым триггером скорых изменений явилась конъюнкция Меркурия, Марса и Венеры, оказавшихся, согласно астрологической терминологии, «в одном доме» в июне 1475 г., и ее имели возможность наблюдать ученые мужи Валенсии.

В истории города, принадлежавшего тогда королевству Арагон и являвшегося его культурной столицей, это время называют «Золотым веком Валенсии». Среди горожан процветает тяга к науке и искусствам, на рубеже нового столетия будет открыт местный университет, совсем скоро местные банкиры окажутся основными инвесторами путешествия Колумба. И здесь 25 марта 1474 г. напечатана книга *"Les Obres o Trobes"* — «Труды и тропы» (в поздних переизданиях именуемая *"Les Trobes en Lahors de la Verge Maria"* — «Тропы в хвалу Деве Марии»), которую будут считать первой печатной книгой Испании [1, р. 94]. Эта книга, сохранившая сорок стихотворений на валенсийском языке, четыре на кастильском и одно на «тосканском» (так местные поэты называли итальянский язык), явилась результатом проведенного 11 февраля того же года в честь Богородицы очного поэтического состязания, которое придумал вице-король Королевства Валенсия Луис Деспуйг, а практически организовал секретарь состязания, священник и поэт Бернат Фенольяр, близко знакомый со всеми сколько-нибудь заметными городскими стихотворцами из аристократов и среднего сословия.

С этого дня различные формы художественного взаимодействия стали регулярны для большей

части тех, кто участвовал в состязании. Взаимодействие носило игровой характер и проявлялось в том, что несколько поэтов включались в создание единого текста, представляя разные стороны спора, но соблюдая общую строфическую форму, подобно тому, как это было в жанре *тенсу* у провансальских трубадуров. И иногда удачные результаты таких игр облекались в форму напечатанных книг. Так, в частности, случилось с *"Lo procés de les olives"* («Судилищем оливок»), опубликованном в 1497 г. Игру-спор о том, могут и должны ли старики любить юных девушек, начали Бернат Фенольяр и нотариус Жоан Морено, которые в виде последовательно сменяющихся реплик первого и ответов второго обязаны были придерживаться строфы с рифмовкой ABBACDDC и в ее первой половине использовать рифмы только на *-ura* и *-ar*, а во второй завершать строки последовательными словами *olives* 'оливки', *pinjol* 'косточка', *caragol* 'улитка' и *genives* 'десны' (последнее слово метонимически обозначало зубы; все четыре слова желательно было использовать в разных значениях). За длинным поэтическим текстом с такими сложными правилами формы последовало длинное стихотворение от Жауме Гасуля, а затем и не менее объемные опусы включившихся в игру Нарсиса Виньоля и Бальтасара Портеля. Кроме последнего (здесь представлено единственное известное его сочинение), все остальные были активными участниками валенсийского поэтического кружка (и поэтами, внесшими вклад в создание *"Les Obres o Trobes"*).

Этот кружок вслед за литературоведом-испанистом XIX в. Мануэлем Мила-и-Фонтанальсом местная критика по сей день именует «валенсийской сатирической школой», хотя такое определение терминологически неточно: во-первых, творчество городских поэтов этого периода не было сатирическим по направленности, но часто, в силу игрового характера, бывало ироническим по тону и бурлескным по жанровой форме (его скорее следовало бы обозначить «пародийным»);

во-вторых, этот кружок не мог быть школой — за отсутствием четко установленных для его членов общих правил и по причине различных жанровых и тематических тяготений тех, кого к данной «школе» приписывают.

И вообще, единого кружка не было, были две группы поэтов, часто встречавшихся друг с другом, но разделенных социально: поэты-аристократы встречались в доме Беренгера Меркадера и обменивались стихами, сложенными в основном на темы придворной жизни (все так или иначе были близки к Замку Валенсии, становившемуся резиденцией монарха Арагона, когда он прибывал в город) и отражающими тяготение этих стихотворцев к латинскому и кастильскому языкам; поэты из среднего сословия встречались друг с другом в доме Берната Фенольера, в поэзии, с одной стороны, они тяготели к рассуждениям по поводу реальных жизненных сценок и типичных людских характеров (поэтому об их творчестве порой говорят как о «реалистическом») и к игровому следованию изощренным формам той поэзии трубадуров, которая досталась в наследство книжникам Каталонии и Валенсии. Фенольер же был посетителем литературных встреч у Меркадера, в силу своего священнического сана он был связующим звеном между этими двумя группами. Вот почему иногда в коллективных играх участвовали представители и той, и другой. Фенольера можно по праву назвать организатором и вдохновителем литературной жизни Валенсии в последней четверти XV в. и начале XVI в.

Едва ли не самым интересным литературно-игровым действием этого периода оказалось создание в 1475 г., вскоре после упомянутой конъюнкции планет, истинного шедевра филигранной версификации [2, р. 187] — аллегорической поэмы “*Scachs d'Amor*” («Шахматы любви»). Ее авторами были аристократ Франси де Кастельви-и-Вик, зажиточный горожанин Нарсис Виньоля и все тот же священник Фенольер. Первейшей особенностью опубликованной поэмы оказалось то, что ее «сюжет» формально представлял описание полной шахматной партии, от начала и до мата, но, с одной стороны, ход шахматной партии преподносился в виде аллегории наземного сражения воспламененного любовью Марса с Венерой, чтобы покорить ее (очевидно, идея устроить сражение планет-божеств на шахматной доске была определена тем обстоятельством, что астрологическое понятие «дома» игроки связали с понятием шахматным: «домами» тогда назывались шахматные клетки), а с другой — сами особенности течения этой конкретной шахматной

партии были связаны с задачей аллегорического возвеличивания Изабеллы как новой королевы Кастилии. То есть поэма являла собой редчайший тип *двойной аллегории*. И поскольку игра троих валенсийцев заключалась одновременно и в создании поэмы, и в разыгрывании партии, текст опубликованного в том же году сочинения представлял собой и литературно-графический симбиоз: со стихотворными строфами, в которых каждый игрок рассказывал о своем ходе, были запараллелены нарисованные схемы с ходами.

Поэма состоит из 64 — по числу клеток на доске — больших строф в виде девятистиший, ритмико-синтаксическое членение которых показывает, что каждая составлена из следующих в ретроградном порядке: *катрена*, *терцета* и *куплета*. С учетом общей для всех рифмовки каждая строфа имеет вид ABAB|BAB|CC. Такая структура напоминает композиции строф трубадуров: сохранилось несколько песен в виде семистиший с рифмовкой ABABVAB и одна песня «последнего трубадура» Гираута Рикьера — ротруанж “*Si chans me pogues valensa...*” (1265), рифмовка строф которой точно соответствует рифмовке строф в «Шахматах Любви». Также, если бы не пятый стих девятистишия, можно было бы вспомнить о форме тосканской *октавы*, тем более что Нарсис Виньоля и был тем поклонником «тосканского» языка, который сочинил на нем тот единственный образец, что годом ранее вошел в “*Les Obres* o Trobes”.

Стихи памятника — одиннадцатисложники (возможно, еще одна аллюзия на тосканскую поэзию), которые разделены регулярной цезурой, занимающей место строго после четвертого слога (чтобы представить точно ритмику этой поэмы, нужно вспомнить звучание пушкинской строки «Иначе стих | то в яме, то на кочке...» из «Домика в Коломне», описывающей как раз неприятное для слуха отсутствие «цезуры на второй стопе», т.е. после четвертого слога). Последнее, что осталось заметить относительно строф, — это то, что они были *цепными* по причине обязательного соответствия финальным рифмам каждой начальной пары рифм следующей строфы: ABABVABCC-CDCDDCDEE-EFEFFFEFGG... и т.д.

Вся композиция поэмы выглядела так: сперва следовали три вводных строфы (двух соперников, Кастельви и Виньолеса, и их арбитра, которым оказался Фенольер), затем основная часть из подобных триад строф (в ней участники рассказывали о своих ходах, а арбитр объяснял вводимые им правила матча), наконец, последней строфой победителя Кастельви объявлял оппоненту мат.

Начиная с четвертой строфы (т.е. первой строфы основной части) каждое девятистишие предварялось ремаркой с его кратким содержанием.

Нельзя не признать, что сумма этих обязательных к учету правил крайне усложняла ремесленную задачу версификаторов, даже в сравнении со строфическими экспериментами изошренных в поэтических сложностях трубадуров. Но не менее сложной оказалась и техническая сторона разыгрываемой шахматной партии. Здесь нужно заметить, что средневековые достаточно творчески относились к правилам этой игры. Однако изменения, которые произошли в этой конкретной партии, оказались качественным изменением всей игры, придавшим ей очень близкий к современному вид [3, р. 100].

Фенольяр по ходу матча сообщил игрокам несколько необычных правил: так, нельзя было получить нового ферзя, доведя пешку до конца поля, нельзя было ферзям атаковать друг друга и т.д. Главным было вот какое новшество: прежний ферзь (валенсийцы называли его Королевой или Дамой) ходил только на одну клетку по диагонали, т.е. фактически оказывался самой слабой фигурой на доске, не считая пешек; а в этой игре участники, по-видимому, решили сделать ферзя самой сильной фигурой.

Уже в первой строфе вступительной триады Кастельви пишет о *“joch de scachs, ab nou exemple”* — «шахматной игре на новый лад» (стих 3), а также уточняет, что в игре будет присутствовать *“Reyna ’b gran potencia”* — «великой мощи Королева» (стих 5). Эта новообретенная ферзем великая мощь заключалась в том, что эта фигура теперь могла двигаться как по диагонали, так и по горизонтали / вертикали, притом на сколько угодно свободных клеток вперед, не перескакивая через фигуры. Практически так ходит современный ферзь — и *“Scachs d’Amor”* оказалась поэмой, которая впервые зафиксировала это революционное изменение. А сама мысль о подобном изменении, вероятно, была навеяна трем участникам, бывшим преданными подданными принца Фердинанда как наследника короны Арагона, теми смелыми действиями, которыми успела ко времени написания поэмы отличиться его двадцатитрехлетняя жена Изабелла Католическая.

Не следует полагать, что партия была первична, а стихи оказались лишь комментарием к ней. Сегодня критика признает формальное совершенство поэмы, а историки шахмат отмечают, что можно было бы в этой партии сыграть эффектнее и мат поставить не на 21-м ходу, а раньше. Однако, во-первых, поставленный мат очень красив

и редок (в эндшпиле ферзь поставил мат, заняв именно то место, на котором находился ферзь оппонента в дебюте: «Мат Дамой в доме другой Дамы», как сообщала ремарка перед финальной строфой), во-вторых, партия тоже не была вторична по отношению к поэтическому тексту, но ход аллегорической битвы фигур Марса и Венеры и ход партии нужно было как-то увязывать, отсюда и некоторая «пробуксовка» с объявлением мата. Наш взгляд на взаимосвязь данного поэтического матча с шахматным матчем можно было бы выразить так: *риторическая насыщенность поэтического языка не позволяет речи участников игрового действия развиваться с той скоростью, которая требуется от мысли шахматиста во время партии*. И это кажется не недостатком поэмы, а напротив — достоинством.

Нашей задачей явится описание этого языка (неоднородного по причине тройственного авторства памятника) со стороны фразеологии, с тем чтобы представить *языковые профили* участников поэтической игры, т.е. их тематико-стилистические тяготения, сказавшиеся на словоупотреблении и идиоматике. Отчасти подобную задачу пытались решить в своих работах Джемма Боада-и-Перес и Шавьер Серрано Аспа. Так, анализируя метафорический строй памятника, они определили ряд важных сквозных тем, образовавших семантические поля, среди которых: Битва, Любовь, моральные Советы (по поводу Битвы, Любви и Поведения), Природа (в виде Погоды, Животных, Растений и Элементов), далее Королевская власть, Общественное устройство и проч. (см. их таблицы [4, р. 35–36]). Наш интерес шире — не только к метафорам, но вообще к тропам, а также сравнениям, эпитетам и лексико-синтаксическим конструктам в виде предложений. Потому что при единстве темы поэмы, при единстве знаний шахматной игры различались социальные роли участников, следовательно, картина мира и жизненный опыт каждого из них. Перед тем как увидеть, как это все прослеживается в языке, обратимся к основным фактам биографии каждого поэта-участника.

Франси, или Франсеск, де Кастельви-и-Вик (? , Валенсия — 1506, Валенсия) был бароном, род которого жил в Валенсии, владея землями во-круг селения Бенимуслем к югу от города. Отец его был дворянином, а вот мать была *conversa* ‘новообращенная’, т.е. из еврейской семьи [5, р. 374]. Последнее обстоятельство, впрочем, не мешало его карьере. Еще с 1464 г. он был стольничим при принце Фердинанде, а год спустя после *“Scachs d’Amor”* был повышен до дворецкого Замка

Валенсии. В последние годы XV в. занимал должность городского советника. Сохранилось малое число его поэтических сочинений, и среди них, кроме «Шахмат любви», два стихотворения для состязания 1474 г. — одно на валенсийском, другое на кастильском языке (вероятно, поэт-придворный осознавал, что теперь на службе не только у правителя Арагона, но и у королевы Кастилии). Валенсийское стихотворение, славившее Борогодицу, отличалось изысканной звуковой игрой, особенно заметной в четных строках; те были построены на дважды повторяющихся на концах строк каждой из них рядах диссонансных рифм: во второй *rama-rem-rama-roma*, в четвертой — *mana-mena-mina-mona*, а в шестой — *ara-era-ura/ira-ora*. Этот интерес к техническим сложностям версификации объясняет участие Франси де Кастельви в создании «Шахмат любви».

Нарсис Виньолес (между 1442 и 1447, Валенсия — 1517, Валенсия), также шахматист и плодовитый поэт, был выходцем из среднего сословия, активно пробивавшем себе дорогу в высшие сферы. К моменту создания “Scachs d’Amor” он уже побывал на посту администратора городского Рыбного рынка и с 1468 г. исполнял обязанности бухгалтера Женералитета (городского правительства). Его второй женой после смерти первой стала племянница Луиса де Сантанхеля, Брианда. Луис де Сантанхель был богатейшим финансистом города, его род был еврейским и подвергался преследованиям со стороны испанской инквизиции. Луису де Сантанхелю удалось стать королевским казначеем и впоследствии любимым советником Фердинанда II. Именно он убедил Изабеллу и Фердинанда в целесообразности колумбовой экспедиции, которую впоследствии щедро профинансировал из собственных средств. Верная служба Католическим монархам Испании была вознаграждена документом от короля, согласно которому инквизиция не могла более досаждать как ему лично, так и его детям и внукам. К сожалению, действие документа не распространялось на племянницу, которая, как и дядя, но в отличие от других представителей большого рода, была новообращенной. Виньолесу, по-видимому, приходилось прилагать массу усилий, чтобы службой на благо монарха оградить супругу от инквизиции. Судя по всему, служил он отлично, потому что в течение последней четверти века сам король дважды назначал его на должность городского Верховного судьи по гражданским делам, а потом и Верховного судьи по делам уголовным. К рубежу веков Виньолес был таким же членом городского совета, как и дворянин Кастельви.

В литературе Нарсис Виньолес был плодовит. Он регулярно участвовал в коллективных поэтических действиях местного кружка, и сохранилось несколько десятков принадлежащих его перу стихотворений. Их отличает достаточно живой язык, тяготение к морализаторству и — ритмам итальянской поэзии (вообще, любовь к Италии была семейной: в Неаполе поселился брат поэта, нотариус [6, р. 480]). Увлечение итальянскими авторами отразилось и в том, что в 1510 г. он перевел известный трактат Джакомо Филиппо Форести “*Supplementum Chronicarum Orbis, ab initio mundi ad annum 1482*” («Прибавление ко всемирной хронике от сотворения мира до 1482 г.») — с латыни, но не на валенсийский, а на кастильский. Еще несколькими годами ранее он успел публично заявить, что родной валенсийский язык относится «к тем варварским и диким <наречиям>, кои существуют у нас в Испании», а кастильский, напротив, является «благозвучной и элегантнейшей латынью» [7, р. 22].

Бернат Фенольяр (1438, Пенагила — 1516, Валенсия) принадлежал к известной, хоть и не аристократической, семье: его отец был нотариусом и главой администрации небольшого городка [8, р. 63]. Там прошло детство поэта. Потом он оказался в Валенсии и служил священником в местном кафедральном соборе, был бенефицием, организатором нескольких благотворительных обществ, руководителем хора певчих, позднее — секретарем короля Фердинанда, а с 1510 г. и профессором математики в недавно открытом Университете Валенсии. Активный организатор и участник разных поэтических конкурсов, он имел авторитет в культурном сообществе пишущих на валенсийском и каталанском языках. Так, долгое время считали, что ему принадлежат 173 языковых правила, составивших первую часть справочника “*Regles d’esquivar vocables o mots grossers o pagesívols*” («Правила уклонения от грубых или крестьянских слов»), созданного в конце XV в. барселонским архивариусом Пере Микелем Карбонелем [9, р. 41–42]. Сохранилось несколько десятков его стихотворных сочинений, среди которых выделяются как упомянутые выше совместные труды, так и “*Història de la passió de N.S. Jesu Christi en cobles*” («История крестовых мук Спасителя нашего Иисуса Христа в строках») 1493 г.

Итак, в создании «Шахмат любви» участвовали дворянин, предприимчивый бухгалтер из среднего сословия и священник. Высказываясь на избранную ими тему, одетую в одежды многослойной аллегории, они должны были привлекать

для ее раскрытия свой лексический и фразеологический словарь, отражающий индивидуальную картину мира, собственный угол зрения на него. Отчасти картина мира каждого из двух игроков, Кастельви и Виньолеса, приоткрывается на первой странице рукописи, где присутствуют два столбца. Собираясь сражаться под сюжетными масками Марса и Венеры и руководить войсками, которыми явятся шахматные фигуры, игроки должны были придумать для этих фигур символическое значение. Фигурами у каждого были: Король, Королева (именуемая *Reyna* или *Dama*), «епископы» (слоны), «рыцари» (кони), «башни» (ладьи) и пешки. Марс, который затевал битву во имя Любви, выбрал, в соответствии с указанным рядом фигур, следующие значения: Разум, Воля, Мысли, Хвалы, Желания и Услуги. Сказался выбор просвещенного дворянина. Венера (Виньолес), которая собиралась защищать Славу, выбрала: Честь, Красота, Томные взгляды, Презрение, Сдержанность, Любезности [10, р. 272]. А в этом выборе, как видим, нет ничего классового, кроме взгляда валенсийца, устанавливающего рамки допустимого поведения женщины в приличном обществе. Единственное, что не пришлось выбирать игрокам, — цвета фигур: Кастельви-Марс играл красными, Виньолес-Венера — зелеными (таковы были цвета, до поры остававшиеся в наследство от персидского предка шахмат — игры *шатрандж*).

Теперь наконец обратимся к тем лексико-фразеологическим средствам, которые в “*Scachs d’Amor*” применили игроки и арбитр. Мы сочли удобным изначально выделить больше тематических позиций для достижения точности сопоставлений словарей участников, чем те упомянутые выше, которые использовали Боада-и-Перес и Серрано Аспа.

Король и его жизнь. 1) Кастельви. 1. Стих 412: *prenga d’ell la vida per pontagie* ‘взять его жизнь в качестве налога’. 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 128–129: *los Reys <...> sens fer pus desmesura* ‘Короли <...> не творя беззаконье’. 2. Ст. 154–155: *Perque los Reys, ab poder invensible, mes de raho no puguan mans estendre* ‘Чтобы короли не могли распространить непобедимую силу своих рук сверх разумного’. 3. Ст. 158–162: *mostrant al mon que ’n punir o rependre deuen merçe masclar ab l’irascible, y no fer tant quant basten a comprendre; car, si son grans ab ales de potencia, majors seran, usant de gran clemencia* ‘показывая миру, что наказание и исправление должны умерять их гнев добротой и не достигать допустимого предела их силы, потому что, если они велики своими крыльями могущества, более

<великими> они будут, используя милосердие’. 4. Ст. 237–239: *si contr’aquell se feya ’lgun empastre, o si’l perill de l’enemich l’asesta, avisau lo, que no’l fra ballesta* ‘Если против него готовится какой-нибудь заговор или неприятель направит на него свое оружие, предупреди его, чтобы в него не попали из арбалета’. 5. Ст. 241: *real sobrevesta* ‘королевская мантия’. 6. Ст. 242–243: *Lo nom de Rey als enemichs aterra: dels seus los bons deffen, y’ls mals desterra* ‘имя Короля наводит ужас на вражеский лагерь; он защищает верноподданных и карает злодеев’. 7. Ст. 377: *Acte’s servil, no de reals petjades* ‘рабский поступок, не достойный королевской чести’. 8. Ст. 425: *sos vassalls haura tan mal defesos* ‘его вассалы плохо его защищали’. 9. Ст. 431–432: *Al Rey y als seus deu tostemps la fortuna, en mal y be, a tots esser comuna* ‘Короля и всех его подданных всегда должна объединять общая судьба, несчастливая она или счастливая’. 10. Ст. 455: *dara son cors per paga* ‘отдаст свое тело в качестве трофея’ (о ситуации гибели Короля в реальном сражении). 11. Ст. 480: *lo pom, lo ceptre la cadira* ‘меч, скипетр и трон’.

Высшее общество (придворные, рыцари) и его быт и обычаи. 1) Кастельви. 1. Ст. 82–83: *desigiosa de plaure, en quant pogues a la Dama eleta* ‘стремясь угодить, насколько это возможно, избранной Даме’. 2. Ст. 144: *dolç so de la Llahor composta* ‘сладкий звук сочиненной Хвалы’. 3. Ст. 220: *d’un Cortesa que desdenyar intempte* ‘с Придворной, которую пытается презирать’. 4. Ст. 355: *no restar desfavorits* ‘не остаться в опале’. 5. Ст. 358: *de la lum d’amor son canalobres* ‘они канделябры с любовным светом’. 6. Ст. 359–360: *Qui vol cuytar, avolatat, la cassa, o res no pren, o cau, o s’enbarassa* ‘кто нетерпелив на охоте, или будет без добычи, или упадет, или застрянет’. 7. Ст. 409: *gracios patge* ‘прекрасный паж’. 2) Виньолес. 1. Ст. 18: *armats, guarnits de mil parençaryas* ‘вооруженные и разодетые напоказ’. 2. Ст. 124: *Defensio d’onor* ‘защита чести’. 3. Ст. 393: *lo Cortes Estil* ‘придворный стиль’. 4. Ст. 395–396: *En joch estret, la cortesia cessa la gravitat y pompa, en la pressa* ‘При неудачных обстоятельствах куртуазность поспешно теряет солидность и величие’. 5. Ст. 447–448: *Bellea gran, seny[i]nt se de tal cinta, que puga star segura’n la reguarde* ‘Великая Красавица, опоясавшись таким поясом, защитит свою репутацию’ (в начале XV в. Конрад Кайзер фон Айхштетт, автор книги “*Bellifortis*”, «Военные укрепления», впервые упомянул в ней о «поясах верности», которым пользовались дамы во Флоренции, и Виньоль, не обязательно читавший этот латинский трактат о военных орудиях, мог знать факты из интересующей его тосканской жизни). 3) Фенольяр. 1. Ст. 323–324: *Lo capella no*

deu voler la pompa, ni •l cavaller res que honor corrompa 'Священник должен избегать всякой помпы, и то же Рыцарь должен делать со всем, что идет против его чести'. 2. Ст. 350: *Los cavallers per la honor s'aturen* 'рыцарей сдерживает честь'.

Ученость, образованность. 1) Кастельви. 1. Ст. 7: *dolça eloqüència* 'сладкая элоквенция'. 2. Ст. 85: *lengua molt perfeta* 'изысканный язык'. 3. Ст. 140: *Dolç Parlar* 'сладкая речь'. 4. Ст. 437: *dexant lo test y fundant se 'n la glosa* 'оставить текст и опереться на глоссы'. 5. Ст. 547: *episticle* 'послание'. 6. Ст. 576: *e qui l'enten, enten l'Apocalipsi* 'и кто это понимает, тот понимает Апокалипсис'. 2) Виньолес. 1. Ст. 13: *vista delitosa* 'восхитительное созерцание'. 3) Фенольяр. —

Среднее сословие: ремесленники, лекари и проч. 1) Кастельви. 1. Ст. 356: *los mestres y manobres* 'мастера и подмастерья'. 2. Ст. 518–519: *destilla liquor* 'источает бальзам'. 2) Виньолес. 1. Ст. 313: *y del suc dolç fa hun suau colliri* 'и из такого сладкого зелья он делает мягкую мазь'. 2. Ст. 476: *de virtuts esmaltar se* 'глазировать себя добродетелями'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 510–511: *que •l dyament en For pus fi s'encasta, y en hun encast relluu ab gran claricia* 'чтобы бриллиант был оправлен в лучшее золото и в такой оправе сиял большей чистотой'.

Низшие слои. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 351: *mas los vilans per força s'aseguren* 'но вилланов остановит только сила'. 2. Ст. 507: *de baixa sanch y de vilana pasta* 'из людей низкой крови и вилланов'.

Внеклассовая жизнь: знакомые всем сословиям ситуации. 1) Кастельви. 1. Ст. 197–198: *ab que naveguen los marines que 'n esta mar se neguen* 'по которым ориентируются мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение в таких морях'. 2. Ст. 329: *anar a l'orça* 'плывущая против ветра' (о лодке или судне). 2) Виньолес. 1. Ст. 415: *la bossa flacha* 'тощий кошелек'. 2. Ст. 420: *per fer castell de sa xica barracha* 'сделать замок из своей лачуги'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 183–184: *mas, per camins segurs de sobreventa, vagen tostemps on lladres may asalten* 'но всегда будут готовы к неожиданностям на дорогах, где не бывает нападений грабителей'.

Обобщения и отвлеченные понятия. 1) Кастельви. 1. Ст. 386: *De tot se deu aydar lo qui vol cloure* 'Кто жаждет обладать, должен использовать все'. 2. Ст. 413: *Humilitat aleuja, purga y placa* 'Смирение облегчает, очищает и успокаивает'. 2) Виньолес. 1. Ст. 206–207: *Discrecio cortesament ordena quant lo voler follament desordena* 'Благоразумие учтиво распутывает то, что глупо запутывает желание'. 2. Ст. 233–234: *seguex desastre al qui*

be sab d'aquell trobar lo rastre 'катастрофа никогда не следует за тем, кто ее предчувствует'. 3. Ст. 253: *Vergonya •s l'or on Bellea s'encasta* 'Стыд — это золото, на котором восседает Красота'. 4. Ст. 288: *Be sab que fa lo qui sa casa crema* 'Узнает, что сделал, тот, кто поджигает свой дом'. 5. Ст. 315: *tant val mes, quant mes nos costa cara* 'вещи тем ценнее, чем дороже они нам обходятся'. 6. Ст. 368–369: *Qui sa lo dit se lliga, puix mal no te, sanament lo deslliga* 'Кто здоровый палец завязал, не будучи больным, здоровым его и развяжет'. 7. Ст. 422: *Qui pren, cove que 'n lo tornar ell pense* 'Кто взял, тот думай о возврате'. 8. Ст. 530–531: *Honor viu tant quant Voluntat comporta; de bens y mals sols ella es la porta* 'Честь проживет столько, сколько позволит Воля, та — единственная дверь к добру и злу'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 269–270: *Tots som eguals, en mort y en naxença: per ço equal deu esser la temença* 'Мы все равны и в смерти, и в рождение, и так же должны быть равны наши страхи'. 2. Ст. 404–405: *La dignitat a l'anima 's unida, e la honor viu molt mes que la vida* 'Достоинство с душой едино — и честь продлится дольше жизни'. 3. Ст. 566–567: *Vergonya y por virtut son en la dama; en l'om empaixs, contraris a gran fama* 'Стыд и страх — добродетели дамы, внутри у мужа они противны доброй славе'.

Природа: общие понятия. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. — 3) Фенольяр. 1. Ст. 21: *Temps, partit per nits y dies* 'Время, поделенное на ночи и дни'.

Природа: небесные явления и первоэлементы. 1) Кастельви. 1. Ст. 575: *En lluna sta lo punt d'aquest eclipsi* 'Луна находится в точке этого затмения'. 2) Виньолес. 1. Ст. 125–126: *Tostemps lo foch crema per sa natura, mas l'aygua •l fa dançar a sa mesura* 'Огонь по своей природе всегда обжигает: но вода заставляет вас держать себя в определенных рамках'. 3) Фенольяр. —

Природа: погода. 1) Кастельви. 1. Ст. 387: *tronar, lampar y ploure* 'гром, молния и дождь'. 2) Виньолес. 1. Ст. 98–99: *Per que quant plou, qui •s cobre de la fulla, cren't ser exut, dos vegades se mulla* 'кто прячется под дерево от дождя, чтобы остаться сухим, тот вдвойне промокает'. 2. Ст. 418: *l'apetit, qu'es sech y vol la pluja* 'аппетит, который пересох и жаждет дождя'. 3) Фенольяр. —

Природа: флора. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 308: *refragant com lo lli* 'благоухающая, как лилия'. 3) Фенольяр. —

Природа: фауна. 1) Кастельви. 1. Ст. 301: *en lo vert prat morir vol com lo signe* 'на зеленом поле умереть лебедем' (аллюзия на цвет фигур Виньоля). 2. Ст. 304: *el Cavall es fet anyell benigne* 'Конь превратился в кроткого ягненка'. 2) Виньолес.

1. Ст. 69: *mirant se 'ntorn, com fa lo camp la grua* 'оглядываясь, словно журавль, осматривающий поле'. 2. Ст. 260–261: *Be sta la por a l'oçell qu'es en vela, puix que •l defen de caere dins la tela* 'Страх хорошо служит летящей птице, так как спасает ее от попадания в силки'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 267–268: *que •l gran leo vengut de la mustela vem cascun jorn, si be vist real toga* 'что льва, даже одетого в королевскую мантию, побеждает ласка'. 2. Ст. 378: *a moltons jugar Reys a toçades* 'Короли как бараны, сцепившиеся рогами'.

Еда. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 145–146: *Amarch convit cubert de dolça crosta, es lo Leguot* 'Горьким блюдом, покрытым сладкой корочкой, является Лесть'. 3) Фенольяр. —

Любовь как таковая. 1) Кастельви. 1. Ст. 222: *de qui la te en foch d'amor ja cuyta* 'того, кто пылал огнем любви'. 2. Ст. 521–522: *Amor es un que per los hulls s'enllaça, mas, si s'estreny, la par[t] u •l tot man[a] ça* 'Любовь проникает в глаза, но если дальше — всему телу пропасть'. 2) Виньолес. 1. Ст. 95: *passio l'inflama* 'воспламенен страстью'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 104: *Car la Voluntat tal foch d'amor abrassa* 'ибо таков огонь любви, сжигающий Волю'. 2. Ст. 106: *senyora es que tots los senys arrasa* 'дама — это та, от которой все чувства в смятении'.

Любовь как битва. 1) Кастельви. — 2) Виньолес. 1. Ст. 44: *gest humil per sa defensa* 'скромный жест защиты'. 2. Ст. 45: *lo cor feri d'amorosa scomesa* 'была ранена в сердце любовным порывом'. 3. Ст. 281: *guarda u deffen* 'охраняя и защищая'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 50–52: *car pensa 'namorada, havent elet, liberta ni sospesa restar no deu, mes del tot subjugada* 'замыслы влюбленного, единожды возникшие, должны не держать в нерешительности, а полностью подчинять'. 2. Ст. 107: *sens lo grat, voler may se conquista* 'несмотря на чувство, ты никогда не покоришь <любовь>'.

Игра как битва. 1) Кастельви. 1. Ст. 333: *qui forçat lo vol guanyar, no •l guanya* 'кто силится победить, не победит'. 2) Виньолес. 1. Ст. 38: *vert bandera de speranza* 'зеленый флаг Надежды' (аллюзия на цвет его фигур). 2. Ст. 70: *mata •l Peo* 'она убивает Пехотинца' (пешку). 3. Ст. 341–342: *Quant l'anemich fengex que s'abandona, fugiu tambe, que l'art ab l'art se dona* 'Когда враг имитирует бегство, бегите тоже, ибо искусность искусностью одолевается'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 101: *son castell o conquistada casa* 'свой замок или завоеванный дом' (о своем лагере фигур и занятой чужой клетке). 2. Ст. 316: *раста* 'перемирие' (подразумевается ничья).

Битва как таковая. 1) Кастельви. 1. Ст. 9: *pugnant per la victoria* 'сражаются до победного конца'.

2. Ст. 28: *Lo camp partit y tota la gent presta* 'выбрано место для военного стана, и все мужи выстроены'. 3. Ст. 29: *lo gran guerrier, ab la 'nsenya vermella* 'великий воитель со своим красным штандартом' (о цвете фигур, которыми сам играет). 4. Ст. 33: *lo pus valent Peo de la conquesta* 'храбрейший Пехотинец в завоевательном походе'. 5. Ст. 115: *espia 'nyava* 'подослал шпиона'. 6. Ст. 164: *que sots Raho milita* 'которое воюет под водительством Разума'. 7. Ст. 248: *per conquistar, ab sa gent pus unida* 'чтобы завоевать, собирая их народы'. 8. Ст. 251–252: *Qui en l'asalt als primes no contrasta, sy als darrers vol contrastar, no y basta* 'Кто не контратаковал при первой возможности, потерпит поражение, когда контратакует позднее'. 9. Ст. 274–276: *entra en la pelea, rompent aquell Pavés de qua s'arrea Temor de fer desonesta fallença* 'вступает в бой, уничтожая тот Щит, за которым прячется Страх обесценивающего поражения'. 10. Ст. 327: *ab crits, ab so de animosa trompa* 'с криками, со звуками доблестной трубы'. 11. Ст. 328: *crexent en ells l'ardiment y la força* 'увеличивавшими в них отвагу и силу'. 2) Виньолес. 1. Ст. 39–40: *Gloria, gloria cobre la mia gent ab benaventurança!* 'Слава, слава покрывает моих воинов благословением!'. 2. Ст. 72: *perque la fi del que fa no •l reprenga* 'чтобы не быть убитым тем, кого сам преследовал'. 3. Ст. 121: *per a tallar del Pensament la mina* 'чтобы противодействовать продвижению Мысли'. 4. Ст. 254: *l'atallaya* 'сторожевая башня'. 5. Ст. 259: *dexant entrar Legots dyntra la naya* 'позволить Лести вторгнуться в бреши'. 6. Ст. 363: *voler morir en plaça* 'найти смерть на поле боя'. 7. Ст. 390–391: *deslibera encloure, Desdenyant molt l'intent de l'adversari* 'решил укрепиться, наперекор намерениям врага'. 3) Фенольяр. 1. Ст. 81: *es molt degut catiu que •l vejам caure* 'закономерно, что его берут в плен'. 2. Ст. 103: *ans den morir tenint en ta l'espasa* 'иначе он должен погибнуть от обнаженного меча'. 3. Ст. 215–216: *Car molt mes val una discreta fuyta que caure pres per destemprada cuyta* 'Поскольку осторожно отступать лучше, чем попасть в плен из-за неуместной спешки'. 4. Ст. 458–459: *que 'n los perills de la batalla 'marga mes defen l'ull que no cobre l'adarga* 'Поскольку в опасностях жестокой битвы глаз спасет больше, чем прикроет щит'.

Эти наблюдения над употреблением фраз и отдельных лексических элементов из разряда тропов и пассивного словаря наглядно демонстрируют степень востребованности конкретных смысловых мотивов и предметных тем для текста «Шахмат любви». Мы расположим общее количество образцов слов и выражений по каждому вышеприведенному разделу в порядке убывания: битва как таковая — 22, высшее общество и его быт и обычаи — 14, обобщения и отвлеченные

понятия — 13, королевская жизнь — 11, ученость — 7, игра как битва — 6, фауна — 6, среднее сословие — 5, внеклассовая жизнь — 5, любовь как таковая — 5, любовь как битва — 5, погода — 3, низшие слои — 2, небесные явления и первоэлементы — 2, связанные с природой общие понятия — 1, флора — 1, еда — 1. При этом вклад участников в словесное оформление образной системы памятника также оказывается возможным вычислить: Франси де Кастельви — 41, Нарсис Виньолес — 37, Бернат Фенольяр — 33. Кажется, Кастельви, выигравший шахматную партию, выиграл и в частоте использования образных средств поэтической речи.

Но важно не это. В результате мы можем увидеть фразеологический профиль каждого участника художественной игры и почувствовать, *чем живет* поэт. Так, Кастельви, чаще изображавший битву как таковую, явно формировал в своем сознании (а потому и в своих строфах перед читателем) детализованный образ типичного сражения, каким оно виделось участвовавшим в нем дворянам: устройство военного стана, отправка разведчиков к стану вражескому, ряды воинов с полководцем во главе, королевский штандарт над головами и зовущий в бой сигнал трубы, к которому присоединяются тысячи криков воинов, наконец, прямое боестолкновение, лязг мечей о щиты... На фоне такого развернутого образа битвы заметно, что Виньолес описывает военные действия с точки зрения горожанина: он видит сторожевые башни, которые возвышаются над воротами города (двое таких ворот сохранились рядом с кварталами Старого города и в современной Валенсии), он представляет себе брешь в городских стенах, проламываемые осаждающими, а в остальном — он плоско описывает самые базовые вещи, касающиеся сражения (не конкретизированную гибель на поле боя, например). Что касается Фенольяра, то в его строфах прослеживаются мотивы, сразу выдающие в нем человека сугубо гражданского, видящего в сражении только опасность смерти и плена, не воспламененного отвагой воина, а труса, ищущего пути к отступлению и поспешному бегству.

Два игрока, Кастельви и Виньолес, хотя и нацелены в жизни на карьеру при местной резиденции Фердинанда, практически не пишут о короле нешахматном, а Фенольяр, напротив, в рамках этой темы многословен, но его видение реальной фигуры короля как раз к реальности не имеет отношения: он явно занят идеализацией короля как социальной роли, в его фантазиях король и народ живут одной жизнью и заботятся друг о друге.

Тем удивительнее, что по отношению к низшим слоям общества поэт-священник в этой же поэме демонстрирует презрение (остальные о простолюдинах не упоминают вообще). Интересно и то, что он в своих строфах не выразил интереса к дворянам, в дома которых он в силу сана был вхож, и к ученой прослойке (а ведь он, судя по всему, в большей степени ученый из троих авторов поэмы, да еще и просветитель, явившийся одним из организаторов печатного дела в Испании).

Виньолес смотрит на жизнь дворян со стороны и, кажется, описывает их с нотками сарказма, показывая лошеными, но легко теряющими свой лоск в непростых обстоятельствах. Кастельви как дворянин при дворе воплощает перед читателем соответствующий образ жизни: жизнь придворная — это стремление не оказаться в опале, возможно, интриги по отношению к себе подобным, лесть и угождение дамам, в целом галантный стиль общения, прежде всего с точки зрения риторики, а еще придворные развлечения, вроде охоты. Попутно заметим, что Валенсия — город приморский (и Арагон в то время владел Сицилией, морское сообщение с которой было регулярным), но Кастельви единственный из всех, кто вспоминает о мореплавании, очевидно, имевшем какую-то значимость для местных дворян.

Не забудем и о том, сколько тематических категорий представляют высказывания каждого из участников: Кастельви — 12, Виньолес — 14, Фенольяр — 12. Строфы Виньолеса не только отличаются большим разнообразием тем и мотивов. Он на уровне лексики показывает большее тяготение к метафорам и сравнениям, чем остальные, а на уровне фразеологии — к превращению замыкающих строфы фраз в морализаторские сентенции. Может быть, он как поэт более чувствителен к композиционным особенностям строфы выбранного всеми типа — той строфы, которая отчасти похожа на октаву: как и в октаве, здесь рифмы последних двух строк противостоят всем концевым рифмам прочих стихов строфы — и эта особенность провоцирует развести финальное двустушие и предшествующие стихи по тематике или по тону речи. В строфах октав финальные двустушия нередко заполнялись емкими афористическими фразами, вот и стилистика Виньолеса такова, что его частые финальные сентенции претендуют на статус афоризмов (один из приведенных выше можно было бы перевести так: «Страх служит хорошо летящей птице / И не дает в силках ей очутиться»). Из заключающих строфы двустуший у остальных поэтов, пожалуй, двустушия Кастельви показывают такое же тяготение

к афористичным сентенциям, однако градус его морализаторства заметно ниже.

На фоне всего вышесказанного речь Фенольера выглядит менее интересной, однако следует учесть, что у него была особая задача — формулировать правила этой игры, зачастую новые. И такая задача могла влиять на степень насыщения текста тропами, пассивной лексикой и фразами с отвлеченным значением. Так или иначе, три поэта-шахматиста с разными речевыми манерами сложили единый текст, о котором если, допустим, невозможно сказать, что он удачно в форме шахматной и одновременно любовной аллегории описывает величие Изабеллы Католической (а речь о величии идет, недаром Фенольер в стихах 532–533 заявил: “*tot lo poder transporta dels Reys amant[s] a les Reynes amades*” ‘вся власть любящих Королей передается возлюбленным Королевам’), то нельзя не заметить, что он в лексико-фразеологическом плане очень отчетливо показывает нам те *речевые профили* трех стихотворцев, за каждым из которых стоит особенная картина мира, по крайней мере, ее социокультурный аспект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Witten L. The Earliest Books Printed in Spain. The Papers of the Bibliographical Society of America. 1959. Vol. 53. No. 2. P. 91–113.
2. Riquer M. de. Historia de la Literatura Catalana. Vol. IV. Barcelona: Editorial Ariel, 1980. (In Spanish)
3. Garzón J.A. El acta de nacimiento del ajedrez moderno: el poema “Scachs d’amor”. Pasiones bibliográficas V. Valencia: Societat Bibliogràfica Valenciana Jerònima Galés, 2021. P. 97–112. (In Spanish)
4. Boada i Pérez G., Serrano Aspa X. Anàlisi metafòrica del poema “Scachs d’Amor”. Actas del XXVI Congreso Internacional de Lingüística y de Filología Románicas. T. VI. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. P. 31–37. (In Spanish)
5. Cazaux J.-L., Knowlton R. A World of Chess: Its Development and Variations through Centuries and Civilizations. Jefferson: McFarland & Company, 2017.
6. Ferrando i Francés A. Noves aportacions a Narcís Vinyoles. Edició de lo “Credo in Deum” aplicat per sos articles a la Mare de Déu d’Esperança y los goigs. Estudios sobre el Cancionero General (Valencia, 1511): poesía, manuscrito e imprenta. Valencia: Universitat de València, 2012. P. 479–506. (In Spanish)
7. Cocozzella P. Fra Francesc Moner’s Bilingual Poetics of Love and Reason: The “Wisdom Text” by a Catalan Writer of the Early Renaissance. Currents in Comparative Romance Languages and Literatures. Vol. 173. N.Y.: Peter Lang, 2010.
8. Aparisi Romero F. Noves consideracions al voltant de Bernat Fenollar, domer de la Seu de València. Scripta: Revista internacional de literatura i cultura medieval i moderna. 2021. Vol. 17. P. 62–85. (In Spanish)
9. Garcia Sempere M. Lo passi en cobles (1493): estudi i edició. Alacant & Barcelona: Publicacions de L’Abadia de Monserrat, 2002. (In Spanish)
10. Aumüller M. Entre la història dels escacs i els estudis literaris: el poema al·legòric Scachs d’Amor (vers el 1475). Zeitschrift für Katalanistik. 2022. Issue 35. P. 269–310. (In Catalan)

Дата поступления материала в редакцию: 9 августа 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 января 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on August 9, 2023
Revised on January 14, 2024
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030088

Лексическое выражение предчувствия средствами монгольских языков

© 2024 г. Е. В. Сундueva

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>
sundueva@mail.ru

Резюме. В данной статье рассматривается ряд лексем, используемых для выражения предчувствия в монгольских языках, с целью выявления по возможности мотивов номинации и их связи с психофизиологическим состоянием человека, предчувствующего что-либо, в большинстве случаев плохое. В слове *jöng* предполагается «озвучивание» ощущения тревоги, сопоставимой с внутренним гудением. Это свидетельствует о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений. В слове *iru-a* ведущая роль в номинации отводится дрожанию языка в момент артикуляции сонанта [r], передающему тревожные ощущения, преимущественно локализуемые в грудной части. В слове *belge*, вероятно, произошел метонимический перенос со значения 'знак как материальный объект' на 'знак, знамение, предзнаменование'. Исследования в подобном ключе позволяют глубже осознать значимость системы интерпретации сенсорной информации, транслируемой с помощью разных ощущений в организме.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Ключевые слова: монгольские языки, восприятие, номинация, синестезия, ощущение, сложное слово.

Для цитирования: Сундueva Е.В. Лексическое выражение предчувствия средствами монгольских языков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 85–91. DOI: 10.31857/S1605788024030088

Lexical Expression of Presentiment in Mongolic Languages

© 2024 Ekaterina V. Sundueva

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>
sundueva@mail.ru

Abstract. This article considers a number of lexemes used to express premonition in Mongolic languages in order to identify, if possible, the motives of nomination and their connection with the psychophysiological state of a person who has a premonition of something, in most cases bad. The word *jöng* assumes the

“voicing” of a feeling of anxiety comparable to an internal buzz. It indicates the syncretism of the semantics of linguistic units, semantic features, which motivate metaphorical and metonymic transfers to intermodal spheres. It demonstrates the phenomenon of synesthesia in the field of designating physical sensations. In the word *iru-a*, the leading role in the nomination is given to the trembling of the tongue at the moment of articulation of the sonant [r], which conveys disturbing sensations, mainly localized in the thoracic part. In the word *belge*, there was probably a metonymic transfer from the meaning of ‘sign as a material object’ to ‘sign, omen’. Research in this way allows deeper understanding the importance of the system of interpretation of sensory information transmitted through various sensations in the body.

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment (project “Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth”, № 121031000258-9).

Key words: Mongolic languages, perception, nomination, synesthesia, sensation, compound word.

For citation: Sundueva, E.V. *Leksicheskoe vyrazhenie predchuvstviya sredstvami mongolskih yazykov* [Lexical Expression of Presentiment in Mongolic Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 85–91. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030088

Предчувствие как чувство ожидания чего-либо назревающего, неизвестного неизбежно связано с душевным волнением, когда сердце не на месте. В данной работе рассматривается ряд лексем, используемых для выражения предчувствия в монгольских языках, с целью выявления по возможности мотивов номинации и их связи с психофизиологическим состоянием человека, предчувствующего что-либо, в большинстве случаев плохое. На материале монгольских языков данная тема рассматривалась в статье Л.Д. Бадмаевой, посвященной выражению рационального и иррационального понимания в бурятском языке. Под иррациональным пониманием имеется в виду понимание без участия разума, логических умозаключений. Автор выделяет такие его виды, как 1) предчувствие / предвидение / ясновидение; 2) прямое ясновидение; 3) предчувствие в результате вещего сна; 4) предчувствие / понимание сердцем [1, с. 228]. В статье М.М. Содномпиловой тело человека, включая его внутренние органы, рассматривается как проводник сверхъестественной информации, подаваемой посредством целого спектра разнообразных ощущений в организме — от щекотки и вибрации до проявления болевых ощущений [2].

П.-монг. *jöng* имеет значения: ‘знак, знамение; гадание, прорицание, предсказание’, *jöngnekü* ‘предсказывать, предзнаменовать’ [3, р. 2409], монг. *зөн* ‘предчувствие, предвидение; чутье; инстинкт; предзнаменование’, *сайн зөн* ‘доброе предзнаменование’, *муу зөн* ‘дурное предзнаменование’, *зөгнөх* ‘предчувствовать; мечтать, фантазировать’ [4, с. 230], бур. *зун* ‘предчувствие, чутье, инстинкт’, *зүгнэх* ‘предчувствовать’ [5, с. 416], калм. *зöñ* ‘гадание, предзнаменование, пророчество’, *зöñнәхә* ‘пророчествовать’ [6, р. 478], ойр.

dzönö ‘предчувствие, предвидение; чутье; инстинкт’ [7, с. 261].

Существительное *jöng* ‘способность предвидеть будущее’ и образованный от него глагол *jönglekü* ‘предвидеть будущее’ единожды встречаются в § 207 письменного памятника первой трети XIII в. «Сокровенного сказания монголов»: *Činggis qahan Qorči-da ügülerün jönglejü nama-yi ücügen бүгүе-еңе ејі’е туруq noyitan nobšildüjü köyiten köbšildejü nendü qutuq bolju yabuba je. Qorči tere čaq-tur ügülerün jöng jöb bolu’asu tenggeri-de setkil-tür gürgekdе’esü nama qučin emestü bolqa ke’ele’e či* [8, с. 287] ‘Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: “Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен”»’ [9, с. 161].

Корень *jöng*, будучи фонетически близким корням звукоподражательных глаголов монг. *дун-гэнэх*, бур. *дунгинэхэ* ‘гудеть, раздаваться гулко’, монг. *гүнгэнэх*, бур. *гүнгэнэхэ*, калм. *гүннх* ‘гудеть — о имеле’, на наш взгляд, может передавать некое томящее напряжение, «гудение» в груди человека, испытывающего то или иное предчувствие. «Озвучивание» внутренних ощущений подтверждается тем, что глагол бур. *дунгэнэхэ* ‘гудеть’ сочетается с существительным *толгой* ‘голова’: «Эдэш гурбан байна» — *Дэлгэрэй дунгинэжэ хахархаяа байхан толгой соо иимэ бодол түрэхэдэл гэбэ* (В. Гармаев)¹ «Их трое», — родилась мысль в гудящей голове Дэлгэра, готовый треснуть’ (здесь и далее перевод наш. — Е.С.). Одним из значений глагола

¹ Примеры взяты из Электронного корпуса бурятского языка. Режим доступа: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

рус. *гудеть* является ‘испытывать ноющую, ломящую боль’: *Ноги гудят*. О связи интуиции со слухом Н.Д. Арутюнова пишет: «Зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые впечатления. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем к зрению» [10, с. 113].

Слово *jöng* образует парное слово с существительным п.-монг. *bilig* ‘ум, остроумие; знание, разум, мудрость’ [3, р. 1142]; п.-монг. *jöng bilig* ‘предвидение, дар предвещения; видение, познание’ [3, р. 2409], калм. *zöŋ bil’g* ‘глаз провидца’ [6, р. 478]. В «Толковом словаре бурятского языка» также бур. *зүн бэлэг* ‘предчувствие; ясновидение’ [11, с. 194]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» на основе сложного слова *зөн билэгтэй* ‘провидец, ясновидец’ в качестве второго компонента выделяется слово *билэг*, отсутствующее отдельной статьей в словаре [4, с. 230].

В «Толковом словаре монгольского языка» слово *зөн* дается в сочетании с существительным *бэлэг*: *зөн бэлэг* ‘нечто, возникающее независимо от разума’ [12]. В бурятском языке также встречается такое сложное слово, например, *зүн бэлгэдээ оруулха* ‘предчувствовать’. В примере: *Гайхахадаа, баһа һанагшаб, эсэгэ хүн хадаа үрэ бэеынгээ һайн ябахыень зүн бэлгэдээ оруулаа юм ха гү гээд...* (Х. Намсараев) сочетание *зүн бэлгэдээ оруулха* приобретает значение ‘желать счастья, блага’: ‘В конце концов, я думаю, как же ему, будучи отцом, не желать счастливой жизни своему ребенку...’ В языке монголов Внутренней Монголии в поздравлениях часто звучит глагол *зөгнөх* ‘предчувствовать’ в значении ‘желать добра’: *Аз жаргал зөгнөн хүсье / хүсэн зөгнөе* ‘Желаем счастья’.

Второй компонент сложного слова *зөн бэлэг* является синонимом первого: п.-монг. *belge* ‘знак, признак, примета; знамение’ (*belge iru-a* ‘знак, знамение, предзнаменование’, *sayin belge* ‘хороший знак, счастливое предзнаменование’, *тауи belge* ‘дурной знак, несчастное предзнаменование’) [3, р. 1117, 1119], монг. *бэлэг* ‘знак, примета; знамение, предзнаменование’ [13, с. 312], бур. *бэлэг* ‘символ; знак, отметина, примета’ [5, с. 171], калм. *белг* ‘гадание, предсказание’ [14, с. 94]. Слово встречается пять раз в тексте «Сокровенного сказания монголов» в значениях ‘знак, признак’ [8, с. 71].

На основе спектра значений монг. *бэлэг* ‘знак; эмблема, символ; мета, отметка, спортивная цель’ нами было сделано предположение, что корень **belge* мог иметь значение ‘нечто округлой

формы, круг’, которое отчетливо прослеживается в калм. *белг үлгүр* ‘ореол’ [15]. По предположению Б. Кемпфа, монгольское слово **belge* имеет тюркское происхождение. Его этимологом является тюрк. **bālgō*, ср. др.-тюрк. *bālgū* ‘знак, метка’ иногда в конкретном, но, как правило, в абстрактном смысле ‘отличительная черта’. Тюрк. *bālgō* и *bālāk*, согласно исследованиям А. Рона-Таша и А. Берты, восходят к глаголу *bāl-* ‘отмечать, обозначать (*to mark*)’ [16, р. 317]. Вероятно, некие знаки изначально имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для использования, затем обозначение материального знака могло расширяться до абстрактного знамения, предзнаменования как явления, признака, предвещающего что-либо, что может совершиться.

В халха-монгольском языке слово *зөн* также сочетается с существительным *совин* ‘предчувствие, интуиция, чутье’ [17, с. 104], п.-монг. *sobin* ‘знак, предчувствие’ [18, р. 723]. В бурятском языке у *хобин* развилось несколько иное значение ‘сумасбродство, дурость, дурь’, *хобинтой* ‘юродивый, чудаковатый’ [19, с. 557], что позволяет предположить, что слово *sobin* могло быть связано с некими ментальными особенностями человека, в том числе даром прорицания. Кроме того, слово *jöng* образует парное слово с существительным *jegüden* ‘сновидение, сон’ [3, с. 2321]; бур. *зүндөөшье зүүдэндээшье харахагүй* ‘вообще не видеть, ни разу не видеть’, *зүн зүүдэн соо хараха* ‘предчувствовать, предвидеть’: *Иимэшүү үерье зүн зүүдэн соогоо зохидхоноор хараһан байгааб* (С. Ангабаев) ‘Я четко предвидел подобное наводнение’.

Помимо глагола *jöngnekü* ‘предсказывать, предзнаменовать’, образованного от существительного *jöng*, глагольное значение выражается в сочетании данного субстантива с глаголом *tataqu* ‘тянуть’: бур. *зүн татаха*, монг. *зөн совин татах* ‘предчувствовать’. Выбор глагола, вероятно, связан с произвольными сокращениями мышц вокруг глаз, которые в разных культурах могли толковаться как предвестники плохого или хорошего в зависимости от глаза, века, пола, года рождения человека и пр. «Если дергалось верхнее веко глаза, то это расценивалось как добрый знак. Буряты и якуты полагали, что следует ожидать хороших, либо интересных вестей. Напротив, подергивание нижнего века считалось плохой приметой» [2, с. 489]. Хоринские буряты говорят: *Баруун нүдэн татахада, һайн юмэ дуулажа баярлахаи. Зүүн нүдэн татахада, бархирхаи* [записано от Чимитдоржиевой Г.Н., 1978 г.р., род *хуасай*]. У баргузинских бурят напротив: *Эхэнэрэй баруун нүдэнэй зүн татахада, муу юмэн болохо*.

Зүүн нүдэнэй зүн татахада, хайн юумэн болохо. Эрэгтэй хүнэй ондоо ‘Если у женщин дергается правое веко — не к добру, если же дергается левое веко — добрый знак. У мужчин наоборот’ [записано от Базаровой Г.С., 1956 г.р., род *шүбтэхэй шоно*]. В стихотворении Дондока Улзытуева также находим: *Зүүн хара нүдэнэйнгөө / зүн татаад байгаа хаань, / Зүрхөөрөө дууша намайгаа / зүүдэлнэ гэжэ ханаарай* ‘Если левый черный глаз / начнет подергиваться, / Знай, что я с поющим сердцем / Вижу тебя во сне’.

Рассматриваемая нами семантика также манифестируется в п.-монг. *iru-a*, *irvu-a*, *irva* ‘знак, знамение’, *sayin iru-a* ‘хороший знак, хорошее предзнаменование’, *maui iru-a* ‘худое, зловещее предзнаменование’ [3, р. 321]. В халха-монгольском языке *ёр* имеет значения ‘знак, предзнаменование; предчувствие’, при этом предзнаменование может быть и плохим, и хорошим: *сайн ёр* ‘добрый знак’, *хүний ёр* ‘счастливая звезда’ [4, с. 140], нейтральное значение также наблюдаем в калм. *йор* ‘предрассудок; суеверие; примета’ [14, с. 280]. В бурятском же языке *ёро* означает лишь ‘плохое знамение, дурное предзнаменование’ [5, с. 345], то же находим в языке ойратов Синьцзяна *йор* ‘дурная примета, предзнаменование’ [20, с. 185].

Протомонг. **irwa* ‘(дурное) знамение’ авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сопоставляют с прототюрк. **ir-/ir-* ‘знамение; суеверие’, протояп. *urá* ‘гадание’, отмечая, что вряд ли эта праформа могла быть тюркизмом [21, р. 591]. Э.В. Севортьян считает, что тюрк. *ырым* ‘знак, примета, предзнаменование (хорошее и дурное), предчувствие’ представляет собой отглагольно-именное производное с аффиксом *-м*, гомогенное с *ырык* и *ырыз/ырыс*, объединенными между собой основными значениями ‘знак, примета’. Производящей основой всех трех слов является глагол **ыр-*, представление о котором дает турк. *ыр-* ‘уговаривать, пропускать’. В. Банг и А. фон Габен глагол *ir-* отождествляли с глаголом *уар-* ‘раскалывать’, шор. *iril-* ‘образовывать трещины, рваться’, а в *irq* и *irim* видели названия древнейших принадлежностей для гадания на трещинах и щелях в обожженных лопатках барана [22, с. 666].

По нашему предположению, такое акустико-артикуляционное свойство корневого переднеязычного дрожащего сонанта *[r]*, как дрожание кончика языка, способствует выражению в монгольских языках признаков, в большинстве случаев связанных с внутренним дискомфортом, неприятными ощущениями и чувствами (громкость, яркость, боль, холод, страх, стыд, зависть

и др.). Кроме того, с его помощью может передаваться возбужденное состояние организма (счастье, любовь, страсть и др.). В данном случае согласный *[r]* передает тревожное, возбужденное состояние, чаще связанное с ожиданием чего-либо плохого. Примечательно, что в эвенском языке дрожащий сонант *[r]* представлен в глаголе *һэри-* ‘предчувствовать несчастье; тревожиться’ [23, с. 370].

Дискомфорт, вызванный страхом, ревностью, тревогой и пр., локализуется в груди, «предчувствие возникает в душе или в сердце, т.е. в самой глубине человеческого существа. Душа и сердце, с одной стороны, являются органами эмоциональной жизни человека, а с другой стороны, это те самые органы, с помощью которых субъект воспринимает нечто недоступное обычному человеческому восприятию» [24, с. 830]. Согласный *[r]* представлен в монг. *өр*, бур. *үрэ*, выступающим и как конкретный анатомический орган ‘подложечная область’, и как отвлеченное понятие ‘душа; сердце’ [17, с. 36; 19, с. 353], калм. *өр* ‘грудь, душа’ [14, с. 422]. Участие данного слова в передаче эмоций наблюдается в п.-монг. *örü ebed-* ‘душевно скорбеть, быть сердобольным, искренне сожалеть’ [3, р. 581], монг. *өр өвдөх*, бур. *үрэдэхэ* ‘душа болит; шемит под ложечкой’ [19, с. 353], монг. *өр өмрөх* ‘сердце рвется на части’ [17, с. 36]. В «Этимологическом словаре алтайских языков» в качестве параллели дана прототюрк. **ör* ‘середина, внутренность, сущность’. По мнению авторов, вопреки точке зрения Г. Дёрфера, монгольские формы не могут быть заимствованы из тюркских языков [24, р. 1065]. По всей видимости, притупленное ощущение щемления под ложечкой, сопряженное со страхом, тревогой и выражаемое корнем **ör*, впоследствии дало основание для номинации анатомического органа, в котором наиболее велика жизненная активность.

В статье Е.Л. Березович рассмотрены четыре группы соматизмов, репрезентативных в плане проявления предчувствия и интуитивных чувствований: названия частей «тыльной стороны» тела (*спина, затылок, задница* и т.п.), обозначения живота и «внутренностей» (*нутро, живот, печенки* и т.п.), наименования непосредственных органов перцепции (*нос, ухо*), слова *тело, кожа (шкура)* [25, с. 86]. На материале бурятского языка нами выявлено, что предчувствия и интуитивные чувствования проявляются с помощью души, груди, печени, спины: — *Муу, гажа буруу юумэн болоо гэжэ сэдхэлээрээ мэдэрээд лэ, тэмсэхэ аргамни тэрэл байгаа ха юм даа* (С. Цырендоржиев) ‘Я душой почувствовал, что случилось что-то плохое,

только так я мог бороться'; *Эсэгэ буурал дэлхэйнгээ / Энээхэн хүшэр бодолнуудыг / Эрхэтэн бидэ бэрхэлхэнгүй, / Эльгээрээ мэдэрэн дүнгээ* (Ц. Дамдинжапова) 'Седой родины нашей / Эти тяжкие думы / Мы, граждане, не ломаясь, / Печенью ощутив, поддержим'; *Тээд тэрэ ара нюргаараа Балданай гэтэшоод ябахыг мэдэрнэ* (С. Цырендоржиев) 'Он ощущал на спине пристальный взгляд Балдана'. В баргузинском говоре записаны такие физиологические проявления предчувствия, как *сээжэ шэмшэрхэ, шэм-шэм гэхэ* 'щемить в груди', *маамаа хадхаха* 'колоть в женской груди'. Выражаемое последним сочетанием предчувствие касается, как правило, детей [записано от Ламуевой З.Ц., 1944 г.р., род *шүбтэхэй шоно*]. То же наблюдается у якутов и хакасов [2, с. 490]. Также в художественной литературе наблюдается интересный пример передачи предчувствия у животного: *Алгасашагүй ехэ аюулай ойртожо байһыг шуһа мяхаараа мэдэрһэн шэлүүһэн яахашыг аргаяа оложо ядан, дээшэ доошоо гүйбэ* (Б. Мунгонов) досл. 'Кровью и мясом ощущая приближение неизбежной опасности, рысь бегала вверх и вниз, не зная, что делать'. В данном контексте на русский язык выражение *шуһа мяхаараа* 'кровью и мясом' можно перевести 'шкурой'.

Бур. *дэмбэрэл* 'узы, связь; предзнаменование' [5, с. 327] является заимствованием из тибетского языка: *rten 'brel* 'взаимозависимость, связь, узы; знак, знамение, благоприятное совпадение, случай': *Хэрбээ минии мориной заадаа хаа, ехэл хайн дэмбэрэл гээшэ!* (Д. Батожабай) 'Если моя лошадь будет зевать, это к добру!' Слово встречается в сочетании с рассмотренным выше *бэлгэ*: *үдэрэй бэлгэ дэмбэрэл* 'ежедневные предзнаменования'. В агинском говоре бурятского языка представлено слово *дэмбэрээ* 'примета; предчувствие' [26, с. 702], которое, по всей вероятности, является фонетическим вариантом слова *дэмбэрэл*. Также в бурятском языке редко используется слово *дүлгэ* 'знамение, признак': *Яаһан дүлгэ муутай юм бэ, юугээ хэлэбэ гээшэбта?* (Ц.-Ж. Жимбиев) 'Как бы не наклепать беду, что же Вы такое говорите?'

Таким образом, нами предпринята попытка определить мотив номинации в ряде лексем монгольских языков, обозначающих предчувствие. В слове *jöng* мы предположили «озвучивание» ощущения тревоги, сопоставимой с внутренним гудением. Это свидетельствует о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений. В слове *iru-a* ведущая

роль в номинации отводится дрожанию языка в момент артикуляции сонанта [r], передающему тревожные ощущения, преимущественно локализуемые в грудной части. В слове *belge*, вероятно, произошел метонимический перенос со значения 'знак как материальный объект' на 'знак, знамение, предзнаменование'. Исследования в подобном ключе позволяют глубже осознать значимость системы интерпретации сенсорной информации, транслируемой с помощью разных ощущений в организме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

бур. — бурятский
др.-тюрк. — древнетюркский
калм. — калмыцкий
монг. — халха-монгольский
ойр. — язык ойратов Монголии
п.-монг. — старописьменный монгольский
протомонг. — протомонгольские языки
прототюрк. — прототюркские языки
протояп. — протояпонский
турк. — туркменский
тюрк. — тюркские языки
шор. — шорский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадмаева Л.Д. Выражение рационального и иррационального понимания в бурятском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 221–238.
2. Содномпилова М.М. «Язык» тела: тело в трансляции сенсорной информации в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 3. С. 486–495.
3. Kowalewski J.E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.
4. Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. Д–О. 536 с.
5. Шагдаров Л.Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. I. А–Н. 636 с.
6. Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainenseura, 1935. 560 p.

7. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 х.
8. Мөнхсайхан С. Монголын нууц товчооны тайлбар толь. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2022. 692 с.
9. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-unniγu-čatobčiyān*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 340 с.
11. Сундуева Е.В. Толковый словарь бурятского языка. Т. II. Е–Р // Е.В. Сундуева, Ц.Ц. Бальжинимаева, С.Д. Бабуев, Б.Д. Цыренов, Ц.Ц. Бальжинимаева Улан-Батор: Изд-во «Нандир», 2023. 690 с.
12. Монгол хэлний их тайлбар толь // URL: https://mongoltoli.mn/search.php?opt=1&ug_id=19971 (дата обращения: 19.01.2024).
13. Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. 520 с.
14. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.
15. Сундуева Е.В. Репрезентация округлой формы объектов средствами корневого согласного / в монгольских языках // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV междунар. науч.-пр. конф., Абакан, 19–20 мая 2016 г. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский госун-т им. Н.Ф. Катанова», 2016. С. 153–157.
16. Kempf B. On Mongolic *belge* and *mengge* ‘sign, mark’ // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2012. Vol. 65 (3). P. 317–322.
17. Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. Ё–Ф. 440 с.
18. Lessing F.D. *Mongolian-English dictionary*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
19. Шагдаров Л.Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. / Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. Т. II. О–Я. 708 с.
20. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
21. Starostin S. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages* / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
22. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. статей Э.В. Севортян. М.: Наука, 1974. 768 с.
23. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1977. Т. II. 471 с.
24. Урысон Е.В. Предчувствие, чувство, ощущение // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Второе изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 830–833.
25. Березович Е.Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3(67). С. 86–93.
26. Сундуева Е.В. Толковый словарь бурятского языка. Т. I. А–Д // Е.В. Сундуева, Ц.Ц. Бальжинимаева, С.Д. Бабуев, Б.Д. Цыренов. Улан-Батор: Изд-во «Нандир», 2022. 719 с.

REFERENCES

1. Badmaeva, L.D. *Vyrazhenie racionalnogo i irracionalnogo ponimaniya v burjatskom jazyke* [Expression of Rational and Irrational Understanding in the Buryat Language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2022, No. 1, pp. 221–238. (In Russ.)
2. Sodnompilova, M.M. “Jazyk” tela: telo v transljácii sensornoj informacii v tradicionnom mirovozzrenii tjurko-mongolskikh narodov [Body Language and Transmission of Sensory Information: A Perspective from Traditional Worldview of Turko-Mongols]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. 2021, Vol. 13, No. 3, pp. 486–495. (In Russ.)
3. Kowalewski, J.E. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. V. I–III. 2690 p.
4. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G.C. Pjurbeev (Ed.), Moscow: Academia Publ., 2001. Vol. 2, 536 p.
5. Shagdarov, L.D., Cheremisov, K.M. *Buryatsko-russkii slovar* [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip. Publ., 2008. Vol. 1, 636 p.
6. Ramstedt G. J. *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainenseura, 1935. 560 p.
7. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу [Dialect Dictionary of the Mongolian Language of the Mongolian People’s Republic. II. Oirat Dialect]. Ulaanbaatar, 1988, 943 p. (In Mong.)
8. Mönhsajhan, S. *Mongolyn nuuc товчооны тайлбар толь* [Explanatory Dictionary of the Secret History of Mongols]. Ulaanbaatar, Sojombo Printing, 2022. 692 p. (In Mong.)

9. Kozin, S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongolskaj ahronika 1240 g. pod nazvaniem Mongyol-un niyučatobčijan. Juan' chao bi shi. Mongolskij obydenyj izbornik. Tom I. Vvedenie v izučenie pamyatnika, perevod, teksty, glossarii* [A Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240 under the title Mongyol-un niyučatobčijan. Yuan chao bi shi. The Mongolian Everyday Anthology. Volume I. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, Glossaries]. Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademi nauk SSSR Publ., 1941. 619 p. (In Russ.)
10. Arutjunova, N.D. *Tipy jazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 340 p. (In Russ.)
11. Sundueva, E.V., Balzhinimaeva, Ts.Ts., Babuev, S.D., Tsyrenov, B.D., *Tolkovy slovar buryatskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Buryat Language]. Ulan-Bator: Nandir Publ., 2023, Vol. 2. 690 p. (In Buryatian)
12. *Mongol hjeln ijih tajlbar tol'* [Unabridged Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. URL: https://mongoltoli.mn/search.php?opt=1&ug_id=19971 (Date of Access: 19.01.2024).
13. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G.C. Pjurbeev (Ed.). Moscow: Academia Publ., 2001, Vol. 1. 520 p.
14. *Kalmytsko-russkii slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. B.D. Muniev (Ed.). Moscow: Izd-vo "Russkii yazyk" Publ., 1977. 765 p.
15. Sundueva, E.V. *Reprezentacija okrugloj formy objektov sredstvami kornevogo soglasnogo l v mongolskikh jazykakh* [Representation of the Rounded Shape of Objects by Means of the Root Consonant l in Mongolian Languages]. *Sohranenie irazyvitie jazykov i kultur korennykh narodov Sibiri: materialy IV mezhdunar. nauch.-pr. konf., Abakan, 19–20 maja 2016 g.* [Preservation and Development of Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Siberia: Materials of the IV International Scientific Conference]. Abakan: Izd-vo FGBOU VPO "Hakasskij gosun-t im. N.F. Katanova" Publ., 2016, pp. 153–157. (In Russ.)
16. Kempf, B. *On Mongolic belge and mengge 'sign, mark'*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2012, Vol. 65 (3), pp. 317–322.
17. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G.C. Pjurbeev (Ed.), Moscow: Academia Publ., 2001, Vol. 3. 440 p.
18. Lessing, F.D. *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960, 1217 p.
19. Shagdarov, L.D., Cheremisov, K.M. *Buryatsko-russkii slovar* [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip. Publ., 2008, Vol. 2. 708 p.
20. Todaeva, B.H. *Slovar jazyka ojratov Sin'czjana (Po versijam pesen "Dzhangara" i poluvym zapisjam avtora)* [Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang (According to the Versions of the Songs of "Jangar" and the Field Notes of the Author)]. Jelista: Kalm. kn. izd-vo Publ., 2001. 493 p. (In Kalmykian)
21. Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, Boston: Brill, 2003. 2096 p.
22. *Jetimologicheskij slovar tjurkskikh jazykov: Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with Vowels]. Author of Dictionary Entries Je.V. Sevortjan. Moscow: Nauka Publ., 1974. 768 p.
23. *Sravnitelnyj slovar tunguso-manchzhurskikh jazykov* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages]. Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 471 p.
24. Uryson, E.V. *Predchuvstvie, chuvstvo, oshhushhenie* [Premonition, Feeling, Sensation]. *Novyj objasnitelnyj slovar sinonimov russkogo jazyka. Pod obshhim rukovodstvom Ju.D. Apresjana. Vtoroe izd., ispr. i dop.* [A New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Under the General Supervision of Y.D. Apresyan. Second Edition, Revised and Expanded]. Moscow: Shkola "Jazyki slavjanskoj kultury" Publ., 2003, pp. 830–833. (In Russ.)
25. Berezovich, E.L. *Somaticheskaja model v nominacii predchuvstvij i intuitivnykh chuvstvovanij* [Somatic Model of the Nomination of Premonitions and Intuition of Feelings]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2016, No. 3 (67), pp. 86–93. (In Russ.)
26. Sundueva, E.V., Balzhinimaeva, Ts.Ts., Babuev, S.D., Tsyrenov, B.D., *Tolkovy slovar buryatskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Buryat Language]. Ulan-Bator: Nandir Publ., 2022, Vol. 1. 719 p.

Дата поступления материала в редакцию: 19 января 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 февраля 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
 Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on January 19, 2024
 Revised on February 5, 2024
 Accepted on April 15, 2024
 Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030094

Из истории советско-французских литературных связей 1930-х годов: неизвестное письмо французских писателей А. М. Горькому о В. Серже (по материалам Архива А. М. Горького)

© 2024 г. М. А. Ариас-Вихиль

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Архива А.М. Горького
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
marina.arias@mail.ru

Резюме. В статье исследуются советско-французские писательские контакты в общественно-политическом аспекте на основе двух неизвестных и не введенных в научный оборот писем Архива А.М. Горького: письма пяти французских писателей от 28 июня 1932 г. А.М. Горькому и письма В. Сержа от 28 сентября 1932 г. секретарю Горького П.П. Крючкову. Французские писатели левых взглядов (Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак, Ж. Геенно, Л. Верт, Ф. Журден), сочувствующие СССР, обратились к Горькому с просьбой помочь Сержу выехать из СССР. Месяц спустя с просьбой ответить на это письмо обратился к Крючкову В. Серж. Сын эмигрантов-народовольцев, Серж в 1919 г. приехал в Советскую Россию для участия в революционных преобразованиях общества и содействия мировой революции. Связи Сержа с антисталинской оппозицией привели к преследованиям ГПУ, двум арестам (в 1928 г. и 1932 г.) и ссылке в Оренбург на три года (в 1933 г.). Благодаря международной кампании во французской и бельгийской прессе, развернутой левыми интеллектуалами, в апреле 1936 г. Серж покинул СССР. Неизвестное до сих пор первое письмо в его защиту, направленное французскими писателями Горькому, является важнейшим свидетельством политических стратегий писателей левого направления 1930-х годов, попытки оказывать влияние на социально-политические процессы внутри левого движения, а также попытки гуманизации сталинского режима.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00393, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: Горький, Роллан, В. Серж, журнал “Europe”, Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак, Ж. Геенно, Л. Верт, Ф. Журден, Е.П. Пешкова.

Для цитирования: Ариас-Вихиль М.А. Из истории советско-французских литературных связей 1930-х годов: неизвестное письмо французских писателей А.М. Горькому о В. Серже (по материалам Архива А.М. Горького) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 92–100. DOI: 10.31857/S1605788024030094

From the History of Soviet-French Literary Relations in the 1930s: An Unknown Letter from French Writers to A. M. Gorky about V. Serge (Based on Materials from the A. M. Gorky Archive)

© 2024 Marina A. Arias-Vikhil

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Archive
of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
marina.arias@mail.ru

Abstract. The article examines Soviet-French literary contacts in the socio-political aspect on the basis of two unknown and not introduced into scientific circulation letters from the Archive of A.M. Gorky: a letter of five French writers dated June 28, 1932 A.M. Gorky and a letter from V. Serge dated September 28, 1932 to Gorky's secretary P.P. Kryuchkov. French writers of leftist views (J.-R. Bloch, C. Vildrac, J. Guéhenno, L. Werth, F. Jourdain), who sympathized with the USSR, turned to Gorky with a request to help Serge leave the USSR. A month later, V. Serge himself turned to Kryuchkov with a request to respond to this letter. The son of Narodnaya Volya emigrants, Serge came to Soviet Russia in 1919 to participate in the revolutionary transformations of society and promote the world revolution. Serge's connections with the anti-Stalinist opposition led to persecution by the GPU, two arrests (in 1928 and 1932) and exile to Orenburg for three years (in 1933). Thanks to an international campaign in the French and Belgian press launched by left-wing intellectuals, Serge left the USSR in April 1936. The still unknown first letter in his defense, sent by French writers to Gorky, is the most important evidence of the political strategies of leftist writers of the 1930s, attempts to influence socio-political processes within the leftist movement, as well as attempts to humanize the Stalinist regime.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00393, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>) in the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Gorky, Rolland, V. Serge, Europe magazine, J.-R. Bloch, C. Vildrac, J. Guéhenno, L. Werth, F. Jourdain, E.P. Peshkova.

For citation: Arias-Vikhil, M.A. *Iz istorii sovetsko-francuzskih literaturnyh svyazej 1930-h godov: neizvestnoe pismo francuzskih pisatelej A.M. Gorkomu o V. Serzhe (po materialam Arhiva A.M. Gorkogo)* [From the History of Soviet-French Literary Relations in the 1930s: An Unknown Letter from French Writers to A.M. Gorky about V. Serge (Based on Materials from the A.M. Gorky Archive)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serîâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 92–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030094

Выходец из семьи русских политэмигрантов, приверженец идей П. Кропоткина, франкоязычный писатель русского происхождения Виктор Серж (В.Л. Кибальчич, 1890–1947) принадлежал к роду народовольцев Кибальчичей, как и знаменитый террорист-изобретатель Н.И. Кибальчич, казненный вместе с Желябовым. Отец Сержа, Лев Кибальчич, унтер-офицер русской конной гвардии, член боевой организации Народной воли, опасаясь ареста, был вынужден эмигрировать. По воспоминаниям Сержа, его родители кочевали между Лондоном, Парижем, Швейцарией и Бельгией «в поисках хлеба насущного и хороших библиотек» [1, с. 8]. Некоторое время Лев Кибальчич преподавал в Институте астрономии в Брюсселе, затем семья переехала во Францию. Виктор Кибальчич родился в Бельгии, очень рано заинтересовался политикой, вступил в партию эсеров, потом примкнул к анархистам. Сотрудничал в анархистских газетах «Револьте» (Le Révolté) и «Анарши» (L'Anarchie), а в 1910 г. стал ее редактором. В 1913 г. Серж был осужден на пять лет тюрьмы за поддержку анархистской «банды Бонно», прославившейся «высокотехнологичными» ограблениями банков. В разгар Первой мировой войны, летом 1917 г. Серж попытался уехать в Россию, где в то время происходили революционные события. Серж вспоминал позднее, как в приемной штаба в Париже он познакомился

с Н.С. Гумилевым: «В приемной штаба я встретил солдата лет тридцати, только что приехавшего из Трансиордании, где он сражался в составе британских войск. Как и я, он пытался вернуться в Россию, и по стечению обстоятельств ему удалось это раньше меня. <...> Иногда он читал волшебные стихи. <...> Это был один из величайших русских поэтов нашего поколения, уже ставший знаменитым, Николай Степанович Гумилев. Мы встретимся еще несколько раз в России, противниками и друзьями. В 1921 году я много дней напрасно буду бороться, чтобы воспрепятствовать его расстрелу ЧК. Но тогда мы не предвидели это близкое будущее» [1, с. 75–76]. Как мы видим по этому отрывку, несмотря на взаимный интерес, возникший у молодых людей, они принадлежали к разным историческим эпохам: Серж олицетворял собой яростного и бескомпромиссного революционера нового времени, готового посвятить свою жизнь делу будущей революции в Европе. После Октябрьской революции Серж сделал попытку нелегально въехать в Россию, но на границе был арестован. В 1919 г. французское правительство обменяло его на французского офицера, задержанного петроградской ЧК. Так он, революционер в коленях, оказался, наконец, в стране победившей революции. В Советской России Серж вступил в ВКП(б), на протяжении ряда лет работал переводчиком и организатором

под началом Г.Е. Зиновьева в Третьем Интернационале, сблизился с Л.Д. Троцким. Анархист и узник французской тюрьмы стал в СССР влиятельным большевиком, работающим на мировую революцию, как агент Коминтерна он занимался подготовкой революционного восстания в Германии. Серж вспоминает об этом периоде: «Мы выпускали журнал Интернационала на четырех языках, тайно, различными путями отправляли за рубеж послание за посланием. Я переводил письма Ленина, а также книгу, которую написал Троцкий в своем бронепоезде, “Терроризм и коммунизм”; в ней отстаивалась необходимость длительной диктатуры на период перехода к социализму, которая, без сомнения, должна продлиться несколько десятков лет. Это непоколебимое мышление немного пугало меня своим схематизмом и волюнтаризмом. Ощущалась нехватка всего: сотрудников, бумаги, средств связи, даже хлеба и чернил» [1, с. 126]. Деятельность Сержа в качестве переводчика внесла заметный вклад в русско-французский литературный и политический диалог XX века: «Его статьи публикуются во французской левой периодике и вносят немалый вклад в обмен мнениями между русскими и французскими интеллектуалами. В СССР он принимает французских писателей, приезжающих для знакомства с новой Россией (Ж. Дюамель, Л. Дюртен, П. Истрати). Вырвавшись в 1936 г. из СССР на Запад, он встречается с А. Жидом, чтобы рассказать ему о сталинизме. Таким образом, Серж был одним из культурных посредников, представлявших во Франции благодаря своим статьям и переводам реалии советской литературы и судьбу ее авторов» [2, с. 184]. В статье исследователей Е.А. Легеньковой и Т.С. Таймановой подробно воссоздается история его переводческой деятельности, в том числе перевода романа Ф. Гладкова «Цемент», а также перевода на французский книги В.Н. Фигнер «Воспоминания революционерки». В конце 1925 г. Серж начинает работу над переводом отдельных томов собрания сочинений Ленина для Института В.И. Ленина, которые будут опубликованы во Франции в 1928–1929 гг. в издательстве “Éditions Sociales internationales” (ESI, осн. в 1927). В этом же издательстве вышли и другие книги, переведенные Сержем в период его работы в издательском отделе ИККИ [3].

Наряду с переводами для французского полного собрания сочинений В.И. Ленина Серж перевел первый советский учебник политэкономии, романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова (Gladkov F. Le ciment, Paris: ESI, 1928. 364 p.; Chaguinian M. Hydrocentrale. Paris: ESI, 1933

(coll. “Horizons”, 1933. 460 p.); Cholokhov M. Terres défrichées. Paris: ESI, 1933. 464 p.) [2, с. 184].

После смерти Ленина, в период борьбы Троцкого и Сталина за лидерство в партии, Серж примкнул к антисталинской левой оппозиции, за что в 1928 г. был исключен из партии и арестован в первый раз. Арест продлился 36 дней, затем Серж был отпущен, как он сам полагает, благодаря его международным и литературным связям, прежде всего с французскими писателями и издателями левого толка. После ареста и тяжелой болезни он решает отойти от партийной работы и целиком посвятить себя писательству, чтобы оставить достоверное свидетельство о русской революции, ее участниках, о годах, проведенных в СССР, — годах борьбы за социализм и сопротивления тоталитарному режиму: «“Если по воле случая, — сказал я себе, — я выживу, нужно будет срочно закончить начатые книги и писать, писать...” Я размышлял о том, что предстояло создать, обдумывал план цикла романов-свидетельств о моей незабываемой эпохе...» [1, с. 316]. Сознавая, что в качестве партийного работника он обречен на бездействие, находясь в оппозиции, он решил использовать собранные им множество заметок и документов о революции. Он взялся за написание «Года первого русской революции» и подготовку «Года второго», закончил роман «Люди в тюрьме». В своих воспоминаниях он подчеркивает, что его целью было «донести до людей то, чем живет большинство, не имеющее возможности высказаться, средство сопричастности, свидетельство о жизни, проживаемой всеми нами, сущность которой мы должны постараться сохранить для тех, кто придет после нас» [1, с. 318]. В этом он считал себя продолжателем лучших традиций русской литературы: «Русская интеллигенция с ранних лет внушила мне, что самый смысл жизни состоит в сознательном участии в историческом процессе. Со временем я только укрепился в таком убеждении. Это означает активно выступать против всего, что принижает людей, и участвовать в любой борьбе, ведущей к их освобождению и подъему. Пусть участие неизбежно омрачается ошибками, оно не перестает быть категорическим императивом» [1, с. 458]. Таким образом, между 1928 и 1933 гг. он написал одну историческую книгу и три романа, опубликованные во Франции и Испании. Из Парижа пришли одобрительные отзывы Жака Мениля, Магдалены Паз, «изумительного поэта» Марселя Мартине, Жоржа Дюамеля, Леона Верта, журнала «Эроп» (“Europe”). Речь идет о книгах-свидетельствах, носивших автобиографический характер: «Люди в тюрьме» (Les Hommes dans la prison. Paris: Rieder, 1930), «Рождение нашей силы» (Naissance de notre force. Paris: Rieder, 1931), «Завоеванный город» (Ville conquise. Paris: Rieder, 1932), «Белое море» (Mer blanche. Revue des Vivants, № 8, 9-10, août — septembre

1932). Перед Сержем закрылись все двери, хотя он и предпринял попытку опубликовать в СССР роман о своем пребывании во французской тюрьме¹: «В России ситуация была ясна. Мой старый друг Илья Ионов, директор Госиздата, бывший каторжанин, бывший оппозиционер-зиновьевец, запретил печатать мой первый роман, уже переведенный, откорректированный и набранный. Я отправился к нему: “То, что мне сообщили — правда?” — “Правда. Вы можете создавать по шедевр в год, но пока вы не примкнете к линии партии, ни одна ваша строчка не увидит света!”» [1, с. 319]. Один экземпляр этой книги, тираж которой не увидел свет, сохранился в спецфонде библиотеки им. В.И. Ленина: Серж В. 1825 дней. М.-Л., 1930. Несмотря на публикацию своих произведений за границей, Серж не мог получать гонораров, находясь в СССР, и едва сводил концы с концами, имея на руках семью, состоящую из маленького ребенка и заболевшей психически жены: «Мне приходилось вести тяжкую борьбу за хлеб насущный для моей семьи в обществе, где передо мной были закрыты все двери, и люди на улице зачастую боялись пожать мне руку. Каждый день, без страха, но лишь заботясь о жилье, здоровье жены, образовании сына, я задавался вопросом, не буду ли арестован ночью. Для своих книг я разработал особую форму: они должны состоять из отдельных частей, которые можно завершать независимо друг от друга и тотчас же отправлять за границу; чтобы их в крайнем случае можно было опубликовать такими, как есть, без продолжения; иная композиция была бы затруднительна для меня» [1, с. 318].

В 1929 г. в Ленинграде выходит книга Сержа «Французская литература после войны» в переводе А.Н. Горлина². Однако в конце 1929 г. Серж принял окончательное решение уехать с семьей во Францию: «Из года в год, начиная с 1928-го, круг беспрестанно сужается... Я попросил загранпаспорт и написал по этому поводу очень ясное и твердое письмо генсеку ВКП(б). Мне известно, что он его получил, но ответа я не дождался» [1, с. 340]. В этих условиях Серж и его друзья во Франции пытаются привлечь внимание к его трагической ситуации: «Мой арест, наделавший некоторый шум в Париже, показался неудобным в высших кругах» [1, с. 293].

Началом борьбы французских писателей в защиту Сержа, вина которого состояла в том, что он оказался «неудобным свидетелем», обладающим острым умом и бесстрашием потомственного революционера, стало написанное Горькому письмо редактора

издательства «Ридер» (Rieder), издававшего произведения Сержа во Франции (и авторитетный журнал «Эроп»), писателя и публициста левых взглядов Жана-Ришара Блока с просьбой помочь Сержу выехать из СССР. Письмо подписали еще четыре французских интеллектуала, известных своими просоветскими и социалистическими взглядами, Шарль Вильдрак, Жан Геенно, Леон Верт, Франсис Журден:

Мой дорогой Максим Горький,

Вы знаете Виктора Сержа. Мы тоже его знаем как одного из писателей, наиболее активно способствующих тому, чтобы во Франции узнали и полюбили Русскую революцию и Советскую Россию.

Совокупность обстоятельств делает совершенно необходимым приезд во Францию Виктора Сержа и его семьи. Скажем только о самых неотложных: его жена тяжело больна, она нуждается в лечении и отдыхе, это лечение и отдых сможет ей обеспечить здесь группа друзей, которая возьмет на себя все материальные расходы.

Вы также понимаете, что писатель, надолго оторванный от своего привычного окружения и культуры, после пятнадцати лет, нуждается в контакте с языком, на котором он пишет, ему необходимо быть в курсе литературной продукции, изучать ее, обновить то, что является предметом и инструментом его работы, и так как он издает свои произведения во Франции, ему необходимо заниматься их публикацией.

Уже больше года Виктор Серж ходатайствует о разрешении выехать во Францию, уже год его многочисленные друзья готовят к его пребыванию здесь, беспokoятся по этому поводу.

Мы обращаемся к Вам, Максим Горький, без всякой задней мысли. Ожидание ответа на просьбу Виктора Сержа (такую справедливую и понятную) мы сначала связывали с административными проволочками. Если была другая причина, если Советское правительство опасается каких-то нападков со стороны этого писателя, мы предвидим это замечание и заранее утверждаем, что ни на мгновение не сомневаемся в прямоте Виктора Сержа, человека, совершенно неспособного на низость и коварство, его преданность Революции никогда не подвергнется сомнению.

Просим Вас незамедлительно помочь Сержу в его ходатайстве, никакого вреда Русской революции это не принесет; наоборот, если, благодаря Вашему вмешательству, дата отъезда Виктора Сержа приблизится, писатель такого огромного значения сможет продолжать творить, человек будет спасен.

Мы уже благодарны Вам за все, что Вы сделаете для нашего друга, и мы счастливы предоставившейся нам возможности высказать Вам нашу горячую привязанность.

Жан-Ришар Блок, Шарль Вильдрак, Ж<ан> Геенно, Леон Верт, Франсис Журден³.

Как мы видим, это письмо написано в сложный для Сержа момент, когда он разуверился в возможности продолжать писательскую деятельность в СССР и не имел средств поддерживать существование своей семьи переводами, гонорары

¹ Перевод романа Сержа с франц. яз. сделал его друг «лжеский инженер» А.Н. Горлин, сотрудник Госиздата, которому О. Мандельштам посвятил «Балладу о горлинках» (1924).

² Серж В. Французская литература после войны. Л.: Издательство «Красная газета», 1929.

³ Архив А.М. Горького. АГ КГ-инФ 1-28-2. Перевод с франц. автора статьи.

за которые были ничтожными. Обращение к Горькому не случайно. Когда Серж приехал в Петроград в 1919 г., Горький тепло принял его, так как во времена голодной юности был связан с семьей матери Сержа, которая жила в Нижнем Новгороде. Серж оставил в своих воспоминаниях портрет Горького той поры: «Его квартира на Кронверкском проспекте, полная книг и предметов китайского искусства, показалась мне теплой, как оранжерея. Сам он, зябкий, в своей толстой серой вязаной фуфайке, часто кашлял, уже тридцать лет борясь с туберкулезом. <...> Я сразу распознал в нем замечательного, беспристрастного, беспощадного свидетеля революции, и именно как свидетель он говорил со мной. Очень суровый по отношению к большевикам, “опьяненным властью”, которые “направляли неистовый стихийный анархизм русского народа”, “возрождали кровавый деспотизм”» [1, с. 91–92]. Горький предложил Сержу работу в издательстве «Всемирная литература», но тот отказался, собираясь служить революции: «Я встретил там лишь стареющих или озлобленных литераторов, пытающихся уйти от действительности, переводя Боккаччо, Кнута Гамсуна и Бальзака. Мой выбор был сделан, я не против большевиков и не нейтрален по отношению к ним, я буду с ними, но сохраняю свою свободу, не отрекшись от способности мыслить критически» [1, с. 95]. В тот момент и сам Горький отошел от литературы и писал только письма и ходатайства, пытаясь спасти от голода и репрессий интеллигенцию — «мозг нации», «ломовую лошадь культуры»: «Я часто встречал в ЧК того, кого в глубине души стал величать Великим Заступником — Максима Горького. Он изводил своими ходатайствами Зиновьева и Ленина, но почти всегда добивался успеха. В сложных случаях я обращался к нему; он никогда не отказывал. Горький сотрудничал в “Коммунистическом Интернационале”, споря с Зиновьевым по поводу каждой фразы в публикациях. Однажды он принял меня, рыча от бешенства, когда я пришел по поручению Зиновьева. “Не желаю больше слышать об этой сволочи, — воскликнул Горький, — и передайте ему, что его палачи позорят род людской!”» [1, с. 102]. К Великому Заступнику и обратились французские писатели с просьбой о помощи. Серж отдавал себе отчет, что ему в любой момент грозил арест, тучи над ним сгущались. Горький до 1933 г. жил в Сорренто, а в СССР проводил только летние месяцы. Летом 1932 г. Горький был в Москве, но, по всей видимости, не ответил на присланное ему письмо французских писателей, так как месяц спустя Серж пишет его секретарю Крюкову письмо с просьбой уточнить, дошло ли письмо до Горького:

Ленинград, ул. Желябова, 19 кв. 4

28 сентября 32

Многоуважаемый тов. Крючков!

Пять французских писателей, мои друзья Charles Vildrac, Léon Verthe, Francis Jourdain, Jean-Richard Bloch и Jean Guéhenno обратились в начале июля м<есяца> с письмом к Алексею Максимовичу.

Так как это письмо касается меня и так как эти французские писатели не получили до сих пор ответ, мне важно было бы знать, дошло ли это письмо, вероятно, посланное по почте, заказным, до Алексея Максимовича?

С товарищеским приветом

Victor Serge
(В.Л. Кибальчич)⁴

По иронии судьбы Серж жил в Ленинграде на улице, носящей имя революционера-народовольца Андрея Желябова, с которым были связаны старшие члены его семьи. Неизвестно, получил ли Серж ответ от Крюкова. Однажды Серж случайно встретил Горького в Москве (тот проезжал мимо в открытом «линкольне») и нашел его переменявшимся: «Один, откинувшись на заднее сиденье “линкольна”, он показался мне отделенным от улицы, от московской жизни... Он писал плохие статьи, полные режущих софизмов, оправдывая чудовищные процессы советским гуманизмом! Что происходило в его душе? Нам было известно, что он продолжает брюзжать, раздражителен, что обратная сторона его суровости — протест и страдание. Мы говорили друг другу: “Однажды он взорвется!”» [1, с. 325]. После этой случайной встречи Серж сделал попытку увидеть Горького, но «его секретарь (из ГПУ), здоровенный тип в пенсне, ничтожество с донельзя подходящей фамилией Крючков, закрыл передо мной дверь. (Крючков был расстрелян в 1938 году.)» [1, с. 326]. Однако Горький все-таки занялся «делом Сержа», и одной из причин, побудивших его вмешаться в судьбу неистового революционера, стало участие в «деле Сержа» его французского друга Р. Роллана, с которым Горький двадцать лет состоял в переписке. Хотя Роллан не сочувствовал Сержу в его революционной борьбе, будучи пацифистом и отвергая любое насилие, но круг писателей журнала «Эроп», который издавал Роллан и к которому принадлежали писатели, подписавшие письмо Горькому, продолжал настаивать на возвращении Сержа во Францию, тем более что очень скоро он был арестован и без суда и следствия выслан на три года в Оренбург с сыном-школьником без средств к существованию.

Писатели, обратившиеся к Горькому, участники Первой мировой войны, ставшие убежденными пацифистами, социалисты, участники барбюсовской группы «Кларте» (“Clarté”), а затем

⁴ Архив А.М. Горького. АГ КК-рл 13-60-1.

ролландовского журнала «Эроп», в разное время неоднократно посещали СССР и считали своим долгом поддержать социальный эксперимент по строительству социализма в «стране победившего пролетариата». Их взгляды были далеки от революционного радикализма Виктора Сержа, но общее прошлое (группа «Кларте»), общее настоящее (издательство «Ридер» и журнал «Эроп», а также работа в социалистических издательствах) заставили их принять активное участие в судьбе своего собрата по перу, посылавшего им непрерывные сигналы SOS, начиная с 1928 г. В дальнейшем их судьбы сложились по-разному, но они остались «друзьями СССР» (за исключением Ж. Геенно, пересмотревшего свое отношение к СССР после московских процессов 1937–1938 гг.), в отличие от Сержа, который считал, что допущенные большевиками ошибки (террор, отказ признать ценность человеческой жизни) не позволят им построить гражданское общество в России.

Так, автор письма Ж.-Р. Блок в 1920 г. поддержал решение Турского съезда Французской секции Рабочего интернационала о присоединении к Коминтерну, результатом которого стало основание Компартии Франции и сближение с Советской Россией. Как и Серж, он сотрудничал с группой «Кларте» А. Барбюса, а в 1920-е годы работал в издательстве «Ридер», которое издавало журнал «Эроп», основанный в 1923 г. Блоком и Р. Ролланом. В этом издательстве публиковались не только романы-свидетельства В. Сержа, но и произведения Панаита Истрати, еще одного коммунистического «диссидента», соавтора Сержа в трилогии «К другому пламени: Исповедь для проигравших» (*Vers l'autre flamme*, 1929), написанной после поездок Истрати в СССР в 1927–1928 гг. Непосредственный редактор этих свидетельств, Блок посетил СССР в августе–декабре 1934 г., участвовал в работе Первого съезда советских писателей, лично познакомился с А.М. Горьким⁵. В результате этой поездки и после политического кризиса 6 февраля 1934 г. Блок стал убежденным сталинским пропагандистом, борцом за Народный фронт, вступил в Комитет бдительности антифашистской интеллигенции и Ассоциацию революционных писателей и художников. Он принял активное участие в организации и работе Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже в 1935 г. Вместе с Луи Арагоном Блок основал ежедневную коммунистическую газету «Ce Soir» в марте 1937 г. Второй подписавший письмо участник кампании в защиту Сержа, поэт Ш. Вильдрак (1882–1971),

один из основателей литературной группы «Аббатство», приверженец социальной «поэзии будней», пацифист, сын коммунара и либертарианец, участник группы «Кларте», посетил Москву в 1928 г., а затем в 1935 г. Он стал, как и Блок, «попутчиком» и «другом СССР», защищал страну Советов в книгах «Новая Россия» (*Russie neuve (voyage en U.R.S.S.)*, 1937), «Детство в СССР» (*L'enfance en URSS*, 1944) и др. Архитектор Франсис Журден был, как и Серж, сторонником анархизма, а затем социализма и коммунизма. Делегат Первой международной конференции пролетарских и революционных писателей (1927) в Москве, он участвовал в праздновании 10-летия Октября и стал членом Ассоциации революционных писателей и художников (1932), а в 1935 г. был избран генеральным секретарем Международного комитета борьбы против войны и фашизма. Эльзасец Леон Верт, французский романист, социалист-пацифист, был другом О. Мирбо и А. де Сент-Экзюпери, посвятившего ему свою знаменитую сказку «Маленький принц». Автор антивоенных романов «Клавель солдат» (*Clavel soldat*, русск. пер.: «Клавель солдат». М.: ЗИФ, 1926) и «Клавель у старейшин» (*Clavel chez les Majors*, 1917–1918, изд. 1922), в которых изображаются переживания солдата-интеллигента во время войны 1914–1918 гг., Верт неоднократно высказывался в пользу Советской России. Геенно, стоящий в тот момент во главе журнала «Эроп» (с 1929 г.), так же как и остальные участники коллективного письма, воевал в Первую мировую войну, служил пехотным офицером, был ранен. Окончив Высшую нормальную школу, Геенно преподавал в престижных парижских лицеях Лаканаль, Генриха IV и Людовика Великого. Но его больше, чем преподавание, интересовали литература и политика. Поклонник Октябрьской революции, которую он приветствовал в разгар войны, Геенно отказался вступить в Компартию Франции, родившуюся на конгрессе в Туре в декабре 1920 г., так как был сторонником концепции рабочего единства Ж. Жореса. Однако революционная Россия увлекла его до такой степени, что в 1928–1929 гг. он занялся биографией Ленина, изучением русского языка, вступил в переписку с другом Сержа Пьером Паскалем, с которым он когда-то учился в Высшей нормальной школе, работавшим, как и Серж, переводчиком в Институте Маркса-Энгельса в Москве, и Морисом Парижанином, журналистом L'Humanité, переводчиком Троцкого для издательства «Ридер», свидетелями первых лет Советской России. Однако биография Ленина так и не была написана, и в дальнейшем Геенно не пожелал отречься от прав личности во имя коллективного прогресса. Он никогда не вступал в Ассоциацию революционных

⁵ Блок Ж.-Р. Встречи с Горьким // Интернациональная литература. 1941. № 6.

писателей и художников, но и не пополнил ряды крайне левых радикалов (Виктор Серж, Борис Суварин, Андре Бретон, Анри Пулай), чей пацифизм и антисталинизм могли бы быть ему близки. В 1932–1933 гг. Геенно колебался, стоит ли вовлекать руководимый им журнал «Эроп» в кампанию за возвращение Сержа во Францию. Как сторонник СССР, Геенно был приглашен на Первый съезд советских писателей в Москве летом 1934 г., вместе с Ж.-Р. Блоком и А. Мальро. Однако, в отличие от Блока и Мальро, от приглашения отказался, увидев в этом «искушение», чреватое потерей свободы [4]. В 1935 г. он участвует в работе Парижского конгресса в защиту культуры. Его восхищение советским социальным опытом продолжалось вплоть до московских процессов, когда он выступил против смертных казней членов антисталинской оппозиции в статье «Напрасная смерть» (1937). Несмотря на свои социалистические взгляды, он отвергал концепцию «диктатуры пролетариата» и, в отличие от Ж.-Р. Блока или Р. Роллана (до «германо-советского пакта»), так и не стал безоговорочным сторонником советского режима.

Не получив ответа от Горького, 16 октября 1932 г. Серж отправил письмо с просьбой разрешить покинуть СССР в ЦИК СССР. Отказ от 31 декабря 1932 г. был получен им 16 января 1933 г. Серж пишет М. Мартине: «Я только что получил официальный ответ [...] немотивированный отказ» (V. Serge à M. Martinet. 10 octobre 1932, Léningrad. Fonds Marcel Martinet, №35, BNF) [2, с. 184–185]. Вскоре его арестовали, а затем выслали на три года в Оренбург без суда. После этого «делом В. Сержа» начинает заниматься Р. Роллан, его письма к Горькому этого периода полны настойчивых ходатайств об отмене ссылки (так как формально обвинение не было предъявлено) и получении паспортов для Сержа и его семьи для выезда во Францию. Так, 20 марта 1933 г. Роллан впервые пишет о Серже Горькому в Сорренто: «В Париже поднят шум вокруг имени Виктора Сержа. У него есть очень пылкие друзья среди таких видных людей, как Марсель Мартине, Леон Верт, Вильдрак, и они хотели бы добиться его выезда из СССР (оплатив все требуемые расходы). — Но я узнал сегодня утром от одного из них, что Серж арестован; и меня заклиняют вступить за него. Должен Вам искренне признаться, что лично я не знаком с Сержем, знаю его только как писателя (причем его большой талант не подлежит сомнению). Но чувство дружбы, которое он сумел внушить уважаемым мною людям, говорит в его пользу. И надо учитывать, как взволновал их его арест. Могу ли я просить Вас сообщить об этом в Москву и, узнав о причинах ареста

Сержа, вступить за него, если Вы сочтете это возможным» [5, с. 262]. 6 мая 1933 г. Горький отвечает Роллану: «Тотчас по приезде узнаю о Викторе Серже и сообщу Вам» [5, с. 266]. Кульминацией «дела Сержа» становится выступление его сторонников на Парижском конгрессе в защиту культуры и беседа Роллана со Сталиным в Кремле в это же время во время визита Р. Роллана и М.П. Кудашевой-Роллан в СССР, о чем Роллан оставил свидетельство в своем «Московском дневнике» (1935). Международная кампания в прессе, выступления в печати французских писателей — коммунистов, социалистов и анархистов (М. Мартине, Ш. Вильдрака, Ж. Геенно, Ж.-Р. Блока, Ф. Журдена, Л. Верта, Дюамеля и мн. др.), вмешательство Роллана, получившего лично от вождя обещание освободить В. Сержа («Он нам не нужен, и мы его можем отпустить в Европу в любой момент») [6, с. 108] не останавливались до самого отъезда Сержа из СССР. В «Московском дневнике» есть сцена с Г.Г. Ягодой, наркомом внутренних дел, генеральным комиссаром государственной безопасности и соседом по даче Горького в Горках, когда Роллан заводит разговор о рукописи Сержа, задержанной Главлитом. Ягода объясняет Роллану, что Главлит ему не подчиняется. Роллан, разумеется, не верит Ягоде. Через два дня Роллан получает рукопись для прочтения с обещанием вернуть ее перед отъездом. Ягода постоянно присылает Роллану и его жене букеты цветов. Перед отъездом Ягода вновь передает Роллану «еще целые охапки цветов! — но не рукопись Сержа, которую я просил» [7, с. 156].

Уезжая из Москвы, Р. Роллан написал письмо Г.Г. Ягоде (18 июля 1935 г.), напоминая ему об обещании вернуть рукопись романа Сержа о французских анархистах: «Будет очень досадно, если я, как и некоторые из моих друзей, ранее занимавшиеся этим вопросом (а именно, Жан-Ришар Блок), вернусь на Запад с пустыми руками и не смогу показать точных документов. Вы не должны думать, что французское общественное мнение было успокоено заявлениями, сделанными на конгрессе писателей: сведения, которые я получил после конгресса, убеждают меня, что этим делом решили продолжать заниматься. Даже такой страстно преданный советскому делу человек, как Жан-Ришар Блок, активно занимается им. У меня есть основания думать, что Жид и Мальро также не перестали им интересоваться. Поэтому было бы совершенно необходимо, чтобы я привез туда литературную рукопись и верные доказательства, чтобы успокоить умы... Я считаю так же, как и Вы, что для СССР будет лучше отправить Сержа на Запад... лучшей политикой будет освободиться от

него, выслав его из СССР, может быть, по отбытии им срока, через год (но объявив ему об этом официально уже сейчас), а пока предоставить ему возможность заниматься литературной деятельностью при осуществлении контроля цензурой и посылать рукописи романов на Запад, так как нужно избежать ложного впечатления, которым может воспользоваться кое-кто из врагов СССР, будто его лишают средств к существованию. В качестве дополнительных сведений сообщаю, что в то время, как в СССР мало придают значения литературным трудам Виктора Сержа, французские писатели ценят их»⁶. Просьбу Роллана поддержала М.П. Кудашева-Роллан, со своей стороны неоднократно напоминая в своих письмах секретарю Горького Крючкову об обещании Сталина [9].

Виктор Серж прекрасно понимал политическую конъюнктуру, позволившую ему выжить: «Вопреки опасениям, я не сгинул, а вернулся домой. Это произошло потому, что во Франции вокруг меня разгорелась упорная борьба. Общественные деятели и интеллектуалы требовали моего освобождения или обоснования ссылки. Им обещали устроить процесс по всем правилам — но он не состоялся; им обещали документацию по делу — но она не поступила. Им обещали, что меня немедленно освободят — но я оставался в неволе. В тот момент, когда советская политика искала поддержки левых кругов Франции, это было помехой» [1, с. 382].

Окончание «дела» Сержа связано с именем Е.П. Пешковой и созданной ею организацией Помощи политзаключенным, о чем Серж впоследствии вспоминал с глубокой благодарностью: «В Политическом Красном Кресте, среди мелких контор, заполонивших Кузнецкий мост, в двух шагах от высокого квадратного здания ГПУ, нас приняли Екатерина Павловна Пешкова и ее сотрудник Винавер, бывший либеральный адвокат. Екатерина Павловна еще носила фамилию Горького, женой которого была и преданной подругой оставалась. Доверие Ленина помогло ей во времена красного террора создать организацию помощи политзаключенным, кем бы они ни были, которую ЧК, а затем ГПУ терпели, относясь к ней уважительно и одновременно враждебно. Пешковой удавалось делать свое нелегкое дело, пользуясь абсолютным доверием как жертв, так и инквизиторов! Год за годом эта худая, печальная женщина с прекрасными серыми глазами, одевавшаяся элегантно и просто, окруженная

немногими неутомимыми помощниками, оказывала помощь, посредничество и заступничество жертвам всех волн террора, которые беспрерывно следовали одна за другой. Убежден, никто на свете в этом столетии не соприкасался так близко со столькими несчастьями, фатальностями, злодействами, неотвратимыми или нелепыми трагедиями. Пешкова жила в тайном аду, хранительница бесчисленных секретов, и каждый был смертельным, как злейший яд. Она не уставала и не теряла мужества, какими бы черными ни были времена — и для нее одной все времена революции были черными. Связанная с секретностью, она осталась неизвестной широкому миру. Я знал столько о ее тяжком труде, что мог бы написать целую главу, но это не входит в мою задачу» [1, с. 391–392]. Едва ли в XX, да и XXI в. кто-то лучше написал о «преданной подруге» А.М. Горького Е.П. Пешковой, поставив ей памятник в веках! Роллан пользовался возможностью на правах друга СССР обращаться с вопросами и просьбами к Горькому и некоторым партийным деятелям, с которыми был в переписке. Однако смерть Горького, совпавшая со сменой политического курса сталинского руководства, лишила его этой возможности. Свою правозащитную деятельность он мог вести только через А.М. Горького. В дальнейшем все просьбы его оставались без ответа.

Покидая СССР, Серж писал в мае 1936 г.: «Режим никогда не выпускает строптивцев, для коммуниста-оппозиционера, для свободного писателя, для подобного мне неудобного свидетеля, равно как и для всех строптивцев: социалистов, анархистов, синдикалистов, левых коммунистов, троцкистов и прочих, в СССР не бывает ни амнистии, ни освобождения, ни вообще возможности хоть как-нибудь жить» [10]. Однако и во Франции «строптивцы» были вне закона, поэтому Серж не получил французской визы, ему в ней было отказано французским правительством, премьер-министром которого был Пьер Лаваль, за год до этого подписавший с СССР договор о взаимопомощи. Благодаря вмешательству влиятельного бельгийского социалиста Э. Вандервельде Серж получил разрешение на въезд в Бельгию с сыном Владимиром. В 1940 г., в период немецкой оккупации, они уехали в Мексику, где Серж погиб при невыясненных обстоятельствах в 1947 г. Введенные в научный оборот письма являются важным свидетельством советско-французских контактов 1930-х годов и писательской солидарности в среде левой интеллигенции. Они показывают эффективность политических стратегий французских левых интеллектуалов в их попытке оказывать влияние на социально-политические процессы внутри левого движения, а также в попытке гуманизации сталинского режима.

⁶ Письмо хранилось в архивно-следственном деле по обвинению Рыкова, Ягоды и др. По решению Военной прокуратуры 10 декабря 1956 г. письмо было передано в Институт мировой литературы им. А.М. Горького. См. об этом: [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: НПЦ «Праксис»; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. 686 с.
2. Легенькова Е.А., Тайманова Т.С. Судьба Виктора Сержа как переводчика // *Rossica*. 2021. № 1. С. 181–223.
3. Bouju M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956. *Nouvelles Fondations* 7–8, décembre 2007, pp. 260–265. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>
4. Racine N. Jean Guéhenno dans la gauche intellectuelle de l'entre-deux-guerres // *Jean Guéhenno: guerre et paix*. Presses universitaires du Septentrion, 2009. P. 73–90.
5. Архив А.М. Горького. Том 15. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1996. 544 с.
6. Сталин И.В. Беседа с Ромэном Ролланом 28 июня 1935 года (Окончательный текст) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 99–110.
7. Роллан Р. Наше путешествие с женой в СССР // *Вопросы литературы*. 1989. № 3–5. № 5. С. 151–189.
8. Неизвестный Горький. Серия «Горький и его эпоха. Материалы и исследования». Вып. 3. М.: Наследие, 1994. 327 с.
9. Ариас-Вихиль М.А. «Дело Виктора Сержа» в письмах М.П. Кудашевой-Роллан (по материалам Архива А.М. Горького) // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2017. Т. 76. № 6. С. 48–51.
10. Серж В. Годы без пощады // *Урал*. 2002. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2002/6/gody-bez-poshhady.html>
- [From Revolution to Totalitarianism: Memoirs of a Revolutionary. Transl. from French Yu.V. Guseva, V.A. Babintsev. Moscow: NPC “Praxis” Publ., Orenburg: Orenburg Book Publ., 2001. 686 p. (In Russ.)]
2. Legenkova, E.A., Taimanova, T.S. *Sudba Viktora Serzha kak perevodchika* [Victor Serge the Translator]. *Rossica*. 2021. No. 1, pp. 181–223. (In Russ.)
3. Bouju, M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956. *Nouvelles Fondations* 7–8, décembre 2007, pp. 260–265. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm> (In French)
4. Racine, N. Jean Guéhenno dans la gauche intellectuelle de l'entre-deux-guerres. *Jean Guéhenno: guerre et paix*. Presses universitaires du Septentrion, 2009, pp. 73–90. (In French)
5. *Arkhip A.M. Gorkogo. Tom 15. M. Gorkij i R. Rolland. Perepiska (1916–1936)* [Archive of A.M. Gorky. Volume 15. M. Gorky and R. Rolland. Correspondence (1916–1936)]. Moscow: Nasledie Publ., 1996. 544 p.
6. Stalin, I.V. *Beseda s Romenom Rollanom 28 iyunya 1935 goda (Okonchatelnyj tekst)* [Conversation with Romain Rolland on June 28, 1935 (Final Text)]. Stalin, I.V. *Essays*. Vol. 18. Tver: Information and Publishing Center “Soyuz” Publ., 2006, pp. 99–110. (In Russ.)
7. Rolland, R. *Nashe puteshestvie s zhenoj v SSSR* [Our Journey with My Wife in the USSR]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1989, No. 3–5, No. 5, pp. 151–189. (In Russ.)
8. *Neizvestnyj Gorkij. Seriya “Gorkij i ego epokha. Materialy i issledovaniya”* [Unknown Gorky. Series “Gorky and His Era. Materials and Research”]. Vol. 3. Moscow: Nasledie Publ., 1994. 327 p. (In Russ.)
9. Arias-Vikhil, M.A. “*Delo Viktora Serzha*” v pismakh M.P. Kudashevoj-Rollan (po materialam Arkhiva A.M. Gorkogo) [“The Victor Serge Case” in the Letters of M.P. Kudasheva-Roland (Based on the Gorky Archive Materials)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 6, pp. 48–51. (In Russ.)
10. Serge, V. *Gody bez poshhady* [Years Without Mercy]. *Ural*. 2002, No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2002/6/gody-bez-poshhady.html> (In Russ.)

REFERENCES

1. Serge, V. *Ot revolyucii k totalitarizmu: Vospominaniya revolyucionera. Per. s francz. Yu.V. Gusevoj, V.A. Babinceva*

Дата поступления материала в редакцию: 30 ноября 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 декабря 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
 Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on November 30, 2023
 Revised on December 23, 2023
 Accepted on April 15, 2024
 Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030107

Джордж Кеннан как один из прототипов англичанина в романе «Воскресение» Л. Н. Толстого

© 2024 г. Г. В. Алексеева

Кандидат филологических наук,
научный руководитель музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский район, д. Ясная Поляна
gala@tgk.tolstoy.ru

Резюме. В статье рассматривается гипотеза, что одним из прототипов англичанина в романе «Воскресение» является американский журналист, путешественник и писатель Джордж Кеннан, посетивший Л.Н. Толстого в Ясной Поляне летом 1886 г. Книга Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» входит в круг источников этого произведения, и можно проследить несомненные параллели в описании сибирского этапа, некоторых ссыльных, встреченных Кеннаном, гостиниц Иркутска, в которых он останавливался. Хотя ранее высказывались предположения о миссионере Ф.В. Бедекере или журналисте Г. Уиндте как о возможных прототипах англичанина, тем не менее изучение черновых вариантов романа, архивных и других источников убеждает, что все-таки Кеннан, если не единственный, то один из наиболее вероятных прототипов англичанина в «Воскресении» Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман «Воскресение», Джордж Кеннан, англичанин, источники, прототипы.

Для цитирования: Алексеева Г.В. Джордж Кеннан как один из прототипов англичанина в романе «Воскресение» Л.Н. Толстого // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 101–106. DOI: 10.31857/S1605788024030107

George Kennan as a Prototype of the Englishman in the Novel *Resurrection* by Leo Tolstoy

© 2024 Galina V. Alekseeva

Cand. Sci. (Philol.),
Scholarly director of the State Memorial and Nature Preserve
Museum-Estate of Leo Tolstoy “Yasnaya Polyana”
Russia, 301214, Tula region, Shchekinsky district, Yasnaya Polyana village
gala@tgk.tolstoy.ru

Abstract. This article is based on the hypothesis that George Kennan, the American journalist, traveler, and writer, who visited Tolstoy at Yasnaya Polyana in summer of 1886, was one of the prototypes of the Englishman in Tolstoy's novel *Resurrection*. The book *Siberia and the Exile System* by George Kennan was one of the sources of *Resurrection*. We can trace the certain parallels in the description of the Siberian prison stage, some exiles whom Kennan met, the hotels in Irkutsk where he used to stay. Though earlier there were some speculations about the missionary F.W. Baedeker and the journalist Harry de Windt as the possible models of the Englishman in *Resurrection*. Yet the research of the draft versions of *Resurrection*, archival and other sources testify to the fact that still Kennan, if not the only one, but one of the most feasible prototypes of the Englishman in *Resurrection*.

Key words: L.N. Tolstoy, novel *Resurrection*, George Kennan, Englishman, sources, prototypes.

For citation: Alekseeva, G.V. *Dzhordzh Kennan kak odin iz prototipov anglichanina v romane "Voskresenie"* L. N. Tolstogo [George Kennan as a Prototype of the Englishman in the Novel *Resurrection* by Leo Tolstoy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 101–106. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030107

В критической литературе о романе «Воскресение» уже мелькало предположение о Дж. Кеннане как прототипе англичанина, с которым в Сибири встречается Нехлюдов, но есть также предположения, что прототипом англичанина и проповедника Кизиветтера были немецкий миссионер Ф.В. Бедер (1823–1906) или английский журналист Г. Уиндт¹.

Книга Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка», по мнению Н.Н. Гусева, Н.К. Гудзия и других исследователей, явилась несомненным источником «Воскресения»². Джордж Кеннан в 1865 г. в двадцать один год начинает карьеру специалиста по русским вопросам как инженер-телеграфист в Русско-американской телеграфной экспедиции, а к 1886 г. он уже имеет репутацию крупнейшего знатока России. Ко времени его встречи с Толстым, после двадцатилетних экспедиций по бескрайним просторам России, Кеннан пережил трансформацию от страстного апологета русской политики и российского устройства до непримиримого антагониста царского правительства, что, впрочем, впоследствии привело его к глубочайшему разочарованию в советской власти, установившейся в стране, которую он так хорошо знал и так сильно любил, и Февральской революции, которую он так радостно приветствовал.

Поводом для встречи Кеннана с Толстым послужили просьбы политзаключенных, с которыми Кеннан встречался во время путешествий по Сибири. Многие из них знали русского писателя лично или находились с ним в переписке. Именно они убедили Кеннана повидаться с Толстым и рассказать ему все, что было ему известно об их ужасающем положении, более того — они передали ему документы о голодовках и других акциях протеста политических заключенных с просьбой вручить их великому писателю³.

¹ Срезневская О.И. Доктор Бедер, прототип Кизиветтера и англичанина в «Воскресении» // Толстой. Памятники творчества и жизни. 3 / Ред. В.И. Срезневского. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923; Меламед Е. Бедер или Виндт (О прототипе «англичанина» в романе Л.Н. Толстого «Воскресение») // Вопросы литературы. 1978. № 7. С. 304–308.

² См. Т. 33, комм. С. 391–392.

³ Алексеева Г.В. Американские диалоги Льва Толстого. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. С. 137–154 (глава 7 «Джордж Кеннан»).

Встреча Толстого и Кеннана произошла в июне 1886 г. в Ясной Поляне, куда Кеннан прибыл поездом из Москвы. В это время он работал в Сибири по заданию журнала «Century», президент которого поручил ему сделать очерк о сибирских тюрьмах. На вопросы Толстого о Сибири Кеннан начал страстно повествовать о произволе тюремной администрации, о крайне тяжелом положении заключенных. Но реакция Толстого была неожиданной для американского журналиста: «По всей видимости, он был в целом осведомлен на эту тему и имел сформировавшиеся взгляды, которые невозможно было поколебать некоторыми дополнительными фактами, мало отличавшимися от того, что он уже знал» [2, с. 256]. В ответ на ремарку Кеннана о справедливости противления подобному злу, Толстой начал излагать взгляды, провозглашенные в недавно написанном трактате «В чем моя вера?»: «Он делал особенный упор на учение о непротивлении злу насилием, которое, как он сказал, находится в соответствии с учением Христа и человеческим опытом <...> “Революционеры, которых вы видели в Сибири, — говорил Толстой, — решили противиться злу силой и каков результат? Горечь, отчаяние, ненависть и кровопролитие! Зло, против которого они подняли руку, по-прежнему существует, а себе они принесли неведомые ранее страдания”» [Там же].

Несмотря на многочисленные примеры жестокости, известные Кеннану из опыта путешествий по Сибири, Толстой оставался непоколебимым в своих убеждениях: «Если я увижу, что медведь в лесу готов убить человека, я запущу топор в голову зверя, но я не трону человека, готового сделать то же самое» [Там же]. Даже самые страшные случаи жестокости, поведенные Толстому Кеннаном, не могли повлиять на него. Он был непреклонен: «Одно зло, помноженное на другое, не приносит добра, а только увеличивает пространство зла», — повторял он [2, с. 257].

Частые обращения Толстого к Новому Завету как единственному руководству для человеческого поведения, по мнению Кеннана, могут создать впечатление о Толстом как о глубоко православном христианине, но исходя из его доктринерских постулатов, это далеко не так. Его религия, в понимании Кеннана, это религия этого мира, учение Христа для него — это лучшая и благороднейшая философия этой жизни, он не хочет

признавать никакого смягчения или трактовки заповедей путем интерпретаций.

В письме к В.Г. Черткову от 28–29 июня 1886 г. Толстой пишет о Кеннане: «Да, еще посетитель у меня был, Американец, путешественник, которому я дал письмо к вам в Лондон — очень милый — приятный и искренний человек, хотя с разделенной перегородками душой и головой — перегородками, о которых мы, русские, не имеем понятия, и я всегда недоумевал, встречая их» [1, т. 85, с. 363–364]. Рекомендательное письмо, которое Толстой упоминает, хранится в фонде Кеннана, в Библиотеке Конгресса. Интересно, что на вопрос Янжула, верно ли Кеннан изобразил свое посещение, Толстой ответил: «Конечно, верно. Ведь Кеннан не какой-нибудь корреспондент русской газеты, который четверть часа проболтает, а потом сообщит три короба разного вздора из головы. Кеннан — истинный джентльмен и человек своего слова» [3, кн. 1, с. 418].

Спустя два года имя Кеннана появляется на страницах дневника Толстого, 26 ноября 1888 г.: «Суждения о Русском правительстве Kennan’a поучительны: Мне стыдно бы было быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылатъ в Сибирь тысячи и в том числе 16-летних девушек» [1, т. 51, с. 5]. В ноябре 1888 г., за год до начала работы над романом, Толстой читает в журнале “Century” работу Кеннана “Political Exiles and Common Convicts in Tomsk”.

Толстой воспринял американского журналиста определенно положительно, что не всегда случалось при встречах с иностранными посетителями. Так, 8 августа 1890 г. он очень тепло пишет Кеннану: «С тех пор, как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в “Century”» [1, т. 65, с. 138].

А теперь обратимся к тексту третьей части романа «Воскресение», где появляется англичанин.

При встрече с генералом в Сибири Нехлюдов получил от него приглашение на обед, и после вопроса, говорит ли он по-английски, генерал объяснил: «Сюда, видите ли, приехал англичанин, путешественник. Он изучает ссылку и тюрьмы в Сибири» [1, т. 32, с. 424]. Звучит, как название книги Кеннана.

«За обедом, кроме домашних — дочери генерала с мужем и адъютанта, были еще англичанин, купец-золотопромышленник и приезжий губернатор дальнего сибирского города» [1, т. 32, с. 427]. Толстой подчеркивает, что все присутствующие,

включая англичанина, «были приятны Нехлюдову» [Там же].

В окончательном варианте романа читаем: «Англичанин, здоровый, румяный человек, очень дурно говоривший по-французски, но замечательно хорошо и ораторски внушительно по-английски, очень многое видел и был интересен своими рассказами об Америке, Индии, Японии и Сибири» [Там же]. В варианте № 152 (кор. № 134) Толстой отмечал: «Он выставил себя сторонником России, но давал чувствовать, что он был ее сторонником только относительно нападавших на нее, но не забывая того, что она страна все-таки варварская, хотя и не лишенная возможности некоторого совершенствования. Он объезжал теперь Сибирь с тем, чтобы написать книгу, отрицающую Кеннана» [1, т. 33, с. 311–312]. Этот фрагмент в канонический текст не вошел, так что есть все-таки вероятность создания гипотетического прототипа англичанина в лице Дж. Кеннана, особенно учитывая факт, что исследователи, предполагавшие, что Кеннан вряд ли мог являться прототипом, обыкновенно ссылались именно на этот черновой вариант, не вошедший в окончательный текст романа⁴. В одном из писем 1882 г. Кеннан признавался своему корреспонденту: «Я так тесно связан с русскими естественной симпатией, что больше чувствую теперь себя дома в России, чем в любой части Англии, хотя Англия для американцев — родная страна» [4, Box 6].

За обедом Нехлюдов узнал, что англичанин в этот день «посетил собор и завод. Но желал бы еще видеть большую пересыльную тюрьму» [1, т. 32, с. 428]. Присутствовавший при разговоре генерал, который знал и о намерении Нехлюдова, быстро решил вопрос с пересыльной тюрьмой и приказал выдать Нехлюдову и англичанину пропуск. Генерал не противился желанию англичанина посетить тюрьму вечером, когда «все дома, и нет приготовлений, а все есть как есть» [1, т. 32, с. 429].

Судя по поведению зрителя тюрьмы, пропуск, выданный Нехлюдову и англичанину, был случаем редким. Тем не менее «величественный зритель» повиновался и пригласил посетителей в контору. В ожидании Масловой Нехлюдов переводил вопросы англичанина зрителю,

⁴ Срезневская О.И. Доктор Бедкер, прототип Кизеветтера и англичанина в «Воскресении» // Толстой. Памятники творчества и жизни. 3 / Ред. В.И. Срезневского. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923; Меламед Е. Бедкер или Виндт (О прототипе «англичанина» в романе Л.Н. Толстого «Воскресение») // Вопросы литературы. 1978. № 7. С. 304–308.

«не вникая в смысл их, совершенно неожиданно для себя смущенный предстоящим свиданием» [1, т. 32, с. 431]. Вопросы были стандартные, которые англичанин, как и Кеннан, судя по его записным книжкам в его архиве в Библиотеке Конгресса, видимо, задавал всегда при посещении тюрем и острогов Сибири: «На сколько человек построен замок? <...> Сколько заключенных? Сколько мужчин, сколько женщин, детей? Сколько каторжных, ссыльных, добровольно следующих? Сколько больных?» [1, т. 32, с. 431]. Во время своих русских экспедиций Кеннан досконально изучил сибирский край, традиции и обычаи проживавших там народов. Письма Кеннана, хранящиеся в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, хранят планы, зарисовки тюрем, острогов и казарм, разбросанных по Сибири и Дальнему Востоку. Канадский славист А. Фодор полагает, что «без книги Кеннана многие описания тюремной жизни в романе “Воскресение” были бы менее убедительны и реалистичны, возможно, они никогда и не были бы написаны» [5, р. 177].

В тексте этой главы намечаются два потока внутренней семантической энергии: Нехлюдова, невероятно взволнованного и нетерпеливого в стремлении узнать истинные мотивы поведения Катюши, и англичанина, стремившегося получить ответы на свои вопросы и с нетерпением ожидавшего окончания разговора Нехлюдова с Масловой, чтобы приступить к своей миссии.

Во время осмотра камер англичанин не только интересовался здоровьем заключенных, так как «кроме одной цели своего путешествия — описания ссылки и мест заключения в Сибири, имел еще другую цель — проповедование спасения верою и искуплением» [1, т. 32, с. 434]. Здесь Толстой, вероятно, в образ англичанина, кроме черт Дж. Кеннана, вносит и собирательные черты английских и американских проповедников-миссионеров, которые в 1870–1900-е годы стали довольно часто появляться на просторах Российской империи, включая и придворные круги. С некоторыми из них Толстой встречался, например — с Ф.В. Бедкером (прототипом миссионера Кизиветтера), за исключением, пожалуй, самого популярного и самого придворного евангелиста-проповедника лорда Редстока⁵, хорошо знакомого Елизавете Ивановне и Владимиру Григорьевичу Чертковым. Мать Черткова, Е.И. Черткова, придворная фрейлина, стала настоящим адептом

евангельской проповеди лорда Редстока. Владислав Бачинин утверждает в своей статье «Лорд Г. Редсток и генеральша Е.И. Черткова. Истоки евангельского пробуждения в аристократическом Петербурге», что лорд Редсток выведен в романе под именем сэра Джона, который появляется в кружке графини Лидии Ивановны⁶. Тень лорда Редстока возникает и на страницах «Воскресения» при описании лиц, с которыми Нехлюдов встречается в Петербурге, в частности, графини Катерины Ивановны Чарской, тетки Нехлюдова. По всей вероятности, ее прототипом являлась родная тетка В.Г. Черткова Елена Ивановна Шувалова, подобно своей сестре, убежденная последовательница евангельской проповеди лорда Редстока [1, т. 33, с. 371 — комм.].

В комментариях Н.К. Гудзия 1935 г. [1, т. 33, с. 372] дается ссылка на книгу: Latimer, R. S. D-r Baedeker and apostolic work in Russia. London, 1917, автор которой, преданный почитатель Бедкера, высказывает предположение, что Бедкер послужил прототипом и Кизиветтера, и англичанина, с чем трудно согласиться, так как главным направлением деятельности англичанина было исследование сибирских тюрем и острогов, о чем прямо и неоднократно говорится в тексте романа. Генерал также не представил англичанина в разговоре с Нехлюдовым как проповедника, а исключительно как исследователя сибирских тюрем. Кроме того, по описаниям в романе англичанин — не пожилой человек в отличие от Бедкера, который родился в 1823 г. Дж. Кеннан был на двадцать лет моложе. Во многих мемуарах о миссионерстве Бедкера в России он описывается как пожилой человек. Возможно предположить, что не только Кеннан, но отчасти и Бедкер, и Редсток, и другие проповедники послужили Толстому моделями в создании художественной ткани этого образа. Но главным прототипом, очевидно, все-таки был Кеннан, и материалы его архива свидетельствуют об этом.

Толстой довольно отстраненно, с большой долей иронии описывает отношение заключенных к проповеди о непротавлении злу насилием, с которой пытается выступить англичанин, обращаясь к Евангелию. «Общий неудержимый хохот» [1, т. 32, с. 436] был ему ответом на то, что по закону Христа, если ударили по одной щеке, надо подставить другую, причем смеялись даже больные. Впрочем, англичанина это не смутило, видимо,

⁵ Возможно, тема евангелического проповедничества англичанина появилась в романе также и под влиянием книги Мельшина Л. В мире отверженных. СПб: «Русское богатство», 1896. См. Т. 33, комм. С. 391.

⁶ Бачинин В.А. Лорд Редсток и генеральша Е.И. Черткова. Истоки евангельского пробуждения в аристократическом Петербурге // Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология. Т. 2. СПб., 2004. С. 37–50.

он уже привык к подобной реакции во время своих путешествий по тюрьмам и ссылкам и «просил передать им, что то, что кажется невозможным, делается возможным и легким для верующих» [1, Там же].

Тем не менее в следующей главе Толстой убедительно показывает силу и действенность проповеди Христа, тех заповедей из любимого им Евангелия от Матфея, которые и составляли суть его собственных нравственно-религиозных взглядов. Опустошенный, измученный Нехлюдов после встречи с Масловой «машинально открыл данное ему на память англичанином Евангелие, которое он <...> бросил на стол» [1, т. 32, с. 440]. И глава 18 Евангелия от Матфея открыла ему простую истину: «Ответ, которого он не мог найти, был тот самый, который дал Христос Петру: <...> прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать» [1, т. 32, с. 442]. Не выпуская из рук Евангелие, полученное от англичанина, Нехлюдов обратился и к Нагорной проповеди и впервые увидел в проповеди «простые, ясные и практически исполнимые заповеди, которые, в случае исполнения их (что было вполне возможно), устанавливали совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожалось все насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо — Царство Божие на земле» [1, т. 32, с. 443].

Таким образом, семантика появления англичанина в последних главах романа усиливается не только его широкой прототипичностью, но и прозрением, духовным воскресением Нехлюдова, которому англичанин в критический момент его жизни легко передает Евангелие от Матфея в подарок, не подозревая о катарсисе, вскоре последующем. Или подозревая...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.
2. Century Illustrated Monthly Magazine. N.Y. 1887. № 34. P. 253–265.
3. Толстой и зарубежный мир: В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Ред. С.А. Макашин. М.: Наука, 1965. Кн. 1–2.
4. Library of Congress. Manuscript Department. George Kennan Papers.
5. Fodor A.A. A Quest for Non-violent Russia: The Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham; N.Y.; L.: University Press, 1989. 232 p.
6. Срезневская О.И. Доктор Бедер, прототип Кизеветтера и англичанина в «Воскресении» // Толстой. Памятники творчества и жизни. 3 / Ред. В.И. Срезневского. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923.
7. Меламед Е. Бедер или Виндт (О прототипе «англичанина» в романе Л. Н. Толстого «Воскресение») // Вопросы литературы. 1978. № 7. С. 304–308.
8. Алексеева Г.В. Американские диалоги Льва Толстого. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. С. 137–154 (глава 7 «Джордж Кеннан»).
9. Бачинин В.А. Лорд Редсток и генеральша Е.И. Чертова. Истоки евангельского пробуждения в аристократическом Петербурге // Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология. Т. 2. СПб., 2004. С. 37–50.
10. Latimer R.S. D-r Baedeker and apostolic work in Russia. L., 1917. 223 p.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochinenij*: V 90 t. [Collected Works in 90 Vols.]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
2. *Century Illustrated Monthly Magazine*. N.Y. 1887, No. 34, pp. 253–265.
3. *Tolstoy i zarubezhnyj mir: v 2 knigakh* [Tolstoy and the World Abroad. In 2 Books]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of World Literature named after A.M. Gorky; Ed. S.A. Makashin. Moscow: Nauka Publ., 1965. Vols 1–2. (In Russ.)
4. Library of Congress. Manuscript Department. George Kennan Papers.
5. Fodor, A.A. *A Quest for Non-violent Russia: The Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. Lanham; N.Y.; L.: University Press, 1989. 232 p.
6. Sreznevskaya, O.I. *Doktor Bedeker, prototip Kizivettera i anglichanina v Voskresenii* [Doctor Baedeker, the Prototype of the Kiesewetter and the Englishman in Resurrection]. *Tolstoy. Pamyatniki tvorchestva i zhizni*. 3. Ed. V.I. Sreznevskogo [Tolstoy. Monuments of Creativity and Life. 3. Ed. by V.I. Sreznevsky]. Moscow: Kooperativnoe tovarishchestvo izucheniya i rasprostraneniia tvoreni L.N. Tolstogo Publ., 1923. (In Russ.)
7. Melamed, E. *Bedeker ili Windt (O prototipe "anglichanina" v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie")* [Baedeker or Windt (On the Prototype of the Englishman in the Novel Resurrection by L.N. Tolstoy)]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1978, No. 7, pp. 304–308. (In Russ.)
8. Alekseeva, G.V. *Amerikanskije dialogi Lva Tolstogo* [American Dialogues of Leo Tolstoy]. Tula: Izdatelskij

- dom “Yasnaya Polyana” Publ., 2010, pp. 137–154 (Chapter 7 “George Kennan”). (In Russ.)
9. Bachinin, V.A. *Lord Redstock i generalsha E.I. Chertkova. Istoki evangelskogo probuzhdeniya v aristokrati-sheskom Peterburge* [Lord Redstock and E.I. Chertkova, the Wife of the General Chertkov. The Sources of Evangelical Awakening in the Aristocratic Petersburg]. *Khristsianskaya mysl: sotsiologiya, politicheskaya teologiya, kulturologiya. T. 2* [Christian Thought: Sociology, Political Theology, Cultural Studies. Vol. 2]. St. Petersburg, 2004, pp. 37–50. (In Russ.)
10. Latimer, R. S. D-r Baedeker and apostolic work in Russia. L., 1917. 223 p.

Дата поступления материала в редакцию: 15 декабря 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 января 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on December 15, 2023
Revised on January 7, 2024
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030116

Элементы романтической поэтики в творчестве Рюдберга: преемственность и новаторство. Мотив странствия в поэзии Виктора Рюдберга

© 2024 г. В. В. Сурков

Младший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
surk.vladislav@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена мотиву странствия в поэзии шведского автора второй половины XIX в. Виктора Рюдберга (Viktor Rydberg, 1828–1895). Путь рассматривался как метафора еще в мифологических и фольклорных текстах, а мотив странствия является одним из наиболее распространенных в мировой литературе. Особое значение он имеет для романтиков, в текстах которых странствие символизирует процесс индивидуального духовного поиска. Схожий подход к метафоризации пути характерен и для творчества Рюдберга, испытавшего влияние романтической традиции. В статье проанализированы произведения шведского поэта, центральным мотивом которых является путешествие, а центральным персонажем — герой-странник. Выявлена роль мотива странствия в формировании духовного облика героев данных текстов: обозначены черты, выводящие героя Рюдберга за пределы романтического характера.

Ключевые слова: шведская поэзия, романтизм, Рюдберг, мотив странствия.

Для цитирования: Сурков В.В. Элементы романтической поэтики в творчестве Рюдберга: преемственность и новаторство. Мотив странствия в поэзии Виктора Рюдберга // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 107–115. DOI: 10.31857/S1605788024030116

Elements of Romantic Poetics in Rydberg's Work: Continuity and Innovation. The Motif of Journey in Viktor Rydberg's Poetry

© 2024 Vladislav V. Surkov

Junior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
surk.vladislav@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the motif of journey in the poetry of swedish author of the second half of 19th century Viktor Rydberg (1828–1895). The way has been considered as a metaphor in mythological and folklore texts, and the motif of journey is one of the most common motifs in world literature. It has a special significance for Romanticists, in whose texts the journey symbolizes the process of individual spiritual quest. The similar approach to the metaphorisation of the path is characteristic of Rydberg's works: the influence of Romantic tradition can be traced in them. The works of swedish poet with the motif of journey and hero-wanderer in the center were analyzed in the article. The role of the motif of journey in the formation of the spiritual apperance of characters was revealed.

Key words: swedish poetry, Romanticism, Rydberg, motif of journey.

For citation: Surkov, V.V. *Elementy romanticheskoy poetiki v tvorchestve Ryudberga: preemstvennost i novatorstvo. Motiv stranstviya v poezii Viktora Ryudberga* [Elements of Romantic Poetics in Rydberg's Work: Continuity and Innovation. The Motif of Journey in Viktor Rydberg's Poetry]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 107–115. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030116

Виктор Рюдберг (Viktor Rydberg, 1828–1895) — шведский писатель и поэт, творчество которого относится ко второй половине XIX в. Его стихотворения включены в два сборника, вышедших в 1882 г. и в 1891 г. В поэтике Рюдберга прослеживается влияние романтической традиции. Однако Рюдберг создает свои стихотворения и поэмы в период, когда расцвет романтизма в Швеции уже завершился, а полноценные поэтические сборники поэт издает в период возникновения новых литературных направлений: в 1880-е годы под влиянием идей датского критика Г. Брандеса активно развивается скандинавский натурализм, представленный творчеством А. Стриндберга (August Strindberg) и группы «Молодая Швеция», а в 1890-е годы в противовес натурализму возникает неоромантическое течение, связанное с именами В. фон Хейденстама, О. Левертина, Г. Фрёдинга, Э.А. Карлфельдта и С. Лагерлёф. Творчество самого Рюдберга не является сугубо романтическим, свойственные романтикам элементы поэтики трансформируются в его лирике. Одним из таких элементов является мотив странствия.

Мотив странствия возникает уже в мифологических текстах и произведениях народного эпоса, прежде чем стать одним из самых распространенных мотивов в литературе. Об этом свидетельствует, например, перечень функций сказочных героев в труде В.Я. Проппа: уже первой функцией становится отлучка персонажа из дома [1]. Значимость пути героя в мифологии подчеркивается Дж. Кэмпбеллом [2]. Как правило, изображение пути персонажа предполагает метафорическое прочтение: странствие воспринимается как путь познания и духовного развития. Так об этом пишет В.Н. Топоров, рассматривая концепт пути применительно к мифологии: «Во многих мифопоэтических и религиозных традициях мифологема П. выступает метафорически, как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), как некий свод правил, закон, учение» [3, с. 352–353].

Та же метафоризация мотива странствия и образа странника характерна и для литературы романтизма, хотя и с присущими данному периоду чертами. Н.А. Вишневская и Е.Ю. Сапрыкина, определяя специфику романтического концепта пути, пишут, что в эпоху романтизма «путь окончательно превращается в нечто индивидуально осознанное, приобретает сугубо личностное прочтение» [4, с. 8]. Из этого следует ряд особенностей, присущих мотиву странствия в литературе данного периода. В романтическом произведении странствие может носить метафизический

характер — как путь личного духовного развития. Изображение реального путешествия как физического перемещения из одной точки пространства в другую часто подразумевает метафорическое прочтение. Мотив странствия тесно связан с основополагающей для романтического мировоззрения оппозицией тюрьмы и свободы. Часто странствие определяет возможность свободного мышления и расширение границ познания.

Таким предстает странствие и в лирике Виктора Рюдберга: его герой-путешественник всегда ищет и получает знания о мире, во время странствия меняется его мировоззрение. Однако вопрос в том, является ли характер этого героя романтическим?

Особое место в поэтическом наследии Рюдберга занимает стихотворение «Обломки» (Spillror, 1881): им поэт начинает свой первый сборник. Присутствующая в тексте сюжетность связана с мотивом несостоявшегося странствия. Центральный образ, лодка, также является метафорой. Лодка «сконструирована» из отвлеченных понятий, относящихся к внутреннему миру человека:

Из юных заветных мечтаний
Крылатый он выстроил челн,
Надеясь в нем утром румяным
Скользить среди ласковых волн¹.
[5, курсив мой. — В.С.]

Начало пути связано с мечтами и надеждами юности героя. Цель этого путешествия, обозначаемая во второй и третьей строках, также является объектом не материальным, а идеальным: сказочная «чудная далекая страна», «остров в таинственной дымке». Однако путешествию не суждено совершиться: как только герой начинает свой путь, на небе сгущаются «зловещие тучи». Прибывает рать «духов подземных», готовых «напасть на священное дело», и несостоявшийся странник вынужден бросить свое судно, символизирующее мечты прошлого, подчиниться стихии. В заключительных строках текста герой снова стоит на берегу, израненный после продолжавшейся до ночи битвы, и наблюдает, как вода выносит на берег обломки его судна — разбитые мечты и чаяния.

Стихотворение включает символы: это, прежде всего, сам челн и остров, которые вызывают в сознании читателя ассоциативные ряды. Образ сказочного острова связан с традицией фольклора (народные сказки), с литературой романтизма (в шведской традиции это, прежде всего, «Остров

¹ Пер. Н. Новича.

блаженства» П.Д.А. Аттербума) и романтическим устремлением к запредельному идеальному миру.

Шведский литературовед Х. Гранлид интерпретирует стихотворение как художественное воплощение судьбы человека «от юности до зрелости», но вместе с тем обнаруживает в нем смыслы, связанные с социально-политическим контекстом эпохи: противопоставляя этот текст стихотворению поэта-романтика Эсайаса Тегнера (Esaïas Tegnér, 1782–1846) «Скидбладнир», исследователь называет судно, представленное в «Осколках», «маленькой прогулочной яхтой, которая тонет в морях либерализма пятидесятих и шестидесятых годов» [6, s. 26]. Современный исследователь К. Эрнанд также усматривает в стихотворении «Обломки» автобиографический контекст: по его мнению, автор «оглядывается на свою минувшую юность, он вспоминает огонь, горевший в его груди, и знамя, которое он некогда носил. Он помнит бури, ненастья, помнит борьбу. От успешных пятидесятих остались исключительно обломки, остатки ушедшего, более величественного, честного и яркого времени. Обратив взоры внутрь себя, он видит прошедшие годы, исследует некогда благородные идеалы и ценности, вспоминает разрушенные мечты и планы на будущее» [7, s. 17].

Необходимо учитывать и другой семантический уровень стихотворения и его заглавия. Цельная мысль раскалывается на «обломки», что знаменует для поэта завершение одного творческого этапа и начало другого: именно этим стихотворением Рюдберг открывает первый поэтический сборник в 1882 г., а идея восприятия ранних стихотворений как «обломков» прошлого возникает еще в 1860-е годы, когда поэт впервые обращается к лирике. Аналогичным заголовком именуется цикл ранних стихотворений Рюдберга, опубликованных в календаре «Флора» за 1864 г. с припиской: «Крушение на пляже. Несколько обломков, собранных воедино Робинзоном Крузо» (Strandvrak. Några spillror hopplöskade av Robinson Crusoe). В этот период Рюдберг действительно испытывает разочарование в той борьбе, которую он вел как писатель и журналист, стремясь к изменению современного социального уклада. Кроме того, Рюдберг обеспокоен самим ходом истории: он с опасением относится к нарастающей урбанизации, к перспективе отчуждения шведов не только от природы, но и от своего прошлого. Потребность в дальнейшем осмыслении собственных идеалов сопровождается поиском нового способа их выражения. Открытая полемика сменяется обращением к ориентированной

на эмоциональное постижение мира лирической форме. Образ обломков символизирует сами стихотворения, в которых заново — фрагментарно — выстраивается художественное воплощение мировоззрения поэта. Таким образом, раннее творчество Рюдберга предстает тоже своего рода путешествием, завершение которого оказывается началом нового, следующего этапа.

Схожие образы возникают в стихотворении «Тревога» (Ого, 1864), передающем чувства лирического героя во время морского путешествия. Как и в предыдущем рассмотренном нами стихотворении, герой позволяет стихии выбирать направление пути:

Нос повернут туда, куда зовет буря,
Туда, куда стремится резвая волна².

Как и в «Обломках», бушующая стихия здесь может быть понята как метафора социальных потрясений, характерных для эпохи. Чувства лирического героя совпадают с состоянием окружающей среды («в буре крики духа чудесно / объединяются с криками природы»): здесь содержится мысль поэта о связи человека с природой. Она подчинена центральной теме стихотворения — человеческой свободе. Безграничное пространство моря, покорность стихии и спонтанность движения противопоставлены направлению к определенной цели, как свобода — тюрьме. Лирический герой устремлен в бесконечность, и заявленная в заглавии «тревога» связана для него с романтической тоской по недостижимому идеалу. Даже небеса герой сравнивает с тюрьмой, а бесконечность кажется ему «тесной». Они получают функцию несвободы как цели, к которой может устремиться путешественник, поскольку любая цель, с точки зрения лирического героя, представляет собой предел. Однако диалектика стихотворения в том, что и отсутствие цели становится поводом к тоске. В заключительной строфе она определяется как «тоска без цели». Вопрос о смысле и цели составит философское ядро и в последующей лирике шведского поэта.

Ряд стихотворений с мотивом морского путешествия в основе продолжает вошедшая в первый сборник баллада «Летучий голландец» (Den Flygande Holländaren, 1876). Обращаясь к сюжету, уже хорошо известному современникам и не раз эксплуатируемому в европейской литературе, поэт продолжает традицию С. Колриджа, а также А. Рембо, чей «Пьяный корабль» публикуется за пять лет до создания баллады Рюдберга. Кроме

² Здесь и далее приводится подстрочный перевод текста из следующего оригинального издания: [8].

того, во многом интерес к нидерландской легенде о корабле-скитальце возрождается после выхода оперы Р. Вагнера «Летучий голландец» в 1843 г.

Баллада Рюдберга разделена на три части. В первой из них представлены подробности вечного странствия голландца, отчаянные попытки капитана разбить судно о скалы или пришвартоваться к берегу, обращение капитана к утопающим с утешением, что их судьба завиднее, чем его собственная. Во второй части тон баллады меняется: каждые сто лет Летучий голландец получает возможность бросить якорь «в бухте мечты, на острове Птицы Феникс». Далее представлена галерея образов, связанных с мотивом ментального перемещения на «остров, не отмеченный ни на одной карте»: «ребенок, спящий на коленях отца», «поэт в своей песне», «мать на могиле своего мальчика с венком в руке», «сердечная боль маленького жаворонка, потерявшего всех своих близких». Рюдберг обращается к универсальному образу Феникса, который тоже связан с темой бессмертия и, следовательно, с бинарной оппозицией «жизнь — смерть». В балладе Феникс противопоставлен Голландцу: они оба бессмертны, но в связи с образом проклятого корабля мотив победы жизни над смертью теряет положительную коннотацию. Кроме того, Летучий Голландец непрерывно находится в движении, Феникс, напротив, — статичен (в произведении он появляется исключительно на своем острове). Эти два образа фактически воплощают собой оппозицию «свобода — неволя», свойственную романтической литературе, но Рюдберг переворачивает привычное представление о свободе: физическая возможность перемещаться по океану является для Голландца тюрьмой. Статичность Феникса, его ограниченность пределами одного острова, напротив, не тождественна бесцельному пребыванию в темнице: остров является утешением всем тем, кто понес утрату, а также самому Голландцу:

И на самой вершине в пурпуре
С великолепием золотых крыльев
Птица Феникс стоит на горе
И преданно держит свой пост.

В заключительной части у Голландца появляется еще один не тождественный ему «двойник» — Агасфер, Вечный Жид. Он также является путешественником-скитальцем, обреченным на бессмертие и вечное странствие. Однако характер Агасфера отличен от характера капитана. Он эмоционально целен, в нем отсутствует стремление вырваться из своего нескончаемого путешествия, «из ночи боли в его глазах сияла неугасимая надежда», он шепчет единственное

слово, которым руководствуется на пути: «терпение». Он не мечется в поисках избавления от своей участи, а смиренно ждет. Затем, не задерживаясь на острове,

Он на Восток держит свой путь,
И на его пустынный путь
Безмолвное звездное воинство
Взирает с печальным удивлением.

Сам автор в письме от 13 июля 1876 г. утверждает, что «видел в Агасфере Голландца, очищенного страданием» [9, с. 436]. В финале стихотворения Голландец возвращается к своим скитаниям.

В балладе Рюдберга не говорится о причинах наказания капитана: автор фокусируется на самих скитаниях судна, и кольцевая композиция подчеркивает их бесконечность, которая связана с отсутствием цели, гипотетической финальной точки путешествия:

Так спешит, так спешит, так спешит,
Хотя не имеет никакой цели.

Отсутствие цели становится основной характеристикой путешествия Голландца. Эту бесцельность, за которой стоит неведение человека о смысле своего существования, автор подчеркивает впоследствии, объясняя причину отказа от предыстории: «Я вовсе не упомянул в “Летучем голландце” о том, почему он дрейфует без отдыха и сознательной цели. Если он образ беспокойного, спешащего человечества, то, пусть я в подробности о причинах его скитаний, образ был бы замутнен» [9, с. 439]. Летучий Голландец в самом деле предстает символом мятущегося человечества, которое не задумывается о своем месте в мире: капитан стремится остановить путешествие и не имеет других устремлений, в то время как Агасфер использует свое положение для накопления знаний о мире. Метания Голландца, его стремление к лучшей жизни фактически являются стремлением к недостижимому идеалу, характерному для романтического героя. Между тем он противостоит не толпе, как свойственно типичному герою романтизма, а природе: «Герой должен проявить себя не в борьбе с обществом, а с самой природой и неподвластными ему силами» [10, с. 36], — пишет о специфике неоромантического героя А.В. Коровин, подчеркивая его сходство с героем литературы натурализма.

В противоположность ему Агасфер является личностью цельной и уверенной в своем положении, что также является чертой неоромантического героя, отличающей его от романтического.

К вопросу о цели существования человека и человечества Рюдберг неоднократно возвращает-ся в своей поэзии. Этой теме посвящено стихотворение «Откуда и куда?» (*“Vadan och varthän?”*), лирический герой которого также странствует. В ходе путешествия перед глазами героя проходит человеческая жизнь. В первой из пяти строф представлен идиллический весенний пейзаж: путешествия по роще и сельской местности, герой подъезжает к хижине и встречает счастливую пару — молодого крестьянина с невестой, которые задают ему вопрос «откуда и куда?», здесь имеющий буквальное значение. Вторая строфа по принципу антитезы несет противоположное настроение: весна и молодость сменяются осенью и опустошением, небо и река становятся темными, деревенский дом — серым от времени. Вместо молодых людей лирического героя встречает похоронная процессия. Путешественник задается тем же вопросом, с которым обращался к нему крестьянин, но сам вопрос приобретает философский смысл. Герой не понимает, откуда начат путь человека и всего человечества и к чему он приводит.

Путешествие в земном мире не дает ответ на поставленный вопрос, и попытка найти его перемещает героя во второй половине стихотворения из мира физического в мир метафизический. Третья строфа, делящая текст композиционно на две части, представляет водораздел между двумя планами путешествия. В ней выражены рассуждения лирического героя, раскрывающие суть его поисков:

Так еду я вперед своим тихим путем,
Слушаю, как время скатывает свою цепь,
Оно отмеряет секунды из года в год,
Со стучащими сердцами, которые скоро разбиваются,
Оно отмеряет пряжу из года в год,
С поколениями, топчущими следы друг за другом.

Не найдя конечной цели человеческого пути в земном мире, в четвертой строфе путешественник отправляется в потусторонний мир, что обусловлено мотивом сна или мечты (в начале четвертой и пятой строф поэт использует глагол *att drömma*, который может употребляться в обоих значениях).

В первом «сне» герой представляет себя «среди множества солнц», он сам становится лучом и в поисках разрешения своего вопроса стремится к «небесному отцу»:

Но ответ на вопрос «Откуда и куда?»
Был скрыт на коленях безмолвной тьмы.

В последней строфе возникает мотив возвращения к детству, который сопровождается христианским образом матери с младенцем:

Я был ребенком на руках у матери.
На вопрос, который я только что услышал от звезд,
Она ответила прекрасным поцелуем.

В финальных стихах переданы чувства героя при взгляде на мать: в ее глазах он ощущает приобщение к вечности. Хотя вера в сверхъестественное не отвечает на вопросы о заложенном природой ходе вещей, она позволяет — если не рациональным, то чувственным путем — усмотреть смысл в самом вечном существовании жизни. Сакральное здесь объединяется с мирским, вечное — с повседневным. Странствие становится путем к индивидуальному, иррациональному постижению истины, в чем прослеживается влияние романтической традиции. Однако стремление к приобретению объективного знания о мире является скорее чертой реалистического героя, нежели романтического.

Нередко при осмыслении философских проблем в своем творчестве Рюдберг обращается к образам мифологических и фольклорных персонажей. Одним из наиболее значимых для поэзии Рюдберга героев становится персонаж из христианской традиции — странник Агасфер. Мы уже рассматривали этот образ в «Летучем Голландце». Он же становится одним из героев поэмы «Прометей и Агасфер» (*Prometeus och Ahasverus*, 1882).

Произведение состоит из двух частей: собственно поэтического диалога между двумя заглавными героями и предваряющей его прозаической предыстории. В первой части Ной рассказывает своим согражданам о Прометее, взбунтовавшемся против «бога времени», то есть Зевса, который отнял у людей свободу и сделал их рабами как своего положения, так и своих желаний. Титан отвергает Зевса в пользу «Бога вечности» (в первой части произведения с ним отождествляется иудейский Бог, а во второй — христианский Мессия), дарует людям огонь и оказывается прикованным к скале. Согласно тексту поэмы, его не освобождает Геракл, как это было в древнегреческой мифологии, так что Прометей переносит свои страдания на протяжении столетий.

Во второй части, представляющей собственно драматическую поэму, к скале прибывает Вечный Жид. Диалог между Прометеем и Агасфером — это противопоставление разных аксиологических систем, взглядов на бытие и общество. Образы двух героев представляют собой художественное

воплощение оппозиции «узник — странник». Прометей может в любой момент избавиться от своих мук, обратившись с молитвой к «богу времени». К этому и призывает его Агасфер, поскольку, как утверждается в первой части, после освобождения Прометея наступит конец света и, следовательно, освободится от наказания и Агасфер. Однако Прометей не стремится вырваться из цепей. Он выражает готовность выносить страдания в пользу свободы духа: «Мое утешение — чувство правоты», — объясняет он собеседнику. И далее: «Да, Зевс жестокий повсюду царит, / Но в моем мире — нет». Прометею присуще идеалистическое мировоззрение (характерное и для самого Рюдберга³), поэтому духовная свобода для него первостепенна.

Агасфер обвиняет собеседника в индивидуализме:

Прометей.
Здесь, в этой груди,
Здесь говорит бог вечности.

Агасфер.
Там говорит
Коварное эхо твоего собственного голоса.

Однако Прометей не является индивидуалистом. Смысл его борьбы — в сострадании к людям:

Дай утешение и помоги страждущим, защитит их,
И никогда не преклоняйся перед эгоистичной силой.

Агасфер призывает Прометея перестать размышлять о чужих страданиях. Он убежден, что все, против чего выступает Прометей, связано с естественным и неизменным ходом событий:

Я несу свой жребий, и достаточно знать,
Как мы толкуем неясный совет Господа
И как мы разгадали загадку жизни,
Счастье есть знак его милости,
Страдание есть знак его гнева.

Сам автор в письме в апреле 1879 г. называет Агасфера в этой поэме «представителем исторической необходимости» [12, s. 436]. В этом отношении его роль странника обретает особую значимость: суждения Агасфера обоснованы его скитаниями, поскольку во время них он был свидетелем жизни различных народов и отмечал закономерности истории. Он упрекает Прометея в отвлеченности суждений:

Божья воля проявляется в том, что есть;
Твоя воля — только в том, что «должно» быть...

Античный герой действительно предстает в поэме романтической фигурой. Прометею свойственно «стремление в безмерную смутную даль, томление по неведомому благу, хотя и неопределенное и смутное, однако совершенно верное предчувствие бесконечного величия и блаженства» [12, s. 184], о котором писал Ф. Шлегель. Прометей-бунтарь Рюдберга отчасти продолжает традицию английской романтической поэзии («Освобожденный Прометей» П.Б. Шелли, «Прометей» Дж. Г. Байрона).

Выстраивая свое представление об идеальном обществе, Прометей тоже совершает своего рода путешествие, но не физическое, а духовное, отчетливо представляя утраченный мир блаженства, определяющую роль в восстановлении которого сыграют, по его мнению, поэты, художники и ученые.

Современный литературовед М. Нильссон говорит об идеалистическом пафосе поэмы Рюдберга, отмечая центральное место Прометея в произведении: «Поскольку героем поэмы изображен именно Прометей, то можно сказать, что поэма Рюдберга идеалистична, что она отстаивает позицию идеального, а не реалистического» [14, s. 111]. Исследователь называет основную авторскую интенцию в этой поэме «эстетическим идеализмом». Действительно, с точки зрения, вложенной автором в уста Прометея, «современный человек отчужден от природы и может переживать ее лишь как идеал в поэзии»; именно к этому идеалу ведут человечество деятели искусства и науки. Мысль об отчуждении современного человека от природы и необходимости сохранения связи с ней близка Рюдбергу и неоднократно повторяется в его творчестве. Тем самым именно Прометей становится выразителем авторской интенции в поэме, и потому именно его Мессия называет блаженным в заключительном стихе драматической поэмы.

Однако и позиция Агасфера не является абсолютно чуждой Рюдбергу. Его суждения выстраиваются с позиции реалистического взгляда на развитие человечества — с опорой на опыт личных наблюдений, что обусловлено ролью вечного странника, имевшего возможность оценить реальное положение дел в разные исторические эпохи.

Прометей и Агасфер отражают два типа мировоззрения: с одной стороны — идеалистическое, устремленное к бесконечному, с другой — пессимистическое. Эти два взгляда на мироустройство и человечество раскрываются через мотив путешествия: для Агасфера это опыт непосредственно физического перемещения в пространстве, позволяющий ему судить о «том, что есть», для Прометея — опыт романтического устранения в мир «там». Как и

³ См. об этом: [11].

в других текстах Рюдберга, странствие способствует формированию мировоззренческих установок героя: способ развертывания мотива странствия близок романтическому восприятию, как и связанная с мотивом пути оппозиция «свобода — неволя». Однако герои снова предстают цельными фигурами и сильными личностями, характерными скорее для поэтики неоромантизма.

Наиболее крупное из поэтических произведений Рюдберга — поэма «Новая Песнь о Гротти» (Den nya Grottesången, 1891), вошедшая во второй поэтический сборник, — также содержит прозаические предисловие и послесловие, в которых возникает фигура Агасфера. В поэме автор вновь возвращается к проблеме отрыва человека от природы. Если в ранней лирике Рюдберг создает характерные для идиллии пейзажи с поэтизацией сельской жизни (как в рассмотренном нами стихотворении «Откуда и куда?»), то в позднем поэтическом творчестве, к которому относится «Новая песнь о Гротти», та же интенция находит выражение в критике урбанизации и механизации, наблюдаемых в шведском обществе второй половины XIX в.

В основной части поэмы трансформируется сюжет древнескандинавской «Песни о Гротти». В символическом образе мельницы Гротти, перемалывающей людей, представлена критика пагубных сторон технического прогресса. В предисловии к поэме указано, что ее текст является вариантом мифологической песни, известной Агасферу. Рюдберг подчеркивает, что это возвращение к образу из предыдущих произведений и его развитие, а не создание заново: «Лицо было не более постаревшим, чем в нашу последнюю встречу, после посещения “Летучего Голландца”, на борту которого он направлялся к Прометею, в армянские горы, не выглядел он и более счастливым, чем тогда». Агасфер сохраняет цельность и убежденность в своих взглядах на мир.

Вступив в диалог с Агасфером, герой-рассказчик просит его поведать о своем мировоззрении: «рассказать все, что я бы хотел услышать: открытия, сделанные вами в течение почти двухтысячелетнего путешествия по нашей земле». Путешествие вновь ассоциируется с познанием и осмыслением окружающего мира. Связь странствий Агасфера с накоплением жизненного опыта подчеркивается и в этом тексте, где Вечный жид выносит вердикт мировой истории.

Агасфер рассуждает о судьбе человечества и начинает со следующего утверждения: «Прошедшее ничтожно; грядущее тоже. Человечество вымрет. Наша планета будет разрушена, наше солнце погаснет». В связи с такой установкой он подвергает сомнению

накопленные человечеством знания. Однако уже в следующем абзаце его речи звучит критика современного человека в связи с недостатком потребности в знании, что фактически развивает идею «Летучего голландца»: «люди, несмотря на весь рост научных устремлений, становятся все менее любознательными. Любовь молодежи к знанию угасает теперь раньше, чем прежде». И далее: «Нет, друг мой, все больше и больше теряются связи между прошлым, настоящим и будущим. Все больше и больше люди живут сиюминутными мгновениями. Но уверены ли вы, что цепь, звенья которой отрываются друг от друга, выдержит долго? Человеческий вид близок к гибели. В этом мое утешение. Ужасная мельница Гротти прекратит молоть». Проблема, поставленная самим персонажем, связана с философским вопросом, которым лирический герой Рюдберга задается и в его ранних стихотворениях: это вопрос о цели существования каждого человека и всего человечества. Между тем здесь налицо и критика современного общества, которая находит развитие в послесловии к поэме. Современный человек, по мнению Агасфера, отчужден не только от собственного прошлого, но и от природы. Помимо бинарной оппозиции «прошлое — настоящее» здесь возникает еще одна оппозиция — «природа — цивилизация». Мельница Гротти становится символом этого отчуждения, который раскрывается в основной части поэмы.

За основу текста поэмы взят сюжет древнескандинавской эддической песни, однако у Рюдберга он претерпевает трансформацию. Место Феньи и Меньи — сестер-великанш из «Старшей Эдды», вынужденных работать на мельничных жерновах и в конце концов восставших против своего хозяина, конунга Фроди, — в поэме занимают бесчисленные рабы — женщины-рабочие и дети. Фигура самого конунга уходит на второй план: мельница функционирует по воле «Канцлера-жреца маммоны». Постепенно мельница поглощает людей, и их место занимают новые, которые впоследствии также будут поглощены. Мельница символизирует как торжество техники над природой и механизацию человеческой жизни, так и отсутствие естественной свободы человека.

Поэма содержит также послесловие, в котором продолжает развиваться мысль Агасфера. Сам текст поэмы становится как бы иллюстративным материалом к его рассуждениям: повествователь получает свиток с записями его размышлений «с таким смешением букв разных времен и народов, что я не мог извлечь из него ничего осмысленного» — тем самым вновь ставится акцент на опыте странствий Агасфера, наблюдавшего за множеством разных народов и эпох. Центральным местом в его рассуждениях остается критика разрушительной стороны технического

прогресса: «Если бы я мог в нескольких выражениях описать бедствие нынешнего девятнадцатого века по сравнению с бедствиями предыдущих столетий, это было бы так: благодаря индустриализму это бедствие организованное и систематизированное». Далее следуют размышления о духовном упадке людей: отсутствие цели он связывает с сомнениями в бытии Бога, причину которых он усматривает в материализме и позитивизме. Однако Агасфер критикует не сами науки, а необъективные взгляды, формируемые под их влиянием. В частности, в его словах звучит опровержение атеизма, опирающегося на науку: «Сам метод естественных наук таков, что они не могут противопоставить рычаги и ломы чему-то идеальному. Что он разрушает, так это мифологическое восприятие причинности в природе, которая не есть то же, что причинность в мире».

В заключительной части текста продолжается критика материализма и атеизма, связанных с современными социалистическими теориями: «За время своих вековых странствий я встретил много глупости и мало мудрости. Но это величайшая глупость, которую я видел в мировой истории. <...> Преобладающая вульгарная философия такова, что она должна сделать насилие более безжалостным, а слабых — отчаянными. Это, несомненно, то, чего хотят социалистические лидеры. Они надеются, что позже почерпнут из своего отчаяния силы, чтобы бороться и побеждать. Плохо рассчитывают. <...> Евангелия эгоизма для этого недостаточно».

Агасфер подвергает критике социалистические теории: от утопистов до марксистов, обнаруживая непоследовательность в их взглядах: «Сострадательные позитивисты и атеисты, которые верят в Утопию вместо Бога, с тех пор [со времен Средневековья. — В.С.] вынуждены были защищаться и иногда делали это с такой преданностью, которая как будто показывает, что Тот, в чье существование они не верят, есть в их сердцах». Завершается мысль Агасфера выводом о наличии причинно-следственной связи между представлениями современных мыслителей-социалистов и механизацией жизни.

Единой интерпретации «Новой песни о Гротти» не существует: литературоведческие гипотезы относительно ее смысла расходятся: не представляется ясным, в какой мере Агасфер является выразителем авторской точки зрения. Прежде всего, Рюдберг дистанцируется от своего героя и его идей: основные выводы Агасфера становятся известны не через осмысление рассказчика, а из записанных на пергаменте рассуждений, которые представляют собой неполный фрагмент. Дистанция увеличивается и тем, что сам герой для интерпретации сказанного обращается за помощью к переводчику.

Несомненно, что в поэме преломляются идеи, которые нашли отражение и в более ранних произведениях Рюдберга. Мы уже говорили о теме взаимосвязи человека с природой в его творчестве. С ней связано беспокойство автора по поводу урбанизации и технического прогресса. Не менее значима для поэта проблема свободы человека и ограничивающих ее факторов: вопрос о человеческой свободе и ее границах носит не только социальный, но и философский характер. Агасфер как вечный странник выносит суждения, основанные на свободном мышлении. Этот образ фактически противопоставлен как вращающим жернова Гротти женщинам и детям, так и угнетателю, который тоже привязан к мельнице как средству своего обогащения и, следовательно, не обладает духовной свободой.

Итак, в поэзии Рюдберга мотив путешествия имеет определяющее значение для формирования духовного облика героя: путешествие связано, прежде всего, с поиском персонажем ответов на «вечные» вопросы о мироздании и месте человека в нем. Путь связан с отрывом от границ, поэтому мотивом странствия обусловлена возможность свободного мышления героя: зачастую это не только выход из границ той или иной местности с определенным сводом правил и регламентов, но также прорыв за пределы объективных законов мироздания (странствие героя в потусторонний мир «Откуда и куда?», погружение Прометея в собственные идеальные представления о человеческом обществе в «Прометее и Агасфере»). Кроме того, путешествие в поэзии Рюдберга часто отражает идею о связи человека с природой. Так, герой-путешественник может доверять направление своего пути стихии («Обломки», «Летучий Голландец») либо противопоставить себя замкнутому пространству технологий («Новая песнь о Гротти»). В стихотворениях и поэмах Рюдберга мотив странствия неразрывно связан с антитезой «свобода — неволя», что сближает их с творчеством авторов-романтиков начала XIX в. Однако сам герой-путешественник зачастую обретает черты, не свойственные романтическому герою: будучи сильной личностью, находясь в борьбе с окружающим миром (но не с обывателями), он сближается с героями неоромантических текстов. В то же время склонность к анализу, поиску причинной обусловленности явлений («Откуда и куда?»), аналитический подход к восприятию общества (Агасфер в «Новой песни о Гротти») характерны для литературы реализма и натурализма. Таким образом, романтический мотив странствия оказывается сопряжен с новым типом героя, возникающим в шведской литературе во второй половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Азбука, 2022. 1168 с.
2. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2019. 480 с.
3. Топоров В.М. Путь / Мифы народов мира: Энциклопедия. Гл. ред. Токарев С.А. М., 1980. Т. 2. С. 352–353.
4. Вишневская Н.А., Сапрыкина Е.Ю. Еще одна вечная метафора в романтическом контексте // Романтизм: Вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 7–9.
5. Поэты Швеции. Под ред. Н. Новича. СПб: тип. Сойкина, 1899. 146 с.
6. Granlid H. Nya grepp i Viktor Rydbergs lyrik. Stockholm: Rabén & Sjögren. 1973. 163 s.
7. Enander K. En evig rannsakan // Våra favoriter bland Viktor Rydbergs dikter. Lund: Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet. 2008. S. 15–18.
8. Rydberg V. Dikter. Stockholm: Atlantis, 1996. S. 176. 254 s.
9. Warburg K. Viktor Rydberg, En Levfnadsteckning. Senare Delen. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1913. 777 s.
10. Коровин А.В. Хольгер Дракманн – забытый глава несостоявшейся школы // Забытые писатели. Вып. 3. СПб.: Свое издательство, 2023. С. 27–40.
11. Stork C.W. The Poetry of Viktor Rydberg // Shelling Anniversary Papers. N.Y.: The Century CO, 1923. P. 287–299.
12. Warburg K. Viktor Rydberg, hans levnad och diktning. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1913. 663 s.
13. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. М., 1983. 448 с.
14. Nilsson M. Dikten och idealet // Våra favoriter bland Viktor Rydbergs dikter. Lund: Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet, 2008. S. 111–113.
2. Kempbell, G. *Tysyachelikij geroj* [The Thousand-Faced Hero]. St. Petersburg: Piter Publ., 2019. 480 p. (In Russ.)
3. Toporov, V.M. *Put'* [The Way]. *Mify narodov mira: Enciklopediya. Gl. red. Tokarev S.A.* [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia. Chief Editor. Tokarev, S.A.]. Moscow, 1980, Vol. 2, pp. 352–353. (In Russ.)
4. Vishnevskaya, N.A., Saprykina, E.Yu. *Eshchyo odna vechnaya metafora v romanticheskom kontekste* [Another Eternal Metaphor in a Romantic Context]. *Romantizm: Vechnoe stranstvie* [Romanticism: An Eternal Journey]. Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 7–9. (In Russ.)
5. *Poety Shvecii. Pod red. N. Novicha* [Poets of Sweden. Edited by N. Novich]. St. Petersburg: tip. SojkinaPubl., 1899. 146 p.
6. Granlid, H. *Nya grepp i Viktor Rydbergs lyrik*. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1973. 163 s. (In Swedish)
7. Enander, K. *En evig rannsakan. Våra favoriter bland Viktor Rydbergs dikter*. Lund: Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet. 2008. S. 15–18. (In Swedish)
8. Rydberg, V. *Dikter*. Stockholm: Atlantis, 1996. S. 176. 254 s. (In Swedish)
9. Warburg, K. *Viktor Rydberg, En Levfnadsteckning. Senare Delen*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1913. 777 s. (In Swedish)
10. Korovin, A.V. *Holger Drakmann – zabytyj glava nesostoyavshejsya shkoly* [Holger Drakmann is the Forgotten Head of a Failed School]. *Zabytye pisateli. Vyp. 3* [Forgotten Writers. Issue 3]. St. Petersburg: Svoe izdatelstvo Publ., 2023, pp. 27–40. (In Russ.)
11. Stork, C.W. *The Poetry of Viktor Rydberg. Shelling Anniversary Papers*. New York: The Century CO, 1923, pp. 287–299.
12. Warburg, K. *Viktor Rydberg, hans levnad och diktning*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1913. 663 s. (In Swdeish)
13. Shlegel, F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. T. 2* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Vol. 2]. Moscow, 1983. 448 p. (In Russ.)
14. Nilsson, M. *Dikten och idealet. Våra favoriter bland Viktor Rydbergs dikter*. Lund: Språk- och litteraturcentrum, Lunds universitet, 2008. S. 111–113. (In Swedish)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 25 декабря 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 апреля 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
 Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on December 25, 2023

Revised on April 1, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030124

«Мы мало знаем раннего Брюсова...»: творчество поэта-символиста в научном наследии Н. К. Гудзия

© 2024 г. М. А. Фролов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9694-6583>
maximfam@mail.ru

Резюме. В статье предпринята попытка рассказать о той части научного наследия историка литературы, текстолога, педагога Н.К. Гудзия, которая посвящена творчеству поэта, прозаика, литературного критика, переводчика, общественного деятеля В.Я. Брюсова. На основании неопубликованных архивных материалов, печатных работ, материалов личного архива и переписки Гудзия охарактеризован вклад ученого в развитие отечественного «брюсоведения», определены основные обстоятельства, повлиявшие на формирование его читательского и исследовательского интереса к этой теме. Кроме того, представлена предыстория появления на свет основных научных работ Гудзия, посвященных Брюсову и раннему этапу становления русского символизма, а активная работа ученого во 2-м МГУ, Государственной Академии Художественных наук, «Кружке памяти Валерия Брюсова» рассмотрена с точки зрения движения исследователя к избранной теме и объекту научного интереса. Представленные материалы позволяют проследить судьбу нескольких исследовательских сюжетов — история раннего русского символизма, юношеское творчество Брюсова, смена его творческих и научных интересов, роль литературного окружения в жизни поэта — от их рождения и систематизации архивных материалов до печатного воплощения.

Благодарность. Автор выражает признательность научному сотруднику ИРЛИ РАН В.В. Филичевой за предоставленный текст письма Н.К. Гудзия к Д.Е. Максимову, а также заведующему Отделом редких книг и рукописей МГУ им. М.В. Ломоносова А.Л. Лифшицу и всем сотрудникам отдела за многообразную помощь и внимательное отношение.

Ключевые слова: Н.К. Гудзий, В.Я. Брюсов, И.М. Брюсова, П.П. Перцов, Д.Е. Максимов, «Русские символисты».

Для цитирования: Фролов М.А. «Мы мало знаем раннего Брюсова...»: творчество поэта-символиста в научном наследии Н.К. Гудзия // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 116–125. DOI: 10.31857/S1605788024030124

“We Know Little About the Early Bryusov...”: The Work of the Poet-Symbolist as Reflected in the Scholarly Heritage of N. K. Gudziy

© 2024 Maxim A. Frolov

Cand. Sci. (Philol.)

Senior Researcher at the Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya Str., 121069 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9694-6583>

maximfam@mail.ru

Abstract. The article attempts to talk about that part of the scholarly heritage of the literary historian, textual critic, teacher N.K. Gudziy, which is dedicated to the work of the poet, prose writer, literary critic, translator, public figure V.Ya. Bryusov. Based on unpublished archival materials, printed works, materials from Gudziy's personal archive and correspondence, the scholar's contribution to the development of domestic “Bruce studies” is characterized, and the main circumstances that influenced the formation of his reading and research interest in this topic are identified. In addition, the background to the birth of Gudziy's main scholarly works, dedicated to Bryusov and the early stage of the formation of Russian symbolism, is presented, and the scholar's active work at the 2nd Moscow State University, the State Academy of Artistic Sciences, and the “Circle in Memory of Valery Bryusov” is considered from the point of view of the researcher's movement towards chosen topic and object of critical interest. The presented materials allow us to trace the fate of several research subjects – the history of early Russian symbolism, Bryusov's youthful creativity, the change of his creative and critical interests, the role of the literary environment in the poet's life – from their birth and systematization of archival materials to printed embodiment.

Acknowledgements. The publisher expresses his gratitude to the research fellow of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences V.V. Filicheva for providing the text of letter from N.K. Gudziya to D.E. Maksimov, as well as the head of Department of Rare Books and Manuscripts (Moscow State University), A.L. Lifshits and all employees of the department for their varied assistance and attentive attitude.

Key words: N.K. Gudziy, V.Ya. Bryusov, I.M. Bryusova, P.P. Pertsov, D.E. Maksimov, “Russian Symbolists”.

For citation: Frolov, M.A. “*My malo znaem rannego Briusova...*”: *tvorchestvo poeta-simvolista v nauchnom nasledii N.K. Gudziia* [“We Know Little About the Early Bryusov...”: The Work of the Poet-Symbolist as Reflected in the Scholarly Heritage of N.K. Gudziy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 116–125. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030124

Занявшись в первой половине 1920-х годов изучением русского символизма, историк литературы, текстолог, педагог Н.К. Гудзий (1887–1965) впоследствии сделал немало и для развития отечественного «брюсоведения», хотя оценивал свой вклад неизменно скромно. Гудзию принадлежат статьи, определившие, в ряду других новаторских исследований, перспективы изучения литературного наследия Брюсова – «Из истории раннего русского символизма (Московские сборники “Русские символисты”» [1] и «Юношеское творчество Брюсова» [2], основанные на материалах личного архива поэта. Эти труды не утратили своего научного значения, несмотря на то что за прошедшие десятилетия литература о русском

символизме пополнилась сотнями обобщающих и специальных работ, рассматривающих разные аспекты его истории и представляющих материалы для ее изучения. Гудзий был книжником в самом высоком смысле этого слова. К началу 1920-х годов, о которых пойдет речь далее, у Гудзия уже имелась достаточно подробная «брюсовиана» [3, с. 21–25]. В основе исследовательского внимания Гудзия (подлинного ценителя и редкого знатока поэзии) к биографии и творчеству Брюсова лежал глубокий читательский интерес. Несомненно, что на обращение Гудзия к истории русского символизма, и в особенности – к творчеству Брюсова, самым непосредственным образом повлияли несколько обстоятельств.

Прежде всего, это работа организованных ученым в сентябре 1923 — июне 1924 г. двух семинариев, по русскому символизму и по русской литературе начала XX в., для студентов литературно-лингвистического отделения педагогического факультета 2-го МГУ, профессором которого Гудзий был в эти годы. Достоинно особого внимания, что опыт руководства коллективной работой по изучению истории русского символизма и творчества Брюсова в рамках программы советской высшей школы был предпринят Гудзием еще при жизни поэта. Значительное место в заседаниях семинариев занимало также творчество Вячеслава Иванова, Александра Блока и Федора Сологуба. Брюсову были посвящены четыре доклада: «Ранний период творчества Брюсова» (Новогрудского), «В. Иванов и Брюсов как теоретики символизма» (Шишова), «Послереволюционный Брюсов» (Крушкола). В заключительном слове, оценивающим доклад Добининой «Социальные корни символизма», Гудзий высказал замечание, являющееся, по сути дела, первым его высказыванием о символизме, отраженным в документальных материалах, правда, не лишенным некоторых характерных примет времени и не вполне справедливым: «... символизм сперва пошел от интеллигенции и был радикальным течением, но потом попал в услужение к буржуазии. Ошибка докладчицы в том, что она не провела резкой грани между символизмом и декадентством»¹. Позднее, читая «Дневник» Брюсова и сборники «Русские символисты», по поводу предисловия к первому их выпуску, начинающегося со слов «Нисколько не желая отдавать предпочтения символизму...», Гудзий оставляет заметку: «Попытка разграничить символизм и декадентство...»². Впоследствии он разовьет эту мысль в статье «Из истории раннего русского символизма».

Второе существенное обстоятельство — активная работа Гудзия в Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) в 1922–1929 гг., где он, будучи действительным членом и заведующим Подсекцией русской литературы Литературной секции, соприкоснулся с наследием своих героев и лично познакомился с их современниками — П.П. Перцовым, Г.И. Чулковым, С.М. Соловьевым, Л.Я. Гуревич, С.Н. Дурылиным, В.Ф. Саводником и вдовой поэта И.М. Брюсовой.

Но прежде чем рассказать о «брюсовском» направлении работы Гудзия в ГАХН, очень многое

определившем, упомянем об эпизоде, безусловно, важном для Гудзия, который имел место в 1924 г., — встреча с Брюсовым и оппонирование ему в дискуссии по его докладу «О рифмах у Пушкина»³ на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности⁴, состоявшемся на квартире литературоведа Н.Н. Фатова, жившего с Гудзием в одном доме № 26 по Трубниковскому переулку. Согласно воспоминаниям литературоведа Н.А. Трифонова, «Брюсов, который был одним из выдающихся знатоков и мастеров поэтической формы, в названном докладе показал, что Пушкин в своих стихах обращал большое внимание на так называемые “опорные” звуки, находящиеся слева от ударения в рифмуемых словах, и тем самым явился в известной мере как бы предшественником поэтов XX столетия» [6, с. 337]. 28 февраля 1924 г. Гудзий записывает в дневнике: «Вечером заседание Пушкинской комиссии. Доклад Брюсова — о рифме у Пушкина. Александризм и схоластика. Неубедительно и неглубоко. Возражал ему. Пиксанов на записочке написал: “Вы очень хорошо говорили”»⁵. Поскольку архив Общества сохранился лишь до 1920 г., восстановить ход заседания, в том числе обсуждения, и хотя бы в общих чертах — выступление Гудзия — не представляется возможным. Не проясняют эпизода воспоминания Фатова, посвятившего заседанию всего несколько абзацев [7, с. 215–223]. Сам Брюсов, как о том свидетельствуют и воспоминания И.Н. Розанова, особо выделил для себя выступление М.А. Гершензона и не названного оппонента, сделавшего ему замечания относительно творчества М.М. Хераскова [4, с. 81]; [8, с. 763]. Можно было бы предположить, что речь идет о Гудзии, но для этого нет достаточных оснований — их с Розановым связывала близкая дружба, вряд ли он мог удостоиться безличного упоминания. Документальных свидетельств о каких-либо иных эпизодах личного общения Гудзия и Брюсова в настоящее время не обнаружено. Предполагаем, что оно не успело выйти за пределы простого знакомства.

В том же году, в майском номере журнала «Книга о книгах» Гудзий в обзоре «Пушкинская литература в послереволюционные годы», по справедливости заметив, что двадцатый век выдвинул «целую группу солидных пушкинистов, в ряду которых значительное место занимают поэты-символисты,

¹ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. Ед. хр. 5. Л. 3.

² Там же. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 10.

³ Ср. со статьей Брюсова «Левизна Пушкина в рифмах», опубликованной тогда же [4].

⁴ Действительным членом Общества Гудзий состоял с 1922 г. [5, с. 587].

⁵ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 4об.—5.

как В. Брюсов и Вяч. Иванов», весьма критически, как и многие его коллеги, оценил вышедшую в 1919 г. первую часть первого тома «Полного собрания сочинений» А.С. Пушкина под редакцией Брюсова: «... филологическое чутье и критическая строгость, обнаруженные Брюсовым в предшествующих штудиях по Пушкину, покинули его в этом ответственном и серьезном научном мероприятии» [9, с. 30, 31].

В середине 1920-х годов Гудзию довелось возглавить коллективную работу по истории русского символизма в рамках работы ГАХН, итогом которой мыслилась целая серия сборников архивных материалов и исследований под редакцией Гудзия (в 1925/1926 академическом году «подсекция в плане своих занятий на первом месте поставила изучение русского символизма»). Она должна была открыться сборником «Ранний русский символизм», работа над которым происходила с начала 1926 г. по осень 1928 г. Гудзий не оставлял надежды опубликовать его в расширенном и измененном составе до 1929 г. Весной сборник был отвергнут Главлитом, о чем ученый сообщил на заседании Президиума Литературной секции 8 апреля, да и надвигающиеся на Академию суровые испытания не способствовали положительным ожиданиям [10, с. 34]; [11, с. 50–52].

Доклад «Первые шаги московского символизма (сборники “Русские символисты” 1894–1895 гг.)», был прочитан Гудзием на заседании Пленума Литературной секции 26 апреля 1926 г. Протокол заседания, по-видимому, не сохранился, поэтому мы лишены возможности познакомиться с полным текстом выступления Гудзия и с материалами обсуждения. Исключительную ценность приобретает в этой связи статья ученого «Из истории раннего русского символизма», опубликованная в 1927 г. в журнале «Искусство», в основу которой был положен прозвучавший доклад [11, с. 50–54]. Значительную помощь в работе над темой оказывали Гудзию И.М. Брюсова и П.П. Перцов. 1 апреля 1926 г. Гудзий благодарил Перцова, познакомившего его с письмами Брюсова, обращенными к нему, и с фрагментами собственных воспоминаний до их появления в печати: «С большой благодарностью возвращаю Вам рукопись. Я не думал, что она представляет собой такой ценнейший материал для истории раннего символизма. Сделал кое-какие выписки для истории “Рус<ских> симв<олистов>”, которыми разрешите воспользоваться для доклада»⁶, а 11 июля 1927 г., благодаря его за книгу писем

Брюсова, выпущенную под грифом ГАХН, писал: «Искренно благодарю Вас за присылку мне Вашей книжки. Она очень много дает для истории русского символизма как раз в той его стадии, которой я интересуюсь»⁷.

С вдовой Брюсова Гудзия связывали добрые отношения — она активно помогала ученому в «брюсовских» изысканиях, познакомив его с материалами личного архива поэта. В распоряжении Гудзия в пору его работы над статьей находились авторские экземпляры всех выпусков «Русских символистов» и всех первых поэтических сборников Брюсова с правкой автора, а также сохранившиеся автографы стихотворений и поэм 1893–1896 гг. Связывала И.М. Брюсову и Гудзия взаимная симпатия и уважение, что подтверждают надписи на подаренных друг другу книгах. Свою первую и единственную на тот момент монографию «Переводы “Zywołów swiętych” Петра Скарги в Юго-западной Руси» (1917) Гудзий дарит весной 1926 г. с надписью: «Глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне Брюсовой от благодарного и обязанного ей Ник. Гудзия. 25/III/1926» [12, с. 126]. Сборник «Мой Пушкин» под редакцией Н.К. Пиксанова И.М. Брюсова преподнесла ему в начале 1929 г., вписав на форзаце строки: «Источник Истины, святое созерцание!.. | Я знал блаженный миг, когда блеснул мне свет... Пер. из Г. Шульца Валерий Брюсов. 1894 г.» — и сопроводив словами: «Дорогому исследователю Брюсова — Николаю Каллиниковичу Гудзию. Иоанна Брюсова февр. 1929» [3, с. 24]. Вышедший в конце 1935 г. том «Неизданных стихотворений» под редакцией А.Н. Тер-Мартirosьяна украшен надписью: «Милому Николаю Каллиниковичу Гудзию с верой, что он не будет слишком строгим судьей моей попытке опубликовать брюсовские черновики, отрывки и не увидевшие в свое время свет законченные стихотворения: как те, что поэт не успел опубликовать, так и те, что не считал достойными этой участи. С глубоким и искренним уважением. Иоанна Брюсова 5 февр. 1936 г.» [3, с. 24]. В 1946 г., когда исполнилось 70 лет со дня ее рождения, ученый отправил поздравительное письмо, содержащее ответное признание: «Я вспоминаю с благодарностью дни, когда я в его кабинете, при Вашей милой помощи и Вашем дружелюбии, работал над рукописями большого поэта, получая от Вас драгоценную помощь и драгоценные указания»⁸.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 148. Ед. хр. 24. Л. 10б.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1.

Гудзию удалось в своем труде решить важнейшие исследовательские задачи — рассказать о культурно-исторических и литературных предпосылках для формирования символизма на русской почве, о роли Брюсова, инициатора и катализатора этого процесса, проецировавшего многие поведенческие стратегии европейских предшественников, зачастую двигаясь в поэтическом плане по их следам, отнюдь не подражая им, но используя их опыт применительно к ожиданиям читательской аудитории и писательского сообщества конца XIX в. Гудзий дал в статье обзор обильной критической литературы и пародий, которые были порождены выходом «Русских символистов» и невольно поддерживали процесс утверждения символизма в качестве лидирующего литературного направления. Гудзий, вслед за Брюсовым, стремился разграничить символизм русский и европейский, который оба они считали в большей степени декадентством (такое же определение ученых дал московскому символизму, противопоставив ему петербургский).

Проследил Гудзий идейную эволюцию, пережитую Брюсовым в работе над выпусками «Русских символистов»: «от взгляда на символическую школу как на равноправную в ряду других <...> к утверждению абсолютного превосходства и даже исключительности символического искусства» [1, с. 193–198]. Для Брюсова это было опытом «взгляда со стороны» (символизм = «поэтическая школа»), вразрез со взглядами Мережковского, Волынского, Минского, Бальмонта, Белого, Блока, Вяч. Иванова (символизм = «органически цельное философское и религиозное мирозерцание»). Брюсов, по справедливому определению ученого, не только приверженец и проводник символизма, но и его теоретик, критик, отстаивающий свою концепцию, стремящийся «определить свою литературную позицию в связи с ростом школы» [1, с. 195, 201]. В существе символизма, отмечает Гудзий, для Брюсова неизменно определяющим моментом являлся «художественный прием», «момент импрессионистического воздействия», а не содержание, и подчеркивает, что этот подход будет оказывать влияние на его дальнейшие «теоретические взгляды и поэтическую практику» [1, с. 195, 199]. Целый ряд брюсовских псевдонимов и мистификаций периода «Русских символистов» (важный тактический ход в утверждении символизма как выражения серьезных намерений его представителей) был впервые в печати раскрыт именно Гудziem. Круг участников и содержание всех трех выпусков были подробно проанализированы ученым со стороны их поэтики, а нередко и стихотворной

формы. Не случайно, а закономерно мимолетное, но выражающее реальную ситуацию с разработкой наследия поэта, замечание Гудзия в дискуссии по докладу И.Н. Розанова «Ранний Брюсов» 28 мая 1926 г. в ГАХН: «Мы мало знаем раннего Брюсова...»⁹. Это высказывание — отправная точка плодотворной работы Гудзия в этой области на ближайшее десятилетие.

15 и 29 января 1926 г., на заседаниях Подсекции русской литературы прозвучали доклады Перцова «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х (по письмам В. Брюсова и личным воспоминаниям)». Докладчик коснулся творчества Минского, Мережковского, Бальмонта, Брюсова, кружка авторов журнала «Северный вестник», а также К.М. Фофанова и В.С. Соловьева, стоявших у истоков раннего русского символизма. Гудзий присутствовал на заседаниях и высказал немало существенных соображений, касающихся Брюсова: «В общей истории раннего символизма выступление Брюсова и успех школы, которую он возглавлял, не были бы так значительны, если бы не поддержка многих и многих его товарищей»; «...согласиться с положением о том, что Брюсов не был символистом, можно лишь при наличии очень точной формулы для символизма <...> Для того, чтобы определить убедительно символизм, надо определить его эстетическую гносеологию, пользуясь формальными поэтическими признаками <...> Отрицательные суждения Брюсова о символизме, действительно, приемлемы больше, чем беспомощные положительные»; «...необходимо <...> наметить связь между русскими символистами раннего периода с соответствующими явлениями на Западе»¹⁰. Последнее положение он развил в прениях по докладу Саводника «Валерий Брюсов и французский символизм», прозвучавшему 11 июня 1926 г.: «Брюсов подлинным символистом не был. В первые годы своей деятельности он был декадентом, а позднее стал парнасцем <...> Весьма показательно, что Брюсов только в одной его статье “Ключи тайн” касается идейной стороны символизма, а впоследствии он никогда глубин символизма не раскрывал. Влияние на него французского символизма было чисто формальное. И вообще неясно, были ли французские символисты настоящими символистами в том значении этого слова, в каком его понимают у нас, ибо у них не замечается тенденции вскрыть ноуменальную суть вещей, которая так ярко проявляется, напр<имер>, у Блока и Андрея

⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 57а.

¹⁰ Там же. Л. 29об., 27, 26об.

Белого. Даже Верлен был декадент, а не типический символист» [11, с. 53].

Третьим существенным обстоятельством на пути изучения Гудзием символизма и творчества Брюсова оказались его плодотворные занятия с 1923 г. наследием и поэтикой Ф.И. Тютчева, «первого русского символиста» по формуле Г.И. Чулкова. Задачам определения основных особенностей поэтики символизма, важнейших предпосылок и почвы для ее формирования, «изучения русской художественной традиции в поэтической культуре русского символизма» был подчинен доклад Гудзия «Тютчев в русском символизме» 20 мая 1927 г. Он послужил основой для монографического исследования Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», увидевшего свет в 1930 г., в котором ученый одним из первых в научной литературе четко ограничил и определил сферу творческого влияния Тютчева на Брюсова: «Поэт — рационалист, символист не в мировоззренческом плане, а лишь в формальном, неравнодушный больше всего к четким, ясным формам парнасской поэтики, Брюсов по самому складу своего философского и поэтического мировоззрения не может считаться близким к Тютчеву. В стремлении к усвоению и претворению в своем творчестве всех ценностей поэтической культуры от Вергилия и александрийцев до Пастернака, Брюсов, естественно, не мог пройти и мимо Тютчева, возбуждавшего к себе интерес своим поэтическим дерзанием и ярким новаторством. Поэзия Тютчева <...> оправдывавшая новизну поэтических приемов зачинателей русского символизма, была очень выгодным оружием в борьбе со всяческим художественным староверством и эстетическими шаблонами» [13, с. 490, 491].

Закономерным и последовательным продолжением фундаментальной работы Гудзия в ГАХН стало его активное участие, начиная с весны 1926 г., и поддержка всех научных и мемориальных инициатив «Кружка памяти Валерия Брюсова», начавшего свою деятельность вскоре после кончины поэта как «Содружество им. В. Брюсова», объединившее деятельных почитателей его памяти, а с января 1927 г. продолжившего ее уже в качестве «легализованного литературно-научного общества». Основные задачи «Кружка», в 1928 г. включенного в состав учреждений Главнауки, формулировались следующим образом: изучение архива Брюсова, исследование творчества поэта с точки зрения поэтики и в историко-литературном ракурсе, изучение эпохи символизма, наследие Брюсова — переводчика и армяноведа. Включение предпоследнего пункта в программу

исследований было инициировано в значительной степени Гудзием, поскольку на заседаниях Правления кружка (вплоть до последнего года его существования, 1930-го) он, стремясь придать изучению наследия Брюсова более широкий характер, призывал изучать и других символистов, да и самого поэта рассматривать «в связи с историей символизма» и «тем самым сделать большое историко-литературное дело»¹¹. В записной книжке Гудзия за 1927 г. сохранились две предельно краткие записи о посещении заседаний кружка, наиболее подробную из них, сделанную 9 октября, мы процитируем и прокомментируем: «Вечером у Брюсовой (3-я годовщина смерти). Интересны воспоминания С.М. Соловьева»¹². Запись фиксирует присутствие Гудзия на третьем исполнительном вечере Кружка, торжественном заседании, программа которого включала в себя отчет секретаря А.А. Ильинского-Блюменау, выступление С.М. Соловьева «Воспоминания о Валерии Брюсове», чтение неизданных произведений поэта и музыкальный концерт с участием К.Н. Игумнова, Н.Г. Райского и Л.М. Цейтлина¹³.

Выбор тем для докладов диктовался значительным корпусом материалов, уже находившихся у Гудзия в работе. Первый доклад на заседании кружка под названием «К истории русского символизма», прозвучавший 9 мая 1926 г., полностью совпадал содержательно с аналогичным докладом в ГАХН. Протокол зафиксировал некоторые его положения: «Брюсов в эпоху выпуска “Русских символистов” не был символистом, а был типичным декадентом <...> заявление Брюсова об этом на торжественном заседании в ГАХН в дни его юбилея совершенно соответствуют истине. Между символизмом и аллегоризмом Брюсов видит огромную разницу»¹⁴. Вторая масштабная тема, намеченная в ГАХН, начала реализовываться именно в рамках работы «Кружка». Два доклада Гудзия 1929 г. — «Творчество юного Брюсова» (9 мая) с чтением неизданных стихотворений Брюсова и их вариантов, а также ненапечатанных текстов периода “Stephanos” и «Детское и юношеское творчество Валерия Брюсова» (9 декабря) — подводили промежуточные итоги многолетней работы по изучению личного архива Брюсова, которая в 1937 г. получила свое полное отражение в статье Гудзия «Юношеское творчество Брюсова», напечатанной в «символистском» томе

¹¹ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 23.

¹² ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 81.

¹³ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 32.

«Литературного наследства» [2]. Первое упоминание о движении к этой теме содержится в цитируемой ранее статье 1927 г.: «В Брюсовском архиве сохранилось свыше 20-ти переплетенных большею частью в клеенку тетрадей поэта, представляющих драгоценный материал для истории его творчества с ранней юности. В них очень много неопубликованных текстов — стихотворных и прозаических» [1, с. 184]. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в академическом году 1926/1927 планировалось, но не состоялось выступление Гудзия в ГАХН с докладом «Рукописное стихотворное наследие Брюсова» [10, с. 34]. Надо сказать, что анализу Гудзия подверглись тексты разнообразных жанров — в его личном архиве сохранились описания папок с рукописями Брюсова конца 1880-х и начала 1890-х годов, в которых мы находим упоминания о трагедиях «Цезарь» и «Помпей Великий», комедии «Обед», поэме «Король», сатирическом рассказе «Его любовь» и многих других произведениях Брюсова.

Характеристике подобных источников в общем контексте творчества Брюсова и были посвящены два последних доклада Гудзия на заседаниях «Кружка». В первом из них он отметил «разнообразие симпатий поэта — от Пушкина и Лермонтова до самых третьестепенных авторов», охарактеризовал один из первых поэтических опытов Брюсова — стихотворение «Соловей» (1881), а также юношескую школу «редакторской» работы, не прошедшую бесследно для Брюсова, будущего издателя, редактора и автора «Русских символистов» — выпуск рукописного журнала «Начало» вместе с гимназическим другом В.К. Станюковичем. В докладе Гудзий также утверждал, что «зарождение Брюсова как поэта-символиста следует отнести к 1892 г.», поскольку именно тогда появляются «первые декадентские стихи», некоторые из которых представляют собой подражание М. Метерлину¹⁵. Пьесу «Дачные страсти» 1893 г. Гудзий определил как пародию Брюсова на «декадентскую манеру стихов и самый тип поэта-декадента» (это утверждение оспорил в дискуссии Н.С. Ашукин, назвав пьесу «не пародией, а явлением психологического порядка»), добавив в этой связи, что повесть «Декадент», фрагменты которой были им зачитаны на заседании, он «считает весьма автобиографичной»¹⁶.

¹⁵ Читая «Дневник» Брюсова, Гудзий делает такую запись: «В тетради, составленной в 1893 г., уже предвестие стихотворений “Русских символистов”» (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. I. Ед. хр. II. Л. 5).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 109—109об.

Во втором докладе Гудзий представил, среди прочего, анализ содержания тетрадей с выписками 1889 г., отметив, что она наполнена текстами Фета, Фофанова, Майкова, Мартова, Рылеева, Полонского, но обходит Пушкина и Лермонтова, хотя «их влияние сказывается на творчестве раннего Брюсова». В это же время и позднее, в 1892 г. обнаруживается интерес поэта к культуре и поэзии Древней Греции и Рима, истории искусств, к Надсону и Баратынскому, выразившийся в подражании им. Упоминает Гудзий и предпринятый в 1891 г. опыт «кодификации» Брюсовым текстов первого творческого десятилетия — корпус «Мои стихи», сопровождавшийся «автобиографическими комментариями», являющимися «художественным отображением личных переживаний Брюсова, любопытными для уяснения связи интимной жизни поэта с его творчеством». В таком «симбиозе личных признаний и иллюстрирования их стихами» Гудзий усматривал «новый жанр». Наконец, Гудзий указал на ключевой эпизод: осенью 1892 г. Брюсов делает выписки из статьи З. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции», напечатанной в сентябрьской книжке «Вестника Европы», благодаря которой впервые знакомится с символистами¹⁷.

В работе 1937 г., первоначальная редакция которой называлась «Досимволический Брюсов», Гудзий, скромно оценивая художественные достоинства раннего периода творчества поэта (1889—1895), придавал ему большое значение в другом плане — как неотъемлемому условию полного и целостного взгляда на творческий путь поэта в динамике, в эволюции: «Яркими чертами рисует оно идейно-психологические особенности той среды, в недрах которой зарождался русский символизм, те пути, по которым шло интеллектуальное развитие основоположников и зачинателей школы. Кроме того, знакомство с ранним Брюсовым поучительно и в другом отношении: оно позволяет нам с большой наглядностью установить генетику позднейших художественных исканий Брюсова <...> Также и круг культурных, научных и исторических интересов, показательных для зрелого Брюсова, обнаруживается еще в его детских и юношеских пристрастиях. Тем самым, весь писательский путь поэта, начиная с его детских опытов, воспринимается как процесс органический и закономерный. Предварительная выучка и психологическая тренировка были проделаны в годы, предшествовавшие его первым выступлениям в печати. Здесь наметилось все основное, что нужно было приспособить

¹⁷ Там же. Л. 119—120.

к новым литературным перспективам, ставшим на очередь дня» [2, с. 198, 237]. В архиве Гудзия и в редакционном архиве «Литературного наследства» не сохранилось писем, документирующих предысторию его участия в символистском томе, но научный генезис этой темы очевиден.

Важная страница в довоенной научной биографии Гудзия — его участие в подготовке 12-томного собрания сочинений Брюсова. В этой работе он вновь встретился со своими коллегами по «Кружку». Ему и Н.С. Ашукину была поручена подготовка 1-го тома, охватывающего поэтические тексты 1894–1903 гг. (Гудзий сохранил протокол установочного заседания редколлегии издания 28 ноября 1935 г., определившего хронологические и жанровые границы будущих томов, а также распределение зон ответственности.) В 1930-е годы Гудзий регулярно участвовал в заседаниях редколлегии издания под председательством С.И. Кавтарадзе вместе с И.М. Брюсовой, И.М. Беспаловым, В.В. Гольцевым, И.С. Поступальским, К.С. Локсом. 7 января 1936 г. открытка И.М. Брюсовой извещала Гудзия: «9-го/1 у меня соберутся к 8 ч. вечера все редактирующие Собр<ание> Соч<инений> Брюсова, чтобы окончательно распределить между собой материалы и чтобы подать в редакцию общее заявление для подписания договора на редактирование. Очень просим Вас быть»¹⁸. Комментарии, как следует из протокола, было решено давать «текстологические» и «самые минимальные», из вариантов текстов в комментариях должны были публиковаться «наиболее интересные». В плане-проспекте издания указывалось, что оно «не будет полным собранием сочинений, но с достаточной полнотой представит разносторонность творчества Брюсова — поэта, романиста, драматурга, критика, литературоведа и историка». Первый том, согласно цитируемому документу, должен был состоять из следующих разделов: “Juvenilia”, “Chefs d’oeuvre”, “Me eum esse”, “Tertia Vigilia”, “Urbi et Orbi” и «Неизданное»¹⁹. Этот неосуществленный проект был на редкость своевременным и в смысле разработки творческого и архивного наследия Брюсова обещал стать событием этапным. Сохранились в архиве ученого автографы его комментария к юношеским стихотворениям (в частности, направленным в «Северный вестник» в 1892 г., но не принятым к печати), наборный экземпляр комментария к разделу “Juvenilia”, относящийся к весне 1937 г., когда, надо полагать, окончательно прервалась работа Гудзия в издании. 27 января

Сектор классиков Гослитиздата напомнил ему об истечении срока договора на предоставление рукописи первого тома, он получил отсрочку до апреля, но и тогда работа не была представлена в издательство²⁰. Ашукин с волнением писал ему 4 апреля: «...не могу не беспокоиться о своевременной сдаче 1-го тома Брюсова. Я свою работу заканчиваю через три-четыре дня. Когда же приступите Вы? К 15 апреля сдать том необходимо. Если бы Вы сейчас же смогли приняться за работу, то — конечно — успели бы выполнить ее к сроку»²¹. Других материалов о дальнейшей судьбе этой работы Гудзия обнаружить не удалось. Вдова поэта и ее ближайшие сотрудники, несмотря на множество препятствий, в том числе политического характера, не оставляли надежды осуществить издание в первоначальном составе вплоть до конца 1940-х годов [14].

Гудзий всегда был готов оценить работу коллег, которые дорожили его мнением. Приведем один показательный пример. Подаренный Д.Е. Максимовым, младшим коллегой Гудзия по изучению русского символизма и творчества поэта, «брюсовский» том в большой серии «Библиотеки поэта» (1961) украшает такая надпись: «Дорогому Николаю Каллиниковичу Гудзию, проложившему путь к изучению молодого Брюсова, с глубоким уважением и сердечным чувством. Д. Максимов. 26 января 1962» [3, с. 25]. Гудзий откликнулся 7 февраля 1962 г.: «...это первый крупный шаг к академическому — со временем — изданию сочинений Брюсова. Он ведь сыграл в истории русской поэзии XX в. такую же роль, какую сыграл Жуковский по отношению к русской поэзии начала XIX в.: Брюсов приобщил русское поэтическое творчество к высотам европейской поэтической культуры <...> Сколько богатейшего материала для уразумения творчества Брюсова находится в его черновых рукописях, в неизданных стихах и статьях! Когда-то я хотел всем этим заняться, но руки не доходили»²².

Эта поздняя оценка Брюсова, засвидетельствованная Гудziem в частном письме, говорит о том, что творчество поэта продолжало оставаться одной из главных тем его размышлений даже тогда, когда перестала быть предметом исследовательского интереса. Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что в 1920-е — 1930-е годы Гудзий, в тесном сотрудничестве с И.М. Брюсовой, с современниками поэта, его соратниками

¹⁸ ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 2. Карт. 3. Ед. хр. 48. Л. 1.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Карт. 4. Ед. хр. 47. Л. 1–2об.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 46. Д. 37. Л. 10, 11.

²¹ Там же. Карт. 15. Ед. хр. 19. Л. 1.

²² ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 8.

и литературоведами, изучавшими его творчество, принял ближайшее участие в формировании источниковедческой и текстологической базы для подготовки будущих изданий и исследований — основы для развития отечественного брюсоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудзий Н.К. Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.
2. Гудзий Н.К. Юношеское творчество Брюсова // Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнално-газетное объединение, 1937. С. 198–238.
3. Русские поэты XX века в библиотеке Н.К. Гудзия: Издания 1890–1965 гг. Каталог. М.: Литературное обозрение, 1996.
4. Брюсов В. Левизна Пушкина в рифмах // Печать и революция. 1924. Кн. 2. С. 81–92.
5. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности (1811–1930). М.: Academia, 2002.
6. Трифонов Н.А. Из воспоминаний старого брюсоведа // Брюсовские чтения — 1996. Ереван, 2001. С. 337–343.
7. Валерий Брюсов. Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове Varia. М.: Ключ; Книга и бизнес, 1998.
8. Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым> // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 759–772.
9. Гудзий Н. Пушкинская литература в послереволюционные годы // Книга о книгах. 1924. № 4 (Май). С. 30–36.
10. Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 29–50.
11. Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года — 7 декабря 1928 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 30–65.
12. Jeanne. Жена поэта Брюсова. М.: Литературный музей, 2018.
13. Гудзий Н. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549.
14. Молодяков В.Э. К истории несостоявшегося собрания сочинений Валерия Брюсова в Гослитиздате // Молодяков В.Э. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 175–179.

REFERENCES

1. Gudziy, N.K. *Iz istorii rannego russkogo simvolizma (Moskovskie sborniki "Russkie simvolisty")* [From the History of Early Russian Symbolism (Moscow Collections "Russian Symbolists")]. *Iskusstvo [Art]*. 1927, Vol. 3, Book 4, pp. 180–218. (In Russ).
2. Gudziy, N.K. *Iunosheskoe tvorchestvo Briusova* [Youth Creativity of Bryusov]. *Literaturnoye nasledstvo*. T. 27–28 [Literary Heritage. Vol. 92]. Moscow, 1937, pp. 198–238. (In Russ).
3. *Russkie poety XX veka v biblioteke N.K. Gudziya: Izdaniya 1890–1965 gg. Katalog* [Russian Poets of the Twentieth Century in the Library of N.K. Gudziy: Editions 1890–1965. Catalog]. Moscow, 1996. 160 p. (In Russ).
4. Briusov, V. *Levizna Pushkina v rifmakh* [Pushkin's Leftism in Rhymes]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and Revolution]. 1924, Vol. 2, pp. 81–92. (In Russ).
5. Klejmjonova, R.N. *Obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti (1811–1930)* [Society of Lovers of Russian Literature (1811–1930)]. Moscow, 2002. 621 p. (In Russ).
6. Trifonov, N.A. *Iz vospominanii starogo briusoveda* [From the Memoirs of an Old Briusov Scholar]. *Briusovskie chteniia — 1996* [Bryusov readings — 1996]. Yerevan, 2001, pp. 337–343. (In Russ).
7. Valeriy Briusov. *Neizdannoe i nesobrannoe: Stikhotvoreniiia. Proza. Venok Briusovu. Vospominaniia o Briusove. Varia* [Valery Bryusov. Unpublished and Uncollected: Poems. Prose. Wreath for Bryusov. Memories about Bryusov. Varia]. Moscow, 1998. 332 p. (In Russ).
8. Rozanov, I.N. *<Vstrechi s Briusovym>* [Meetings with Bryusov]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary Heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, 1976, pp. 759–772. (In Russ.).
9. Gudziy, N. *Pushkinskaia literatura v poslerevoliutsionnye gody* [Pushkin's Studies in the Post-Revolutionary Years]. *Kniga o knigakh* [Book about Books]. 1924, No. 4 (May), pp. 30–36. (In Russ.).
10. Frolov, M.A. *N.K. Gudziy v Gosudarstvennoj Akademii Hudozhestvennyh Nauk: k istorii sotrudnichestva. Chast 1: 7 maja 1923 goda — 28 maja 1924 goda* [N.K. Gudziy at the State Academy of Artistic Sciences: on the History of Cooperation. Part 1: May 7, 1923 — May 28, 1924]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2023, No. 2, pp. 29–50. (In Russ.).
11. Frolov, M.A. *N.K. Gudziy v Gosudarstvennoj Akademii Hudozhestvennyh Nauk: k istorii sotrudnichestva. Chast 2: 26 nojabrja 1924 goda — 7 dekabrja 1928 goda* [N.K. Gudziy at the State Academy of Artistic Sciences: on the History of Cooperation. Part 2: November 26,

- 1924 – December 7, 1928]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2023, No. 3, pp. 30–65. (In Russ).
12. Jeanne. *Zhena poeta Briusova* [Jeanne. Wife of the Poet Bryusov]. Moscow, 2018. 143 p. (In Russ).
13. Gudziy, N.K. *Tiutchev v poeticheskoi kulture russkogo simbolizma* [Tyutchev in the Poetic Culture of Russian Symbolism]. *Izvestiia po russkomu iazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 1930, Vol. 3, Book 2, pp. 465–549. (In Russ).
14. Molodyakov, V.E. *K istorii nesostoiavshegosia sobraniia sochinenii Valeriya Briusova v Goslitizdate* [On the History of the Failed Collected Works of Valery Bryusov in Goslitizdat]. Molodyakov, V.E. *Moi Briusov: Publikatsii. Statji. Sobranie* [My Bryusov: Publications. Articles. Collection]. Moscow, 2023, pp. 175–179. (In Russ).

Дата поступления материала в редакцию: 7 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 марта 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on November 7, 2023
Revised on March 4, 2024
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788024030133

**Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики:
Справочные материалы (1938–1970) / отв. ред. Р. И. Воронцов.
СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2023. 206 с.**

[Review:] A Large Academic Dictionary of the Russian Language in the Mirror of Scientific and Methodological Literature and Criticism: Reference Materials (1938–1970). Ed. by R. I. Vorontsov. St. Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. 206 p. [In Russ.]

Лексикографическую ситуацию последних десятилетий лингвисты характеризуют как «лексикографический бум» [1, с. 3] или, более эмоционально, — как «лексикографический невроз» [2, с. 163–177]. Резко возросло количество публикуемых словарей, появилось множество принципиально новых типов лексикографических изданий. Увы, среди новых «словарных продуктов» оказалось немало и неаутентичных, ненаучных, компилятивных подделок, преследующих исключительно коммерческие цели (например, разного рода «адаптированные», «детские», «иллюстрированные», «исправленные и дополненные» и т.п. словари известных лексикографов). Такой бурный процесс обусловлен самыми разными экстралингвистическими факторами, в том числе развитием компьютерных технологий: они, с одной стороны, упростили работу над словарями, с другой — поставили под вопрос необходимость традиционных бумажных словарей для рядовых пользователей, которые все чаще обращаются в лучшем случае к электронным онлайн-словарям, в худшем — к поисковым системам «Яндекс» и «Гугл». Академическая лексикография в своей традиционной форме постепенно уступает электронным ресурсам по ряду параметров, таких как скорость и простота поиска, доступность, отсутствие ограничения по объему словника и возможность постоянного обновления. Эпоха академических толковых словарей в печатной форме на наших глазах подходит к концу. Это можно подтвердить, в частности, данными опросов,

которые провел в конце 2012 г. Б.Л. Иомдин [3, с. 115–116].

В описанных обстоятельствах перед академической лексикографией, несомненно, стоит задача встроиться в новые информационно-технологические условия (см., например, [3, с. 131]; [4, с. 135–137]). Учитывая важность этой задачи, вопрос о создании электронного лексикографического ресурса был поставлен уже на государственном уровне: так, в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» была добавлена статья под названием «Национальный словарный фонд», посвященная «государственной информационной системе, которая представляет собой совокупность информации о нормах современного русского литературного языка, зафиксированных в нормативных словарях, а также в словарях, содержащих сведения о развитии норм русского литературного языка» [5, с. 1–2].

Если говорить о современной *толковой лексикографии*, то, на наш взгляд, не менее актуальной (а возможно, даже первостепенной) ее задачей является осмысление богатого накопленного опыта предшественников. В конце XX — начале XXI в. издано огромное количество работ, в которых рассматриваются теоретические и практические аспекты словарного дела: сборники статей (напр., [6]–[9]), отдельные статьи (напр., [4]; [10]–[12]), монографии (напр., [1]; [13]; [14]). Эти труды затрагивают разные стороны лексикографической проблематики: от истории толковых словарей

русского языка до общих теоретических вопросов, обсуждение которых демонстрирует тесное взаимодействие лексикографии с развитием науки о языке.

Именно названные задачи: аккумуляция, обобщение и критический анализ накопленного опыта в свете необходимости перехода толкового словаря в электронную форму — побудили авторов «Большого академического словаря русского языка» (далее — БАС-3) [15] составить библиографический корпус научно-методологических материалов, отражающих историю создания 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (далее — БАС-1) [16] и относящуюся к нему научную рефлексию.

Сборник «Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970)» включает в себя аннотированную библиографию различных установочных документов (словарные проекты, инструкции, предисловия), материалов дискуссий (тезисы, стенограммы, отчеты о заседаниях), научных статей, посвященных проблематике БАС-1, изданных с 1938 по 1970 г. Кроме того, в сборнике опубликовано два малодоступных в настоящее время документа с примечаниями — стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома «Словаря современного русского литературного языка» (26 мая 1939 г.) и тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка (18–22 апреля 1966 г.). Издание снабжено указателями — алфавитным, тематическим и именным.

По сути, данный сборник является первой попыткой комплексно представить весь корпус исследований и мнений о методологических проблемах БАС-1 за определенный период (1938–1970 гг.) и сопроводить его тематическим, алфавитным и именным указателями для более легкой и удобной навигации.

Издание открывает информативное предисловие, кратко описывающее историю создания БАС-1, БАС-2 [17] и БАС-3, вписанную в более широкий лексикографический и лингвистический контекст с акцентом на генезисе концептуальных и методологических проблем: в частности, проблеме типа словаря, объекта словарного описания, источников, принципов формирования словника, порядка расположения слов, организации справочного отдела словарной статьи, принципов

иллюстрирования и семантической разработки лексики.

В библиографическом разделе сборника представлено 78 публикаций: как широко известные, классические работы, посвященные общей теории лексикографии (напр., [18]; [19]), так и статьи, касающиеся проблем описания конкретных слов (напр., [20]; [21]). Каждая публикация сопровождается аннотацией — краткой или весьма развернутой, в зависимости от актуальности работы применительно к практике составления толкового словаря русского языка. При этом в библиографию включены не только работы, полностью посвященные БАС-1, но и лишь отчасти затрагивающие его проблемы. Составители сборника высвечивают в текстах аннотаций те содержательные аспекты, которые значимы именно для академического толкового словаря.

Все публикации пронумерованы, благодаря чему справочный аппарат издания лаконичен и прост. Каждой аннотации предшествует особый раздел, в котором перечисляются основные обсуждаемые в публикации аспекты и проблемы. Данный справочный раздел призван помочь пользователю библиографии ориентироваться в материале сборника и сократить время поиска литературы. Особую теоретическую и практическую ценность представляет тематический указатель, в котором систематизированы самые актуальные проблемы отечественной лексикографии. Разработанная авторами издания рубрикация важнейших вопросов, касающихся работы над академическим толковым словарем, не только упрощает навигацию по сборнику, но и является, по сути, списком тем для лексикографической дискуссии, необходимость в которой явно назрела, учитывая неизбежный переход словарей в электронный онлайн-формат. При каждом пункте тематического указателя перечислены номера посвященных данному вопросу работ, и это является наглядной иллюстрацией, с одной стороны, так называемых вечных вопросов лексикографии (напр., принципов формирования словника, нормативно-стилистической характеристики слова, проблемы взаимодействия лексических и грамматических значений); с другой стороны, наименее изученных проблем, которые еще ждут своего детального описания (таких как историко-культурные ремарки в толкованиях, показ в словаре употребительности слова).

Отдельный интерес представляет комментированная публикация двух важнейших документов, в которых отражено состояние лексикографической мысли в начале и в конце работы над БАС-1:

1) стенограммы собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка (26 мая 1939 г.) (далее — Стенограмма); 2) тезисов докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка (18–22 апреля 1966 г.).

Стенограмма, имеющая огромное значение для современной академической толковой лексикографии, прежде не публиковалась в полном объеме. Ее машинописный текст хранится в Архиве Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН. Благодаря составителям сборника в нашем распоряжении появился не только полный текст этого уникального исторического, культурного и научного документа, но и весьма ценные комментарии к нему, поясняющие контекст дискуссии. Все биографические примечания представляют собой не сухую общую энциклопедическую справку, а описание деятельности ученого через призму лексикографии.

Острая дискуссия 1939 г., в которой участвовали Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, С.П. Обнорский и другие выдающиеся лингвисты, показывает: несмотря на то, что сейчас, спустя 85 лет, лексикография переживает переходный этап развития, тем не менее многие проблемы — как теоретического, так и практического характера — остаются неизменными. Так, материалы стенограммы показывают, что между языковедами прошлого не было единства в вопросах о том, каким должен быть словарь, каков его оптимальный объем, кто его потенциальный адресат, что подразумевает нормативная направленность словаря, как найти баланс в иллюстрировании значения слова между «гербаризацией» словарной статьи (то есть отсутствием иллюстративных примеров) и, напротив, избытком цитат и мн. др. Однозначных ответов на эти и другие вопросы нет и у современных составителей словарей (см., напр., [10]–[12]). Вступление лексикографии в цифровую эпоху не снимает всех этих вопросов, а, пожалуй, делает их еще более актуальными: в свете перехода на новый научный и технологический уровень особенно важно выработать непротиворечивую лексикографическую концепцию, учитывающую опыт предшественников.

Стенограмма 1939 г. имеет не только научно-практическое значение для развития лексикографии, но и неоспоримую культурно-историческую ценность. Яркая дискуссия выдающихся ученых Академии наук СССР, в которой затрагиваются и фундаментальные вопросы словарного

дела, и судьба отдельных слов, и организационная сторона составления словарей (речь идет и о качествах, необходимых руководителю словарного проекта, и о финансовых затруднениях, и о мн. др.), и идеологические вопросы (политическая редактура, подбор цитат из идеологически значимых текстов и т.п.), — это увлекательное чтение, интересное, на наш взгляд, широкому читателю. Здесь хотелось бы высказать пожелание составителям сборника: было бы удобно, помимо указателей литературы и именного указателя, иметь еще и алфавитный указатель слов, которые обсуждаются на собрании Отделения литературы и языка АН СССР (напр., *авторствовать*, *мазурик*, *мадам*; феминитивы *директорша*, *агрономша*, *авторша* и др.).

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на кажущийся небольшой объем, сборник оказался очень концентрированным благодаря продуманной структуре аннотирования. В нем собран разнородный и ранее разрозненный материал — критические и обзорные статьи, тезисы, стенограмма, словарные проекты и т.п. Опыт такого издания показывает необходимость продолжения данной работы по материалам последующих периодов истории БАС-1, БАС-2 и БАС-3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007.
3. Иомдин Б.Л. Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 114–132.
4. Герд А.С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. IX, ч. 2. С. 131–137.
5. Федеральный закон от 22.04.2024 № 93-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”».
6. Очередные задачи русской академической лексикографии / Отв. ред. Г.Н. Складеревская. СПб.: ИЛИ РАН, 1995.
7. Лингвистическая прагматика в словаре / Под ред. Г.Н. Складеревской. СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
8. История, теория и практика академической лексикографии / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2022.

9. Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмшева, Е.В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2018.
10. Крысин Л.П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.
11. Воронцов Р.И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 87–108.
12. Приёмшева М.Н. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. (В печати)
13. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998.
14. Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб.: Нестор-История, 2015.
15. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
16. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В.И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
17. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1–6. М., 1991–1994.
18. Шерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1940. № 3. С. 89–117.
19. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–104.
20. Рогожникова Р.П. Наречные и междометные значения некоторых существительных и показ их в словаре // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 66–73.
21. Кузнецова О.Д. О глаголах, изменяющих значение в связи с переменной субъекта действия // Современная русская лексикология / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1966. С. 56–63.
- Breakdown]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007. (In Russ.)
3. Iomdin, B.L. *Zagugli v Dale. Slovare v internet-discussiyakh* [Google in the Dal's Dictionary. Dictionaries in Internet Discussions]. *Sovremennij russkij jazik v internete* [Modern Russian Language in Internet]. Moscow: Yazyki slavyanskij kultur Publ., 2014, pp. 114–132. (In Russ.)
4. Gerd, A.S. *Akademicheskii slovar v svete sovremennykh sotsiolingvističeskikh tendentsii* [Academic Dictionary in the Light of Modern Sociolinguistic Trends]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies]. 2013, Vol. IX, p. 2, pp. 131–137. (In Russ.)
5. *Federalnyi zakon ot 22.04.2024 № 93-FZ "O vnesenii izmeneniya v Federal'nyi zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossijskoi Federatsii"* [Federal Law No. 93-FZ of 22.04.2024 "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"']. (In Russ.)
6. *Ocherednye zadachi russkoi akademicheskoi leksikografii* [Immediate Tasks of the Russian Academic Lexicography]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). St. Petersburg: ILI RAN Publ., 1995. (In Russ.)
7. *Lingvisticheskaya pragmatika v slovare* [Linguistic Pragmatics in the Dictionary]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). St. Petersburg: ILI RAN Publ., 1997. (In Russ.)
8. *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii* [History, Theory and Practice of Academic Lexicography]. Priemysheva, M.N. (ed.). St. Petersburg: ILI RAN Publ., 2022. (In Russ.)
9. *Rossiiskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: Current State and Prospects of Development]. Krylova, O.N., Myznikov, S.A., Priemysheva, M.N., Puritskaya, E.V. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (In Russ.)
10. Krysin, L.P. *Problema obnoveeniya tolkovykh slovarei sovremennogo russkogo yazyka* [The Problem of Updating the Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Izvestiya Rossijskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2011, Vol. 70, No. 1, pp. 3–9. (In Russ.)
11. Vorontsov, R.I. *Normativnost v sisteme fundamentalnykh kategorij tolkovoj leksikografii: k problem tipologii slovarej* [Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology]. *Izvestiya Rossijskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 87–108. (In Russ.)
12. Priemysheva, M.N. *K sodержaniyu ponyatiya "normativnyi slovar" v otechestvennoi tolkovoii leksikografii: normativno-stilisticheskaya vs ortologicheskaya traditsii* [Toward the Content of the Concept of "Normative Dictionary" in Russian Explanatory Lexicography:

REFERENCES

1. Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshnii i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian Language: The Current Century and the Past Century]. 2nd Ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 2015. (In Russ.)
2. Krongauz, M.A. *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian Language on the Verge of a Nervous

- Normative-stylistic vs Orthological Traditions]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2024, 33. (In Print) (In Russ.)
13. *Istoriya russkoi leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Sorokoletov, F.P. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. (In Russ.)
 14. Kruglov, V.M., Istratiy, V.V., Gamirova, D.R., Kaplan, Y.D. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative-Stylistic Marks in Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2015. (In Russ.)
 15. *Bolshoi akademicheskii skovar russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Gorbachevich, K.S., Gerd, A.S. Vol. 1–27. Moscow, St. Petersburg, 2004–2021 (continued edition). (In Russ.)
 16. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Chernyshev, V.I., et al. (eds.). Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965. (In Russ.)
 17. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Gorbachevich, K.S. (ed.). Vol. 1–6. Moscow, 1991–1994. (In Russ.)
 18. Shcherba, L.V. *Opyt obshchey teorii leksikografii* [An Experience of the General Theory of Lexicography]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. [Izvestiya Akademiya Nauk SSSR. Department of Literature and Language]. 1940. Vol. 3, pp. 89–117. (In Russ.)
 19. Ozhegov, S.I. *O trekh tipakh tolkovykh slovarei sovremennogo russkogo yazyka* [On Three Types of Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1952, Vol. 2, pp. 85–104. (In Russ.)
 20. Rogozhnikova, R.P. *Narechnye i mezhdometnye znacheniya nekotorykh sushchestvitelnykh i pokaz ikh v slovare* [Adverbial and Inter-Domantic Meanings of Some Nouns and Their Display in the Dictionary]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographical Compendium]. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei Publ., 1957, pp. 66–73. (In Russ.)
 21. Kuznetsova, O.D. *O glagolakh, izmenyayushchikh znachenie v svyazi s peremenoi subjekta deistviya* [On Verbs Changing Meaning in Connection with the Change of the Subject of Action]. *Sovremennaya russkaya leksikologiya* [Modern Russian Lexicology]. Barkhudarov, S.G. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 56–63. (In Russ.)

А.Р. Пестова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
pestova2012@gmail.com

Anna R. Pestova

Cand. Sci. (Philol.),

Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
pestova2012@gmail.com

Для цитирования: Пестова А.Р. <Рец.>. Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / отв. ред. Р.И. Воронцов. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2023. 206 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 126–130. DOI: 10.31857/S1605788024030133

For citation: Pestova, A.R. <Rev.> *Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka v zerkale nauchno-metodologicheskoy literatury i kritiki: Spravochnye materialy (1938–1970) / otv. red. R.I. Vorontsov. SPb.: In-t lingv. issled. RAN, 2023. 206 s.* [Review:] A Large Academic Dictionary of the Russian Language in the Mirror of Scientific and Methodological Literature and Criticism: Reference Materials (1938–1970). Ed. by R.I. Vorontsov. St. Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. 206 p. [In Russ.]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 126–130. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030133

Дата поступления материала в редакцию: 17 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on March 17, 2024

Revised on April 1, 2024

Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030148

**Международная конференция, посвященная 120-летию профессора
Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981)**

**120 Years of Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky (1903–1981).
International Memorial Conference**

16–18 октября 2023 г. в Институте лингвистических исследований РАН прошла Международная конференция, посвященная 120-летию профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981). М.И. Стеблин-Каменский — выдающийся филолог, основатель кафедры скандинавских языков Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Михаил Иванович родился в 1903 г. Путь Михаила Ивановича к своему призванию оказался труден — в 1923–24 учебном году его отчислили из Петроградского университета из-за дворянского происхождения. Окончив языковые курсы, он преподавал английский язык в Политехническом институте, и лишь в 1939 г. восстановился в университете и сдал экзамены экстерном. Научная биография Михаила Ивановича была связана с изучением древнеанглийской поэзии и работой в Пушкинском доме в блокадном Ленинграде. Михаил Иванович, оставаясь в осажденном городе, подготовил диссертацию «К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии)». Защита кандидатской диссертации М.И. Стеблин-Каменского прошла заочно в 1943 г. в Ташкенте, где в то время находились в эвакуации Институты Академии наук СССР. В те же годы Михаил Иванович увлекся изучением древнескандинавских литературных памятников, и это определило его дальнейший научный путь. Докторскую диссертацию «Поэзия скальдов» М.И. Стеблин-Каменский подготовил уже к 1947 г. После защиты он был приглашен преподавать на филологический факультет на кафедру германской филологии, где продолжал научную работу в области исландской литературы. В 1958 г. М.И. Стеблин-Каменский основал первую в стране кафедру скандинавской филологии и возглавлял ее двадцать лет.

В 2003 г. ИЛИ РАН провел масштабную конференцию, посвященную 100-летию со Дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. Конференция 2023 г. продолжила традицию отмечать юбилей Михаила Ивановича крупным научным мероприятием.

Программу конференции открыл академик Николай Николаевич Казанский (Санкт-Петербург) с докладом «Причины и следствия в диахронической лингвистике». Николай Николаевич продемонстрировал, что прямые причинно-следственные связи в истории языка возможно обнаружить, только когда речь идет о масштабных изменениях, затрагивающих едва ли не всю языковую систему.

Борис Сергеевич Жаров (Санкт-Петербург) в своем выступлении поделился воспоминаниями о М.И. Стеблин-Каменском, которые озаглавил «Михаил Иванович Стеблин-Каменский глазами студента, аспиранта, младшего коллеги». Воспоминания, как научного, так и личного, порой юмористического, характера имели большой успех у аудитории.

Заведующая кафедрой скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ Ирина Михайловна Михайлова (Санкт-Петербург) рассмотрела поэму Мартинуса Нейхофа «Аватер» (1934) сквозь призму идей М.И. Стеблин-Каменского о древнескандинавской литературе. М. Нейхоф в поисках духовных ценностей, утраченных современной литературой, проникся древней литературой и воспринял ее особенности. В результате поэма «Аватер» отличается «эпической широтой диапазона, эпическим охватом действительности».

Николай Леонидович Сухачев (Санкт-Петербург) проанализировал статью Л.В. Щербы «Эксперимент в языкознании» как возможную теоретическую основу книги М.И. Стеблин-Каменского «Спорное в языкознании» [1], обратив

особое внимание на поэтичность самих научных трудов М.И. Стеблин-Каменского.

В программу конференции вошли доклады прямых учеников М.И. Стеблин-Каменского — в первую очередь, Ю.К. Кузьменко и А.С. Либермана, а также их учеников. Юрий Константинович Кузьменко (Санкт-Петербург) представил доклад «Об авторстве сказочных саг», в котором развил идеи Михаила Ивановича о синкретической правде и неосознанном авторстве применительно к сказочным сагам в древнеисландской литературе. Понимая под «сказочными» саги о древних временах и рыцарские саги, Михаил Иванович не отмечал в них никакого следа осознанного авторства, хотя и признавал возможную начальную стадию художественной правды [2]; [3]. Юрий Константинович охарактеризовал сказочные саги термином А.С. Либермана «неполное авторство» и рассмотрел признаки, которые свидетельствуют о развивающемся авторском сознании и постепенном формировании понятия авторства: это осознанный вымысел, авторские отступления и авторское «я».

Анатолий Симонович Либерман (Миннесота, США) выступил с докладом о сопоставлении литературной перспективы и обратной перспективы, известной из средневековой живописи. По мнению Анатолия Симоновича, менталитет, лежащий в основе обратной перспективы, также составляет основу всего древнего и средневекового словесного искусства.

Федор Борисович Успенский (Москва) представил доклад о скрытых отсылках в «Саге о Стурлунгах». Эта сага необычна, поскольку в отличие от большинства родовых саг была сочинена в XII–XIII вв. непосредственным участником многих из описываемых событий. Один из фрагментов «Саги о Стурлунгах», на первый взгляд, не представляющий особых затруднений для современного комментатора, содержит прозаические и поэтические маркеры, понятные для саговой аудитории и демонстрирующие разрыв привычной для саги синхронности времени персонажа, времени автора и времени читателя.

Работы М.И. Стеблин-Каменского по фонологии послужили отправной точкой для многих докладов на конференции. Выступление Юрия Александровича Клейнера (Санкт-Петербург) было посвящено знаменитой статье М.И. Стеблин-Каменского «Нейтрализация: название и суть» [4] и развитию на протяжении полувека изложенных в ней идей. Ряд фундаментальных понятий, которые ранее включал в себя термин «нейтрализация», был переосмыслен, а

проблема нейтрализации, во многом, отошла в область истории языкознания.

Антон Владимирович Циммерлинг (Москва) в докладе «Фонологическая метафора и параметрическая грамматика» обратился к статье М.И. Стеблин-Каменского «Изоморфизм и “фонологическая метафора”» [5] о соотношении плана содержания и плана выражения в языке и способе построения лингвистической теории. Антон Владимирович показал, что грамматика как совокупность ограничительных условий, накладываемых на порождение правильно построенных структур, является оптимальной областью применения аппарата бинарных признаков и параметров, а вопрос о бинаризме должен быть отделен от вопроса о фонологической метафоре.

Лариса Эриковна Найдич (Иерусалим, Израиль) рассмотрела взгляды М.И. Стеблин-Каменского и Л.Р. Зиндера на эволюцию фонологических систем в концепции диахронической фонологии второй половины 1950-х годов, констатируя, что Л.Р. Зиндер рассматривал фонемные изменения как мутацию — в противоположность варьированию аллофонов, которое существует постоянно, в то время как М.И. Стеблин-Каменский признавал постепенность изменений на аллофоническом уровне и рассматривал звуковые изменения в терминах различительных признаков.

Доклад Наталии Дмитриевны Светозаровой (Санкт-Петербург) был посвящен ранним периодам истории Лаборатории экспериментальной фонетики Императорского Санкт-Петербургского университета (1899–1909 гг.) под руководством основателя Лаборатории Сергея Константиновича Булича. Александр Евгеньевич Маньков (Москва) рассмотрел распределение двух аллофонов фонемы /l/ в шведских диалектах Эстонии и в диалекте села Старошведское (Херсонская обл.) и показал, что такие аллофоны возникли в праскандинавскую эпоху, и их появление связано с существованием двух аллофонов у фонемы /r/ в праскандинавском, которое было обусловлено превращением прасканд. *R (< *z) в аллофон /r/. Вопросы фонологической реконструкции на материале поэтического текста обсуждались в докладе Вячеслава Сергеевича Кулешова (Санкт-Петербург / Тюмень).

Ряд докладов был посвящен вопросам исторической поэтики. В докладе Натальи Юрьевны Гвоздецкой (Москва) «Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии: истоки и перспективы исследования» обсуждался вклад М.И. Стеблин-Каменского в изучение древнеанглийских поэтических композитов с субстантивным эпитетом [6], а

также развитие его идей в работах О.А. Смирницкой и Н.Ю. Гвоздецкой. В связи с архаической и двойственной природой эпического творчества, не разграничивающей исполнение и сочинение, поэтическим композитам также присуща двойственность: внешнее подобие современным моделям словосложения при кардинальном отличии семантики (близость качественным прилагательным) и теснейшая связь с аллитерацией при отсутствии «десемантизации». О.А. Смирницкая трактует композит как продуктивный элемент особого поэтического языка, складывающегося вместе с канонизацией метрики и направленного на передачу значимостей связного эпического текста. Н.Ю. Гвоздецкая интерпретирует эти особенности древнеанглийского поэтического композита как отражение его нарративных функций: будучи сложным именем, композит содержит в себе зачатки рассказа, обнаруживая способность к развернутому сообщению и к запечатлению рассказа в образе. Взаимопревращение номинации и предикации позволяет композиту стать надежным средством воспроизведения и обновления информации при передаче традиции.

Доклад Натальи Борисовны Пименовой (Москва) о межъязыковых параллелях в семантической дистрибуции синонимов 'муж, воин' *ginc / gekkr* в древнеанглийской и древнеисландской поэзии внес вклад в изучение наследия общегерманского поэтического языка. Мария Андреевна Волконская (Москва), опираясь на материал корпуса древнеанглийских текстов, а также раннесреднеанглийской поэмы Лаямона «Брут», рассмотрела примеры поэтизмов, которые заставляют по-новому взглянуть на вопрос отнесения тех или иных лексем к «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии. Вопросам стандартизации древнеанглийской религиозной лексики был посвящен доклад Ольги Вадимовны Тимофеевой (Цюрих, Швейцария), которая проанализировала взаимосвязь и взаимодействие единиц лексикона смертных грехов в древнеанглийских диалектах в период Бенедиктинской реформы. С докладами на материале фарерского и древнеанглийского языков выступили петербургские германисты Дмитрий Дмитриевич Пиотровский, Мария Вадимовна Яценко и Анастасия Александровна Еселева.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Михаэля Шульте (Агдер, Норвегия) «Быть или не быть? Проблемы с германской долгой строкой в метрике ранних рунических надписей». Вслед за О.А. Смирницкой М. Шульте подчеркнул необходимость синтаксической связности и ритма предложения

для долгой строки и предложил новую интерпретацию метрической структуры лингвистически архаических древнейших рунических надписей. Доклад с новой интерпретацией рунической надписи на брактеате из клада Винделев в Дании, обнаруженного в 2020 г., представила внучка М.И. Стеблин-Каменского София Ивановна Пересветова-Мурат (Стокгольм, Швеция), убедительно продемонстрировав, что прочтение *Wōdanaz weraz* ('человек Одина'), предложенное датскими учеными, невозможно. Наталия Александровна Ганина (Москва) проанализировала рунические надписи с острова Рюген в сопоставлении с надписью из Грайфсвальда, которые свидетельствуют, в том числе, о полиэтничности древнегерманского населения в данном регионе.

Илья Борисович Губанов (Санкт-Петербург) представил доклад, подготовленный в соавторстве с Александром Алексеевичем Хлевым (Севастополь), о терминах для обозначения клинкового оружия «сакс» и «скальм» в древнеисландских прозаических и поэтических текстах. Татьяна Львовна Шенявская (Москва) в рамках языковых и культурных контактов в различные периоды истории исландского языка реконструировала историю названий дней недели, не сохранивших имен древних германских богов.

Ряд докладов, включая доклады исследователей-скандинавистов из Москвы Дарьи Сергеевны Глебовой и Елены Владимировны Литовских, был посвящен разносторонним проблемам в изучении саг. В докладе Татьяны Андреевны Михайловой (Москва) были описаны подходы к классификации саг. На материале ирландских саг Татьяна Андреевна сопоставила так называемый парадигматический принцип классификации — объединение саговых нарративов в группы по «опорному слову» (битвы, рождение, смерть и т.д.) с более современным синтагматическим принципом, опирающимся на циклы (например, Кухулина, Финна, королей Ирландии). Парадигматический принцип, представленный в среднеирландских текстах, менее естественен, но оправдан «с точки зрения коллекционера» — носителя среднеирландской ученой традиции.

Татьяна Николаевна Джаксон (Москва) описала трактовку темы любви в сагах, в частности, в структуре королевской саги об Олаве Святом, противопоставив взгляды А.Я. Гуревича и М.И. Стеблин-Каменского. «Романические переживания», согласно точке зрения Михаила Ивановича, никогда не были и не могли быть объектом изображения в сагах. Переживания упоминаются, только если без них нельзя изложить

события. В исследуемой саге планируемый брак — символ примирения между Швецией и Норвегией, политический и военный союз. Разрыв помолвки является оскорблением для норвежского конунга Олава Харальдссона, причем прежде всего уязвлена королевская гордость. Возможный мир оборачивается враждой, а о любви нет и речи.

В докладе Инны Геральдовны Матюшиной (Москва) был предложен анализ композиции псевдоисторических исландских саг, в частности — функции интерполяций в «Сагах о бритах», в которых, например, в целях легитимизации власти правителей Норвегии скандинавская история соотносится с историей Британии. Роль переводов латинских исторических сочинений состояла в установлении культурных связей между прошлым Исландии и мифологическими генеалогиями европейских народов.

Николай Александрович Бондарко (Санкт-Петербург) рассмотрел изречения (шпрухи) немецкого теолога-мистика Мейстера Экхарта как «простые формы» литературы в контексте общегерманской традиции жанра загадки.

Книга М.И. Стеблин-Каменского «История скандинавских языков» [7] послужила отправной точкой для доклада Дины Борисовны Никуличевой (Москва) о местоименных парадигмах древних скандинавских языков, в котором высказывается предположение, что базовой парадигматической оппозицией для скандинавских личных и указательных местоимений являлось противопоставление участников и объектов коммуникации. Доклады Елены Михайловны Чекалиной (Москва) и Елены Леонидовны Жильцовой (Москва) были посвящены грамматическим особенностям шведского языка. Выступления Елены Всеволодовны Красновой (Санкт-Петербург), Эльвиры Борисовны Крыловой (Москва), Анастасии Алексеевны Немцевой (Москва) затронули вопросы, связанные с историей и современным развитием датского языка. Александра Николаевна Ливанова (Санкт-Петербург) представила обзор норвежского языкового движения. Доклад Кристьяна Аурнасона (Рейкьявик, Исландия) «Восток, юг и запад в лингвистическом развитии скандинавских языков» был посвящен вопросам эволюции диалектов в самостоятельные языки и подвел итог обсуждению исторического развития скандинавских языков на конференции.

Доклад Елены Леонидовны Ермолаевой (Санкт-Петербург) «Апология смеха» М.И. Стеблин-Каменского применительно к «Одиссее» (песни XVII–XX) был обращен к известной статье Михаила Ивановича [8], в которой он ввел понятия

«направленного» и «ненаправленного» смеха. Приложение идей М.И. Стеблин-Каменского к анализу древнегреческого эпоса «Одиссея» (песни XVII–XX) свидетельствует об их универсальном характере. Исследования М.И. Стеблин-Каменского создали основу для разных направлений исследований, его идеи имеют непреходящее значение и не утрачивают своей притягательности, потому что они побуждают исследователей ко все новым размышлениям и попыткам понять духовный мир древности.

На заседаниях конференции присутствовали родственники М.И. Стеблин-Каменского: невестка Михаила Ивановича Ольга Никитична Стеблин-Каменская, племянница Ирина Михайловна Михайлова, внучки София и Мария, а также правнук Алексей, который родился ровно через сто лет после М.И. Стеблин-Каменского. Потомки Михаила Ивановича — двое детей, шестеро внуков, одиннадцать правнуков и четверо праправнуков.

Статьи на основе докладов и их обсуждения на конференции опубликованы в журнале «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXVIII» в 2024 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании // Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 595–695.
2. *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги // Там же, с. 125–222.
3. *Стеблин-Каменский М.И.* Становление литературы // Там же, с. 427–490.
4. *Стеблин-Каменский М.И.* Нейтрализация: название и суть (по поводу некоторых древнеисландских рифм) // Там же, с. 663–667.
5. *Стеблин-Каменский М.И.* Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Там же, с. 647–651.
6. *Стеблин-Каменский М.И.* Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (к вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля) // Там же, с. 492–513.
7. *Стеблин-Каменский М.И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
8. *Стеблин-Каменский М.И.* Апология смеха // Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 584–592.

REFERENCES

1. Steblin-Kamensky, M.I. *Spornoe v yazykoznanii* [Disputable in Linguistics]. Steblin-Kamensky, M.I. *Trudy po filologii* [Works on Philology]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 595–695. (In Russ.)
2. Steblin-Kamensky, M.I. *Mir sagi* [The World of Saga]. Ibid., pp. 125–222. (In Russ.)
3. Steblin-Kamensky, M.I. *Stanovlenie literatury* [The Formation of Literature]. Ibid., pp. 427–490. (In Russ.)
4. Steblin-Kamensky, M.I. *Nejtralizaciya: nazvanie i sut (po povodu nekotoryh drevneislandskih rifm)* [Neutralization: Name and Essence (About Some Old Icelandic Rhymes)]. Ibid., pp. 663–667. (In Russ.)
5. Steblin-Kamensky, M.I. *Izomorfizm i "fonologicheskaya metafora"* [Isomorphism and "Phonological Metaphor"]. Ibid., pp. 647–651. (In Russ.)
6. Steblin-Kamensky, M.I. *Substantivnyj epitet v drevne-anglijskoj poezii (k voprosu o razviti drevneanglijskogo poeticheskogo stilya)* [Substantive Epithet in Old English Poetry (On the Question of the Development of the Old English Poetic Style)]. Ibid., pp. 492–513. (In Russ.)
7. Steblin-Kamensky, M.I. *Istoriya skandinavskih yazykov* [History of Scandinavian Languages]. Moscow; Leningrad, 1953. (In Russ.)
8. Steblin-Kamensky, M.I. *Apologiya smekha* [Apology of Laughter]. Steblin-Kamensky, M.I. *Trudy po filologii* [Works on Philology]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University publ., 2003, pp. 584–592. (In Russ.)

A.A. Еселева

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
eselana@mail.ru

Anastasia A. Eseleva

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
eselana@mail.ru

Для цитирования: Еселева А.А. Международная конференция, посвященная 120-летию профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 131–135. DOI: 10.31857/S1605788024030148

For citation: Eseleva, A.A. *Mezhdunarodnaya konferenciya, posvyashchennaya 120-letiyu professora Mihaila Ivanovicha Steblin-Kamenskogo (1903–1981)* [120 Years of Mikhail Ivanovich Steblin-Kamensky (1903–1981). International Memorial Conference]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 131–135. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030148

Дата поступления материала в редакцию: 3 марта 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.

Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on March 3, 2024

Revised on April 12, 2024

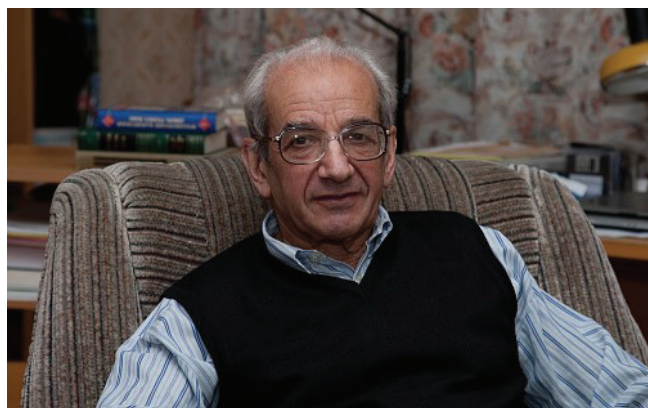
Accepted on April 15, 2024

Date of publication: June 30, 2024

Оригинальная статья / Original Article

Академик РАН Юрий Дереникович Апресян (1930–2024)

Academician of the Russian Academy of Sciences
Yury Derenikovich Apresyan (1930–2024)

12 мая 2024 г. на 95-м году жизни скончался выдающийся российский ученый академик Юрий Дереникович Апресян. В его лице наука потеряла не только гениального лингвиста, глубокого исследователя русского языка, но и человека высокой интеллектуальной и нравственной культуры.

Влияние его выдающихся трудов и его незаурядной личности на лингвистику середины XX – начала XXI в., на общую атмосферу в научном мире России трудно переоценить. Такие его книги, как «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966), «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (1967), «Лексическая семантика» (1974), «Интегральное описание языка и системная лексикография» (1995), «Исследования по семантике и лексикографии» (2009) становились классическими почти сразу после их выхода в свет. Зарубежным исследователям труды Юрия Дерениковича хорошо известны как по многочисленным переводам его русскоязычных книг и статей, так и по специально написанной по заказу Oxford University Press книге *Systematic Lexicography*, изданной в 2000 и переизданной в 2008 г.

Ю.Д. Апресян был одним из немногих, а может быть, и единственным лингвистом-теоретиком,

имя которого знакомо сотням тысяч, если не миллионам людей, весьма далеким от науки о языке: именно таков совокупный тираж разных изданий трехтомного «Большого англо-русского словаря», который был составлен при его активнейшем участии в начале 1970-х годов, а начиная с третьего издания в конце 1980-х годов создавался под его прямым руководством. В последние годы словарь был значительно обновлен и сейчас приобретает новый, современный сетевой формат. Несколько переизданий выдержал и «Англо-русский синонимический словарь» под редакцией Ю.Д. Апресяна, впервые опубликованный в 1979 г.

Ю.Д. Апресян родился в Москве. Окончив в 1953 г. факультет английского языка 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (впоследствии – Институт им. Мориса Тореза, а сейчас – Московский государственный лингвистический университет), он несколько лет преподавал английский язык в том же институте и одновременно занимается научными исследованиями, результатом которых становится его кандидатская диссертация на тему «Фразеологические синонимы в современном английском языке», защищенная им в 1958 г.

В 1960 г. Ю.Д. Апресян переходит в сектор структурной лингвистики Института русского языка Академии наук СССР, где работает до лета 1972 г. в должности младшего научного сотрудника. В июне 1972 года ученый совет Института русского языка «не счел возможным» переаттестовать Ю.Д. Апресяна даже в столь скромной научной должности, хотя к этому времени Ю.Д. Апресян – один из ведущих специалистов в области структурной лингвистики, автор двух книг (одна из которых уже переведена на другие языки) и множества статей. Такое решение руководства академического учреждения было полностью продиктовано вненаучными обстоятельствами:

Ю.Д. Апресяна преследовали за его инакомыслие. Он не скрывал своего несогласия с политикой советской власти, с ее идеологическими догмами, неоднократно выступал в защиту несправедливо осуждаемых — Ю. Даниеля и А. Синявского, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, в защиту своего друга Константина Бабицкого, который вместе с другими участниками демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве был приговорен к нескольким годам ссылки.

С 1972 по 1985 г. Ю.Д. Апресян работает в московском НИИ «Информэлектрон», где собирает группу из языковедов и программистов, которая под его руководством занялась разработкой систем автоматического перевода научно-технических текстов — сначала французско-русского, а затем и англо-русского. В 1985 г. вместе с несколькими своими сотрудниками он переходит в Институт проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР (сейчас это Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН), где сначала работает в качестве главного научного сотрудника, а с 1989 по 1994 г. — заведующим Лабораторией компьютерной лингвистики. В 1995 г. заведующим этой лабораторией по инициативе Юрия Дерениковича становится один из его учеников и соратников, а сам он снова занимает должность главного научного сотрудника той же лаборатории. Не оставляя работы в ИППИ, Ю.Д. Апресян возвращается в Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, где он возглавил коллектив ученых, позднее составивших сектор теоретической семантики.

Надо сказать, что в 60-е — 70-е годы XX в. официальная лингвистическая наука в нашей стране не торопилась признавать несомненные заслуги Ю.Д. Апресяна. Более того, чинились всевозможные препятствия его научной деятельности: ученого многократно «прорабатывали» на различных заседаниях и собраниях, вызывали в КГБ, отказывали в выезде за границу по приглашению зарубежных научных учреждений, запрещали читать лекции студентам, в советских научных журналах не принимали к публикации его статьи, удаляли ссылки на его труды в работах других отечественных ученых. В 1973 г. была умышленно «потеряна» сданная им в издательство «Наука» рукопись книги «Лексическая семантика». Впоследствии, когда автору почти чудом удалось ее восстановить и все-таки опубликовать, эта книга положила начало новой эпохе в теоретической семантике и лексикографии. Сейчас без нее невозможно представить себе не только дальнейшее

развитие этих лингвистических дисциплин, но и преподавание языкознания в вузах. Однако лишь в 1984 г., да и то втайне от московской официальной науки, Ю.Д. Апресян защитил в Минске монографию «Лексическая семантика» в качестве докторской диссертации.

Обстановка, сложившаяся в советском языкознании в конце 1960-х — 1970-х годах, описана самим Ю.Д. Апресяном в предисловии к двухтомнику его «Избранных трудов» (М., 1995), где он говорит не только о собственных злоключениях, но и о гонениях, которым подвергались другие ученые. Несмотря на столь неблагоприятные условия научной деятельности, Ю.Д. Апресян все эти годы активно работает в различных направлениях как теоретической, так и прикладной лингвистики, а также русистики, создавая исследования, которые оказывают значительное влияние на развитие и отечественной, и мировой науки о языке.

Выдвинутая им в начале 80-х годов идея интегрального (то есть единого для словаря и грамматики) описания естественного языка, практически воплощаемая им в многочисленных статьях и словарях, в частности, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (2004), в «Активном словаре русского языка», разработка которого началась в 2010 г. по инициативе Ю.Д. Апресяна и под его руководством, прочно укоренилась в сознании лингвистов. Сейчас эта идея кажется настолько очевидной, что трудно себе представить, насколько новаторской она была в свое время.

Особого упоминания заслуживает основанный Ю.Д. Апресяном в 1974 г. постоянно действующий семинар — вначале по прикладной, а затем и по теоретической лингвистике. Семинар не прерывал своей работы в течение сорока шести (!) лет. Выступить на этом семинаре считали за честь многие известные лингвисты России и мира. Семинар явился той «ячейкой», в которой постепенно формировалась и к началу XXI в. вполне сложилась возглавляемая Ю.Д. Апресяном Московская семантическая школа, о которой речь пойдет впереди. Надо сказать, что форма семинарских занятий, с их свободным обменом мнениями, была близка Ю.Д. Апресяну, поскольку, несмотря на свое явно лидерское положение в отечественной лингвистике, он предпочитал именно диалог с коллегами и учениками, обсуждение научных проблем «на равных». Он умел слушать и слышать собеседника, не навязывая ему собственной точки зрения.

В начале 90-х годов XX в. заслуги Ю.Д. Апресяна были, наконец, признаны официальной академической наукой: в июне 1992 г. он был избран действительным членом Российской академии

наук (минуя стадию члена-корреспондента). Излишне говорить, что это «вознесение» на академический олимп несколько не повлияло на поведение Ю.Д. Апресяна и на его качества как ученого и человека: он так же без устали трудился на благо любимой лингвистики, он так же был доступен и прост в общении, так же внимателен к коллегам, как это было и раньше.

Академик Ю.Д. Апресян был награжден Золотой медалью им. В.И. Даля, присужденной ему Российской академией наук в 2004 г., состоял иностранным членом Национальной Академии наук Армении, почетным профессором МГУ, был лауреатом престижной премии Вильгельма фон Гумбольдта (ФРГ), доктором *honoris causa* Софийского университета Св. Климента Охридского, доктором *honoris causa* Варшавского университета.

Ю.Д. Апресян известен далеко за пределами нашей страны как признанный глава Московской семантической школы (МСШ). В рамках этой школы им была создана целостная и глубоко проработанная теория семантики, основанная на разнообразном и массовом языковом материале. Уже в этом состоит ее принципиальное отличие от большинства современных теоретических построений, которые нередко опираются на весьма ограниченный и выборочный материал. Ю.Д. Апресян всегда ощущал себя лексикографом: именно поэтому он не раз проверял и оттачивал свои теоретические находки, буквально прочитывая «от корки до корки» объемистые толковые словари (например, все четыре тома Малого академического словаря русского языка) — как русские, так и толковые словари английского языка. Работы Ю.Д. Апресяна оказали глубокое воздействие на многие исследования, формально не относящиеся к МСШ, и в значительной степени изменили стиль научного мышления большого числа исследователей.

Ю.Д. Апресяну была свойственна уникальнейшая способность претворять общие теоретические концепции во вполне конкретные лексикографические продукты. Эта способность проявилась во всех словарях, над которыми он работал, — в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» (составленном Ю.Д. Апресяном совместно с И.А. Мельчуком и А.К. Жолковским), в словаре «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (в соавторстве с Э. Палл), в «Большом англо-русском словаре», в «Англо-русском синонимическом словаре» и, разумеется, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», впитавшем в себя практически все достижения теоретической мысли МСШ. Последние три словаря созданы

Ю.Д. Апресяном в составе довольно больших коллективов; однако его определяющая роль в этой работе — и в качестве автора, и в качестве строгого, внимательного и мудрого редактора — не подлежит никакому сомнению.

Важной особенностью созданных Ю.Д. Апресяном и под его научным руководством словарей является их ориентация на активность. Принцип активности словаря требует, чтобы лексическим единицам была приписана информация, необходимая не только для понимания текстов, но и для гибкого использования языка в речи говорящих (как носителей языка, так и людей, изучающих данный язык в качестве неродного). Это означает, что словарная статья должна содержать исчерпывающие сведения обо всех существенных свойствах лексической единицы. По мысли Ю.Д. Апресяна, совокупность таких сведений, вместе с правилами, по которым строятся языковые высказывания, является формальным аналогом того, что называется языковой компетенцией говорящих. Идеи, касающиеся активного словаря, сейчас воплощаются в работе над многотомным «Активным словарем русского языка» (к настоящему времени из печати вышли четыре тома). Несмотря на тяжелое состояние своего здоровья в последний период жизни, Ю.Д. Апресян принимал активное участие в этой работе.

Другим важным источником импульсов для развития лингвистической теории явилась работа Ю.Д. Апресяна над системами компьютерной обработки естественного языка, в первую очередь над системой машинного перевода «ЭТАП» (= ЭлектроТехнический Автоматический Перевод), в которую он вложил годы труда и частицу своей души. Ю.Д. Апресян, как и другие создатели этой системы, в значительной мере воспринимали ее как своего рода экспериментальный полигон для проверки теоретико-лингвистических построений. По существу, именно эта работа привела Ю.Д. Апресяна к формулировке важнейшего принципа интегрального описания языка — принципа согласованности грамматики и словаря. В свою очередь, система «ЭТАП» явилась практическим воплощением этого принципа в жизнь.

Ю.Д. Апресяна всегда отличала высочайшая требовательность к материалу, выпускаемому им в научный оборот. Эта требовательность в полной мере относится и к языковым примерам, иллюстрирующим теоретические положения или словарные разработки. Если это литературный пример, то можно быть уверенным, что он заимствован из первоклассного произведения уважаемого автора. Если же это пример,

сконструированный исследователем, то он часто еще и поучителен в самом прямом смысле слова: напоминает о давнем историческом факте, сообщает научную (не обязательно лингвистическую!) истину или рисует в общем оптимистическую картину мира, в котором действуют, как правило, хорошие люди, пусть и не чуждые обычных человеческих слабостей и эмоций.

Позднее Ю.Д. Апресян обратился к еще одной исключительно важной теме. Путем основных и глубоких исследований он построил фундаментальную классификацию языковых предикатов. Отталкиваясь от существующих классификаций Ю.С. Маслова, З. Вендлера и ряда других ученых, автор предложил весьма стройную и последовательную онтологию предикатов языка, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Это такие предикаты, как **деятельности** (*торговать, воевать*), **поведения** (*баловаться, капризничать, ерничать*), **занятия** (*играть, отдыхать*), **существования** (*существовать, быть, наличествовать*), **интерпретации** (*ошибаться, соблазнять*) и многие другие. Как подчеркивал Ю.Д. Апресян, эта классификация необходима для формулировки самых разных лингвистических правил — в частности, синтаксических, сочетаемостных, семантических и коммуникативных.

К теме фундаментальной классификации предикатов достаточно близко примыкает работа по созданию цельной системы семантических признаков слов и семантических ролей предикатов. Система семантических признаков в экспериментальном порядке используется в глубоко аннотированном корпусе русских текстов, СинТагРус, составляемом ближайшими коллегами Ю.Д. Апресяна в Институте проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН.

Последние годы своей жизни Ю.Д. Апресян посвятил двум масштабным проектам. В это время он отдает много сил «Активному словарю русского языка». Здесь он выступает не только как автор концепции словаря и составитель многих словарных статей, ответственный редактор уже вышедших в свет томов и общий руководитель проекта. Помимо этого, он неустанно продолжает совершенствовать лингвистический фундамент словаря и обобщает полученные результаты в многочисленных публикациях.

Если работа над «Активным словарем» ведется солидным коллективом, то второй проект — это продукт индивидуального творчества Юрия Дерениковича. Более десяти лет он отдал теме, увлекавшей его еще со времен «Англо-русского синонимического словаря» (1979), — сопоставительной англо-русской лексикографии. В отечественной лексикографии накоплено немало разнообразных наблюдений над расхождениями между русским и английским языком. Однако только в этой работе такого рода наблюдения явились результатом систематического и массового обследования лексики в масштабе всего словаря, что можно с полным основанием назвать фирменным стилем Ю.Д. Апресяна. Для того, чтобы такой результат стал возможен, Юрий Дереникович предпринял огромную подготовительную работу. Он составил новаторский двуязычный англо-русский толково-комбинаторный словарь, содержащий свыше 8 000 словарных статей, в которых накоплена обширная фактическая информация о разнообразных свойствах слова, в том числе в беспрецедентном масштабе о его лексических функциях (в понимании теории «Смысл — Текст»). На базе этого словаря было проведено широкое исследование расхождений между английским и русским языками. Важнейшие результаты этого исследования касаются как сходств, так и расхождений в области лексико-семантической сочетаемости, семантики, а также порядка слов и коммуникативной организации высказываний.

Необычайная профессиональная добросовестность, основанная на высоких нравственных принципах, строгая требовательность как к своим научным изысканиям, так и к работам других ученых всегда сочетались у академика Ю.Д. Апресяна с уважением к иным научным концепциям и направлениям, с терпимостью в отношении тех из них, которые, может быть, и значительно расходились с его собственными научными воззрениями.

Уход такого замечательного ученого и человека, каким был Юрий Дереникович Апресян, — невосполнимая утрата. Все, кто знал его, и те, кто, не будучи знаком с автором, изучал его глубокие, талантливые труды, искренне скорбят о его кончине.

И.М. Богуславский
Доктор филологических наук,
заведующий лабораторией компьютерной лингвистики
Института проблем поиска информации им. А.А. Харкевича РАН,
Россия, 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1
bogus@iitp.ru

Л.Л. Иомдин
Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института проблем поиска информации им. А.А. Харкевича РАН,
Россия, 127051, Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1
iomdin@iitp.ru

Л.П. Крысин
Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
leonid-krysin@mail.ru

Igor M. Boguslavskiy
Doct. Sci. (Philol.),
Head of the Computer Linguistics Laboratory
at the A.A. Kharkevich Institute of the Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences,
19 Bld. 1 Bolshoy Kharetny Lane, Moscow, 127051, Russia
bogus@iitp.ru

Leonid L. Iomdin
Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.A. Kharkevich Institute
of the Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences,
19 Bld. 1 Bolshoy Kharetny Lane, Moscow, 127051, Russia
iomdin@iitp.ru

Leonid P. Krysin
Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
leonid-krysin@mail.ru

Для цитирования: Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П. Академик РАН Юрий Дереникович Апресян (1930–2024) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 136–140.

For citation: Boguslavskiy, I.M., Iomdin, L.L., Krysin, L.P. *Akademik RAN YUrij Derenikovich Apresyan (1930–2024)* [Academician of the Russian Academy of Sciences Yury Derenikovich Apresyan (1930–2024)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 136–140. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 15 мая 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2024 г.
Статья принята к публикации: 25 мая 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on May 15, 2024
Revised on May 20, 2024
Accepted on May 25, 2024
Date of publication: June 30, 2024